

*Игрушечник
Пётр Африкантов*

Сказки о Саратове

и саратовской глиняной игрушке

Саратов 2015

7

П.П. Африкантов

Сказки о Саратове

роман

«СТАРЫЙ ДОМ ПОД ЧЕРЕПИЧНОЙ
КРЫШЕЙ»

(часть вторая, окончание)

Книга седьмая

Саратов

2015.

Африкантов П.П.

СКАЗКИ О САРАТОВЕ. Книга 7.

«Старый дом под черепичной крышей» Роман.

Конец второй части. 268 стр. г. 2015 .

В романе «Старый дом под черепичной крышей» рассказывается о поисках утерянной старинной глиняной игрушки города. В поисках участвуют различные группы детей и взрослых. У них разные цели поиска и разные возможности. Раздумья героев, желания, жизненная философия, поведенческие ориентиры составляют сюжетные линии произведения.

Глиняным игрушкам автор в произведении отводит особое место. Они умные, деятельные, подвижные со своими характерами наклонностями, имеющие собственные жизненные позиции и эти позиции отстаивающие.

Предназначена для широкого круга читателей.

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование

П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод
«Римкер».

© П.П. Африкантов, 2015

Глава 43. Дом на Лермонтовой

(Продолжение главы)

– Слышал,– прошептал Антон.

– Тише,... а то заметят.

– Вот этот с бородкой и есть тот самый Забродин, доцент; иностранец подтвердил. Муха не соврал, его точно зовут Эдуард Аркадьевич.

– Без тебя понял, не глухой...

– Если бы во время отобрали гуделку у Пеги, то была бы наша, а теперь вон она на столике стоит. Надо было его там караулить, а не здесь торчать.

Антон немного помолчал, затем тихо проговорил:

– Не плохо бы наведаться на эту свалку и нам.

– Наведаемся, только не сейчас – ответил Костя.

– Здесь дела поважнее. Всё равно игрушка этим господам попадёт. Слушай лучше, да запоминай. Сейчас каждое их слово на вес золота, речь идёт не об одной игрушке.

По разговору мальчишки поняли, что Эдуард Аркадьевич и Фома Фомич давно друг друга знают и даже находятся в приятельских отношениях. Не каждый же будет называть Эдуарда Аркадьевича «Эдиком», а кто у них главнее – было не понять. Главное сейчас было запомнить все нюансы разговора.

.....

– А вдруг эта игрушка не та, за которую вы её выдаёте? – засомневался Батист.

– Это доказуемо, – проговорил доцент. – Дело в том, что эта игрушка описана профессором Позолотинным в своей монографии... Если сомневаетесь, то можете взять третий том его сочинений и сверить данное им описание с оригиналом. Посмотрите страницы 425 – 430.

– Я вам доверяй, – сказал Батист, – но будет спокойнее, если я тоже познакомлюсь с этот текст и сделаю сравнения. Как гласит ваш поговорка «Доверяй, но проверяй».

– Проверяйте, госполдин Батист, мы не против, – сказал Фома Фомич и встал, показывая тем самым, что разговор на сегодня закончен.

– Думаю, что скоро мы встретится, – проговорил Батист. – Я сегодня-завтра наведу справка и если всё о-кей, то наш договор будет в силе. Кстати, гармониста и барашек я тоже буду покупать.

После этих слов Батист пожал всем руки и ушёл, Тараканов и доцент остались одни.

.....

«А молодец всё-таки Антон, что взял меня с собой, а не послушал своего брата и учителя, – думал Свистопляс, находясь в антоновом кармане, – где бы я это всё услышал, плохо одно, что выглянуть нельзя и осмотреться, а главное, нельзя увидеть ту игрушку, о какой говорят эти господа». Одного из го-

воривших Свистопляс признал, это – Фома Фомич, а вот другого голоса он никогда не слышал. «А вдруг это Глиня стоит перед ними на столе, а он Свистопляс даже и не знает, хотя находится совсем рядом, – подумал кентавр.– В этом случае можно подсказать полным галопом к столу, громко крикнуть их воинственный клич «СМЕЛЫМ – СЛАВА ! – ТРУСАМ – ПОЗОР!», Глиня сразу поймёт, что это его друг, прыгнет со стола прямо ему на спину и, поминай как их звали, ведь никто не умеет так быстро скакать как Свистопляс».

Но через минуту, он уже отверг это решение, потому как спастись самим, подумал он, – мало чести для настоящих воинов, главное для них спасти тех, кто попал в беду, то есть остальных глиняшек: Катерину, Дуню, Пустолая..., а тут уже спешка не нужна, а лучше узнать, где они находятся?

Как понял Свистопляс. эти господа озабочены тем же, так зачем им мешать, пусть ищут, а для выручки друга Глини он придумает другой план. Ещё его остановила от решительных действий информация о Ваське, козочке и овечке. Конечно, Батист не назвал их по имени, но он же чётко сказал, и Свистопляс хорошо это слышал: «Гармониста и барашек я тоже буду покупать». Понятно, что этот иностранец не знал их имён, важно, что речь шла о гармонисте и барашке, и ясно, что он их тоже хочет купить. Здесь надо подумать.

.....

– Осторожный, – сказал Эдуард Аркадьевич Фоме Фомичу про иностранца после его ухода, сидя в кресле-качалке, – проверить решил.

Забродин стоял напротив него, опершись на спинку стула. Вид у него был явно не торжествующий, а скорее наоборот.

– А вы как бы на его месте поступили? – немного помолчав, сказал Фома Фомич, – все мы рискуем, а он так больше нашего, вот и стелет соломки.

А всё-таки, Позолтин был прав, – сказал доцент Фоме Фомичу. – Знаешь, у меня сейчас смешанные чувства. С одной стороны я раньше всегда хотел, чтобы он был неправ. Вот и в своей докторской диссертации я об игрушке ничего не говорю. У меня на носу защита, а тут всплывают вещественные доказательства, что она была и есть... Я не могу о ней ничего не сказать...

– Ты, Эдик, не волнуйся, – утешительно сказал директор свалки.

– Как же мне не волноваться, – начал горячо говорить Забродин. – Оппоненты тоже не дураки. Они читали труды Позолотина. Правда, на мировой уровень эта информация не выплеснулась, но как знать. Нужна пауза, а паузы может и не быть. Возьмёт какой-нибудь коллекционер и продаст игрушечку иностранцам, а они люди дошлые, копейку умеют делать. На весь мир разстрезвонят, что в Саратове

найдена уникальная игрушка, и уж, как пить дать, вспомнят и Позолотина, а потом доберутся и до меня. Что там говорить о коллекционерах, когда мы сами собираемся сделать то же самое. Логика говорит мне, что лучше б её и не было, а если нашлась, так её надо закопать подальше, чтоб уж не нашли больше никто никогда. А, с другой стороны, чую, что на этой игрушке можно хорошо заработать. Вот какие диаметрально противоположные мысли у меня в голове.

– Сними с защиты докторскую диссертацию, – тихо сказал Фома Фомич.

– Как это снять!?!.. Как это снять?! – возмутился Забродин. – Я столько потратил времени и сил, чтобы её написать,... и как же снять..?

– Прости... Тебе что, Эдик, славы захотелось?! – Фома Фомич заговорил твёрдо и резко. Тебе что, в доктора наук выйти захотелось?... Если я тебе говорю, что снять, значит – снять! – и вкрадчиво, понизив голос, с нажимом в интонации добавил. – Пока нельзя, Эдуард, по-ка...

– Не могу я этого сделать!

– Можешь и сделаешь! – твёрдо и безапелляционно сказал Фома Фомич.

– Нет,... не могу, – отрицательно покачал головой доцент.

– А ты, прежде чем неткать, да головой мотать, как бугай в колхозном стаде от мух, вспомни, кто те-

бя в люди вывел? Ты перед кем сейчас нос дерёшь?!.. Фома Фомич тебе такого указания не давал – нос задирать. – Голос Фомы Фомича крепчал, становился злее и напористее. – Вот когда я тебе такое указание, Эдуардушка, дам, нос задирать, – тогда и задерёшь. А ты думал, что раз стал доцентом и председателем комиссии по вывозке за рубеж культурных ценностей, то тебе Фома Фомич стал и не нужен... Нет, милочк,.. как ещё нужен... Стоит мне захотеть и твоя диссертация вернётся из Москвы. Ты, как вижу, забыл, кто из тебя человека сделал? Что ж, надо тебе напомнить о том, как ты на свалке, – Фома Фомич постучал пальцем по краю стола, – на моей, заметь, таракановской свалке, старинные вещи собирал. А кто тебя заметил, а кто тебя после института на кафедру определил; потом, не без моей ли ты помощи комиссию возглавил!?

Фома Фомич откинулся в кресле и отечески продолжил. – Я, Эдик, своего человека растил... Я тебя выдвинул, так я тебя и задвину, если захочу. А если надо, то вместе с мусором закопаю. Ты думаешь, если ты заведующий кафедрой, так мне до тебя уже и не дотянуться? Да у нас, братец, всё в стране на таких как я держится, на Таракановых. Если Фомы Фомичи захотят страну перевернуть и на голову поставить, перевернут и поставят. А ты... Кто ты есть? Посмотри на себя...

– Фома Фомич,... отец родной,... может чего лишку сказал,... не губите,... лучше посоветуйте, – и Забродин, встав на колени, и подойдя на коленях к креслу-качалке, в котором сидел Фома Фомич, стал целовать руки и колени Тараканова.

– Ну, полно,... полно,... вижу твоё раскаяние, ...полно. Склонённую голову меч не сечёт,... полно, – проговорил снисходительно Тараканов, приподнимая Эдуарда Аркадьевича с колен.

– Так как мне быть-то, Фома Фомич!?! – воскликнул Забродин, сложив руки ладонками у собственной груди. – Подскажите, голова кругом идёт,.. в толк взять не могу, – продолжал говорить Забродин просящим, полным отчаянья голосом.

– А вот это уже другое дело... – мягко сказал Фома Фомич, это правильная нота. Именно так, Эдуардушка, и надо. Именно так... А, Фома Фомич, посоветует, а как же не посоветовать... В ваших глиняных куклах, Эдуард Аркадьевич, я не очень разбираюсь. Можно даже сказать, что совсем не разбираюсь. Зато у меня есть люди, которые в этом понимают, вы второй из них.

– Кто первый?.. Не Позолотин ли воскрес? – спросил испуганно доцент.

– Вот... вот, – И Фома Фомич изучающе посмотрел на Забродина.

– Я думал его уж косточки сгнили... – с дрожащими губами сказал Забродин.

– Догадливый ты, Эдуардушка, за что всегда я тебя и ценил. А теперь слушай, что тебе Фома Фомич скажет... Эту игрушечку мы профессору покажем. И если это та самая, тогда это будет уже другое дело и другая цена, и другой оборот...

– Какой оборот? – переспросил Забродин.

– А такой, Эдуард Аркадьевич, что я – Фома Фомич, директор свалки спас народное достояние, а ты учёный муж, подвергал сомнению, выдвинутую профессором Позолотинным, научную гипотезу, что и выразил в своей диссертации. Что, съел? – и Фома Фомич захохотал. Его лицо выражало необычайное удовольствие, щёки подпрыгивали, а вместо глаз образовались две симпатичные лучезарные трещинки.

– Вы этого не сделаете... Вы этого не сделаете!!! – проговорил испуганно Забродин, встав опять перед Таракановым на колени.

На Забродина жалко было смотреть, с трясущимися руками, в запотевших очках, с сузившимися плечами, он уже не был тем самодовольным Забродиным, какого мальчишки видели в начале встречи. И им теперь было понятно, что именно Фома Фомич, директор свалки и есть самый главный. Они не мигая смотрели из своего укрытия на директора и Забродина, стараясь не пропустить ни одного слова.

– А хорошо, что мы не ушли, – прошептал Антон брату.

– Тихо ты... – оборвал его Костя.

Мальчишки увидели, как Эдуард Аркадьевич, снова был поднят с колен и как он тяжело сел на стул. Фома Фомич наклонился вперёд, похлопал ладошкой по колену Забродина и сказал весело и не-принуждённо:

– А вот тут ты прав,... конечно, не сделаю, – облизнув губы, проговорил директор, – чего испугался... мне, Тарakanову, медаль не нужна. Нам, Фомам Фомичам, власть нужна, а не слава. Ты вот своим умишком думаешь, что я к губернатору пойду по игрушке вопрос решать. Ан, нет. Я к такому же Фоме Фомичу пойду, под кем этот самый губернатор ходит. К другому такому же Тараканову, и мы с ним обязательно найдём общий язык. Тараканов с Таракановым всегда договорится. Вот так вот, Ероха - воха. – Он сжал пальцы в кулак, поднёс кулак к своему лицу и впился в этот кулак взглядом. И, помолчав, добавил. – Ты вот председатель экспертной комиссии – ходишь подо мной, а другой ходит тоже под таким же Таракановым как и ты, только под другим. Таракановы – сила. А ты, поди, думаешь «на законе, на конституции страна стоит»... нет, дорогой, – на Таракановых она стоит... на Таракановых. Таракановы её и фундамент, и стены, и крыша, если угодно!

После сказанного Фома Фомич опять помолчал и проговорил уже без пафоса:

– Ты вот что, – и он поманил к себе пальцем доцента, а когда тот нагнулся в направлении сидящего Фомы Фомича, проговорил негромко. – Ты не бойся и не трепещи как заячий хвост. Мы сделаем так, что и овцы будут целы и волки сыты, не дрейфь... Мы игрушку эту за границу сплавим, там придержим, обнародовать не будем. Ты свою диссертацию защитишь... Я стану председателем ассоциации директоров свалок. Позолотина, придёт время, из мёртвых воскресим. Да ещё и его спасителями окажемся. Вот тогда и крикнем об игрушке. Я, разумеется, буду спасителем игрушки. Ты немного покаешься и признаешь правоту Позолотина, а звание доктора наук у тебя уже никто не отнимет и кафедры тоже. Позолотина выпустим тогда, когда это будет нам надо, ни часом раньше. К Позолотину мировая общественность прислушается, начнётся игрушечный шум. А игрушка-то, уже за границей, тью-тью. И тебя изпод удара с твоей комиссией выведем. Откуда же ты мог знать, что это раритет? Игрушка вскоре займёт подобающее ей место в мировой культурной нише, потянет на себя очень хорошие деньги, а это миллионы зелёных. И все довольны. – Фома Фомич от удовольствия и предвкушения того, о чём говорил, даже показал доценту кончик языка. Ну, что, мол,... съел, так-то вот. Фома Фомич всё продумал...

– Ну, вы голова, Фома Фомич. Этого я от вас не ожидал, – сказал удивлённо доцент.

Эдуард Аркадьевич откинулся на спинку, достал платочек и стал вытирать лоб.

– Ладно, не хвали, сам знаю. – Небрежно двинул рукой директор.

– А о какой, Фома Фомич, игрушке говорил иностранец, я не понял, но при нём выяснять не стал? Какой-то гармонист?.. барашки?.. Поясните, что к чему? – спросил доцент.

– Моя промашка, Эдуард,... моя... Батист у меня вчера был и подобную игрушку видел, в руках вертел. Только там фигурки другие были, вот о них он и говорил. Гармонист там был, козочка и овечка.

– Как!? – ахнул Забродин. – Откуда они у вас? А я тут как фигляр!... Сцены перед французом устраиваю...

– Да всё просто, – махнул рукой Тараканов, – говорю же, что я маху дал. В доме, что я приобрёл, ты знаешь, игрушки эти были. Штуки три Зинуля в квартиру привезла. Этот Батист у меня в гостях был, на них весь вечер, пялился. Так что они там за границей не умнее нас с тобой, только форсу много.

– Так она что, эта игрушка, у вас!?

– Не-ет... уже не у меня...

– Как!?

– Эта Зиночка с куриными мозгами, выбросила их в окно, – Фома Фомич поморщился.

– Как, тысячи зелёных в окно? – изумился Эдуард Аркадьевич.

– А чему ты удивляешься? – сказал спокойно Тараканов. – Свои мозги никому не вставишь. Вот это и называется непредвиденным фактором.

– Так, Фома Фомич, возьмите пуделя, пусть ищет, в клумбах,... я не знаю... – заволновался доцент, давайте перероем там всё.

– Пуделя тоже нет,... сбежал... – сказал с досадою Фома Фомич. – Думаю, что с этой игрушкой в зубах и сбежал. Весь вечер он пытался её заполнить, а мы не давали. Улучил момент, когда я его вывел гулять и сбежал.

– А дом, который ломали твои люди, что было нельзя осмотреть?

– Да смотрели,... смотрели... и видели, только, кто бы знал... – директор помолчал. – Ты вот чего, волну не гони, игрушка никуда не денется. Сейчас я позвоню Симе и он её милую на блюдечке нам принесёт.

Он достал мобильник, набрал номер и сказал в трубку: «Это Фома Фомич. Ты, Сима, вот что. Тот мусор, что от меня привезли надо перебрать по щепочке. В мусоре находится глиняная игрушка, её надо найти, – и выключил телефон.

– Я не доверяю твоему Симе, – сказал Забродин. – Пусть от меня там будет ещё один человек.

– Это ты его имеешь в виду, и он кивнул на Гуделку, подразумевая под ним принёсшего игрушку Пегаса.

– Да, его самого. Пусть будут на равных по поиску игрушки.

– Надо подумать, – сказал Фома Фомич, – как бы Сима не обиделся. У нас не так-то много преданных и верных людей, – и, встав, направился к своему «шевроле». За ним пошёл и доцент.

– Вот тебе на, –... протянул Костя, – когда за чёрным «шевроле» закрылись ворота. – Ты всё понял?

– Я запомнить-то запомнил, только не всё понял, – ответил Антон.

– Фома Фомич оказался удачливым, сам поди не думал, какое ему богатство привалит, когда старый дом покупал, и Позолотин, оказывается жив. Помнишь, о нём Пал Палыч говорил?.. Интересно, где он прячет профессора? Давай расскажем обо всём учителю.

– Давай. Только отсюда надо сначала выбраться.

Такой удачи ребята не ожидали. По сути, вся информация была у них, образно выражаясь, в кармане и даже информация о Позолотине, на которую они просто не рассчитывали. Надо было действовать.

Антон быстро перебрался на ту сторону ограды, а вот с Костей случилась беда. Предательская ветка, что прошлый раз только треснула, обломилась и он упал.

Цепкая рука схватила Костю за шиворот и повернула. Костя увидел перед собой ехидную улыбку доцента.

Глава 44. **Василий играет**

Мы оставили Смуглянку, Белянку и Василия в тот момент, когда они, вдоволь пообсыпавшись серо-белым глиняным порошком, пошли на поиски глины, из которой был сделан Василий. Величественная панорама предстала перед путниками, когда они поднялись на самую вершину горы. Во-первых, это была, раскинувшаяся на многие километры, широкая гладь реки, за которой виднелись очертания другого города. Мамушка говорила, что это Покровская слобода, а по-сегодняшнему – город Энгельс. Вдали, справа и слева, виднелись два, различных в утренней дымке, моста, справа – железнодорожный, а слева – автомобильный. Они нитками пересекали реку, а по реке плыл серебристо-белый теплоход.

– Красиво как, – вздохнула Белянка.

– Так бы и ходила здесь, и щипала травку, – проговорила Смуглянка.

– Это место называется Кумысная поляна, – пояснил пудель, – мы с хозяином сюда на пикники приезжали.

– А чего ты ещё знаешь? – спросил Василий. – Может быть, ты знаешь, где здесь глина?

– А что такое глина? – спросил пудель. – Что такое земля знаю, а вот что такое глина?.. я не знаю, – и помотал отрицательно головой.

– Вот, на тебе, – сказала Белянка. – Глина это тоже земля. Бывает – жёлтая, коричневая, серобелая, как там, где мы только что были...

– А я цветов не различаю, – погрустнел пудель, – а запахи различаю, а вот цветов не различаю, у меня в глазах всё серое.

– Тогда как тебе объяснить – задумалась Смуглянка. – У меня тоже с цветами не очень.

– Я придумала, – сказала Белянка. – После дождя к ней копыта прилипают и скользишь.

– Так бы сразу и сказали, – обрадовался пудель, – тогда я тут в округе все такие места знаю, где лапы прилипают.

– Так, где же эти твои места? – спросил обрадованно Василий. – Может быть одна из глин, что в этих местах есть – моя будет?

– Самая от нас близкая глина, не считая ту, что мы видели, это липучка. Так я её прозвал, – сказал пудель, – находится на пруду. Мы с хозяином там машину мыли.

– А где этот пруд? – спросил Василий.

– Пруд находится около дач. Только к дачам идти и не обязательно. Сначала пойдём обочиной

шоссе, дойдём до памятника водителям, погибшим на войне; справа, за полем, в овражке, и есть эта глина. Я по тому овражку бегал, и везде лапы липли.

– Молодец, пудель, всё замечаешь, – похвалила его Белянка, и они пошли искать глину.

Шли достаточно долго, и всё по причине маленького роста глиняшек и коротких их ножек. Вот позади остался лес, край шоссе пошли высоченные тополя. По шоссе шли и шли автомобили. Впереди они почему-то сигналили.

– А почему они там гудят? – спросила козочка.

– Эх, вы! Не знаете, – с интонацией знатока, – сказал пудель. – В том месте как раз и стоит памятник погибшим в войну водителям, вот те водители что едут и сигналият, дань памяти павшим отдают.

Дошли до памятника водителям, справа пересекли поле и спустились в неглубокий овражек. И тут пудель разочарованно остановился, озираясь по сторонам.

– Ты чего? – спросил Василий.

– Раньше здесь липло, а сейчас не липнет.

– Так ты, наверное, после дождя бегал, – засмеялась Белянка.

– Это правда, – сконфузился пудель. – Мы ещё от него с хозяином в автомобиле укрывались.

И вдруг все увидели, как лицо Василия просияло.

– Что с тобой? – проговорила Смуглянка, глядя на Василия.

– Со мной происходит то, что было и с вами. Встал я на жёлтую землю и дыхание в груди от радости спёрло, и такая благодать по всему телу разлилась, что даже и словами не выразить, а можно только музыкой. И вдруг Василий снял с плеча гармонь и растянул меха. Воздух всколыхнули звуки гармоника. Только это уже была совсем другая музыка, не разухабистая и задорная, частушечная. Василий склонил кудри над гармошкой, и плавно перебирая лады, неторопливо тянул и тянул меха и звуки, красивые, нежные, радостные и в то же время немного грустные, стайками закружились над ним в золотистом небе. Одни из них, стремительные и резвые, поднимались до облаков, а другие, наоборот, опускались вниз и приникали к травам, вкладывая им в маленькие зелёные ушки свою чарующую песнь.

Порой Василий встряхивал кудрями, приникал к гармошке ухом, будто вслушиваясь, как бьётся её музыкальное сердце, после чего, глубоко вздохнув мехами, инструмент начинал выдавать звуки величественные и, одновременно, душевно-страдательные, и, казалось, что нет места на земле, где бы не стенали и не хороводили, и не убегали в голубую высь Васины аккорды. И вдруг, стало всё вокруг гораздо прозрачнее, чем раньше, словно не-

бо опустилось на землю и прилегло на пригорке, чтобы только послушать и прикоснуться к человеческому таланту, а более через музыку ощутить его душу и понять это великое из великих существ на земле, имя которому – человек.

И хоть Василий и был сделан из глины, но любовь, переданная ему через руки мамушки, облагородила его глиняную душу, вдохнула в неё и придала ей иные качества и свойства, и его душа сейчас проявлялась в виде этих гармоничных, завораживающих звуков.

Ах, как он играл, как играл!! Звуки гармоник заполнили всё пространство от горизонта до горизонта. Вот они долетели до вдальке работающего на поле трактора. Трактор вдруг произвольно остановился и тракторист, молодой парень, заглушив шумливый двигатель, высунулся из кабины в окно, да так и застыл без движения с раскрытым ртом и широкой улыбкой на лице.

Да что там трактор – остановилась на лету сорока, летела, летела, да так и замерла с распростёртыми в воздухе крыльями, будто она уже не опиралась взмахами крыл о воздух, а звуки каким-то таинственным образом удерживали птицу; так же и, нечаянно слетевшие с берёз листья, плавно кружили в воздухе и не опускались на землю, перестав подчиняться законам земного тяготения, потому, как и сам этот закон наполнился новым содержанием и

смыслом. И где-то далеко-далеко, аж на другой стороне планеты, австралийский рыбак, услышав долетевшие до него аккорды, вдруг выпустил из рук только что пойманную рыбку, да и замер, повернув голову на северо-запад. Именно на северо-западе находится эта чудная-пречудная страна Россия, потому как только с этой стороны на большой остров, преодолев огромное расстояние, пришли чарующие звуки. И сама рыбка, при ощущении этих звуков, даже освободившись из цепких рук рыбака и почувствовав свободу, не ушла в глубины вод, а высунула из пучины свою лобастую голову, чтобы соприкоснуться с таинственным и необычным явлением.

Но, не только Австралии достигли эти звуки, они достигли и звёзд, и заворожены ими были мерцающие светила, так что на какие-то минуты, пока играла гармошка, остановился их ход в пространстве. Созвездия же, преодолев гравитационные поля, приблизились к земле, потому как за миллионы лет не доносилось до них с этой крошечной планеты ничего подобного, что бы помешало их мерному движению в вечности. Такова была сила этого гимна на встречи человека со своей матерью-землёй, и нет на свете ничего более грандиозного и возвышенного, что бы могло породить такую музыку и такие чувства!

Когда Василий закончил играть, он долго ещё сидел со склонённой головой. Вылез из кабины

трактора тракторист и уселся на гусеницы своего железного коня и, тихо улыбаясь, подставил запылённое лицо солнечным лучам – хорошо; опускающиеся листья берёзы изменили, вопреки всяким земным законам, свой путь и тихо легли у Васиных ног, одна сорока, почувствовав, что её уже ничто, помимо её крыл, не удерживает в воздухе, энергично ими захлопала, но продолжала оставаться на одном месте, потому как забыла, куда она летела и зачем? Лобастая рыба, близ берегов Австралии, ушла под воду, чтоб сообщить другим морским обитателям о чуде, которое она только что слышала, и что это чудо спасло ей жизнь. И только горбатая зеленоокая волна высоко и запоздало вздыбилась над океанской гладью, в надежде захватить пенистым гребешком необыкновенные звуки, чтобы унести их на дно и спрятать в океанских тайниках, как самую дорогую реликвию мироздания, но, как всегда, опоздала и, ворча и ворочаясь, неспешно улеглась между двумя континентами.

После всего этого, пуделя и глиняшек обуяло безудержное веселье.

– Васина земля! – вдруг закричала Смуглянка.

– Васина земля! – вторила ей Белянка. И первый раз они стали бодаться от радости, и не было у них друг перед другом ни капли гордости и высокомерия.

– Надо запомнить, как она пахнет, – сказал пудель и, ткнув нос в глинистую почву, стал с жадностью втягивать в себя воздух.

– А теперь, после того как мы нашли Васину землю, нам надо искать своих братьев, – сказала Бебянка.

– Так как же их мы найдём? – спросил Василий.
– Мы даже не знаем где Большая Горная улица?

– Там сейчас уютно, Катерина испекла свой чудесный калач, – сказала Бебянка.

– А Дуня обещала сшить мне красивый золототканый передник, – смахнув слезу, сказала Смуглянка.

– А Свистопляс с Гуделкой борются с вещизмом или устраивают показательные бои на чердаке, – добавил Василий, – какие же мы были тогда глупые и самонадеянные, и в первую очередь я. И, потом, Дуня, эта чудесная девушка, она меня так искренне любила непутёвого, а я платил ей чёрной неблагодарностью. Я её просто не замечал.

– Это хуже всего, когда девушку не замечают, – проговорила Смуглянка. – Помните, когда мамушка налепила много смешливых баранчиков, мне было очень обидно, что ни один из них не обращал на меня никакого внимания. Для женского пола это очень серьёзно.

– Я придумал!.. Я придумал!! – вдруг закричал пудель. И загавкал от неописуемой радости.

– Да ты не гавкай, а говори нормальным русским игрушечным языком, – улыбаясь, сказала козочка.

– Дело в том, что здесь есть неподалёку городская свалка.

– Ну и что? – сказал Василий.

– Как, что, – удивился пудель, видя, что Вася не понимает таких простых вещей, которые понимает любой пёс. – На свалке всегда много бродячих собак.

– Так и что? – опять спросил Василий.

– Дружище, если эти собаки бродячие, то они многое чего знают и видели на своём собачьем веку. А они туда сбегаются со всего города и наверняка знают и вашу Большую Горную, и, если во дворе вашего дома стоит хотя бы один бак для пищевых отходов, то они обязательно знают и ваш дом.

– Нет у нас во дворе мусорного бака для пищевых отходов, – ответил Василий. – Для обычного мусора баки стоят, а для пищевых отходов не стоят.

– Это плохо, что у вас нет во дворе пищевых отходов бака, – заключил пудель. – Я хоть собака и домашняя, но всегда не прочь полазить около таких баков. В любом случае, вашу улицу псы всё равно знают.

– Это почему же? – спросил Василий.

– Знают не потому, что в вашем дворе стоит бак для пищевых отходов, а потому, что в вашем дворе нет

такого бака, и ни одна уважающая себя бродячая собака в этот двор даже не забежит.

– Логично, – сказал Василий.

– Пойдёмте обочиной трассы, – сказал пудель. – Вон видите вдалеке путепровод, мост такой, по которому машины едут. Вот за этим мостом и свалка, – и он первым пошёл в сторону моста. За пуделем двинулись и остальные.

Глава 45. Пленники

– Так что, голубок!? Будем признаваться или как? – спросил доцент Костю.

Костя решил претвориться ничего не понимающим, захныкал: «Дяденька,.. я не хотел,.. у нас,.. у нас,.. мы играли,.. я искал...».

– За кем ты следил? Говори! – глаза у доцента сделались злыми, – зачем ты сюда лез?

– Я не лез, мы по ветвям деревьев друг за другом,... и не заметил я, как очутился на вашем дереве, – выпалил Костя первое, что пришло в голову. – Я, дяденька, точно случайно,.. я не хотел, это всё Антон... – И тут он понял, что сказал лишнее. Имя брата не надо было упоминать.

– Это уже интересно, – сказал доцент, вспомнив о разговоре с Пегасом. Тот называл ему имена двух мальчишек, которые тоже ищут игрушку вместе с их

учителем, и одного из них он называл Антоном, а другого Костей.

– А тебя, шкет, как зовут? – спросил сурово доцент.

– Ваня, – выпалил первое имя, которое пришло Косте в голову.

– Ладно, – изучающе посмотрев на мальчишку, сказал Забродин. – Допустим, ты сказал правду и я тебе поверил...

– Отпустите меня, дяденька... – захныкал Костя, – пытаюсь разжалобить доцента.

– Где твои сообщники? Говори...

– Я тут один, – не желая выдавать брата, – проговорил Костя. Эх! Если бы он знал, что скрывать этого ни в коем случае нельзя. Что этой ситуацией могут воспользоваться, но Костя, выгораживая брата, хотел сделать как лучше. Он не понимал того, что если бы он сказал, что он здесь не один и что его друзья видели как он перелез через забор, то этим бы поставил Забродина в ситуацию, когда мальчишку трогать было никак нельзя, потому как есть свидетели, но Костя до этого не додумался, ему хотелось отвести тень подозрения от Антона.

– А говорил, что друг за дружкой гонялись, маленький лжец... Нет логики. Подумай сам: если друг за другом гонялись, то должен быть кто-то ещё, ибо сам за собой ты гоняться не можешь,... ведь верно?

– Они увидели, что я к вам свалился, и убежали, – попытался вывернуться Костя.

– И это тоже ложь, – сказал Забродин, – потому как раньше ты упомянул только одного Антона. Отсутствует логика, ... с этим ничего не поделаешь. Тебе надлежит сказать правду, а правда всегда логична.

Антон хотел было бросится Косте на помощь, но тут же отверг это решение как нереальное, разве он может что сделать с сильным мужчиной, лучше понаблюдать отсюда, а вдруг доцент выведет Костю за ворота и даст ему под зад пинка, чтобы больше по чужим дворам не лазил.

.....

– Нет, я тебя не отпущу, хотя сказанное тобой на первый взгляд звучит и правдоподобно, – сказал Эдуард Аркадьевич Косте. – На первых порах посажу под замок и сообщу в милицию, и с этими словами повёл Костю к пристройке. Перед тем, как посадить Костю под замок доцент обшарил Костины карманы, забрал сотовый телефон, и, открыв дверь, втолкнул мальчика в какое-то узкое полуподвальное помещение с маленьким оконцем с решёткой и запер дверь на замок.

Костя огляделся. В полуподвальном помещении было полутемно. В углу стояли и лежали шланги и

пластмассовые ёмкости. «Отсюда не выбраться» – мелькнуло у Кости в голове.

.....

После того как злоумышленник был пойман и посажен в подвал, Эдуард Аркадьевич пришёл в беседку, сел за столик и стал звонить по телефону. Звонил он, конечно, Фоме Фомичу. Фома Фомич по голосу компаньона сразу понял, что что-то случилось. Доцент в деталях рассказал ему о Косте.

– Ты его отпустил?! – спросил Тараканов.

– Нет, запер в подвале.

– Это очень плохо, Эдуард Аркадьевич... Свидетели нам не нужны...

– Так он ещё пацан,... если даже чего и слышал, то ничего не понял.

– Не спеши с выводами, любезный. Такие пацаны нанесли Гитлеру и его рейху такой урон в войну, что возможно сопоставимо с гибелью дивизии, а то и армии. Партизанская разведка очень широко пользовалась их услугами. Так немцы хоть на своём языке говорили, а вы и я, сидя во дворе, говорили не на немецком. Потом они нас просто могли сфотографировать любой цифровой камерой.

– Цифровика у него не было, а мобильник я у него отобрал.

– Вы считаете, что он слышал наш разговор и всё понял? – спросил жёстко Фома Фомич.

– Я этого не утверждаю, но бережёного – бог бережёт. Под удар поставлен наш с вами бизнес, – сказал Эдуард Аркадьевич.

– Не суетись, Эдик, не надо,... свидетели нам не нужны и в любом виде, хоть жареные, хоть пареные, хоть в салате с индейкой.

– Что вы такое говорите? Разве можно! – испуганно сказал доцент.

– Я говорю, что этот ваш шикарный домик на берегу Волги построен не на зарплату преподавателя вуза.

– Бросьте, Фома Фомич,... не до ваших намёков...

– Я не намекаю,... я говорю. Просто вы завтра пересядете из дорогого автомобиля опять в старенький Запорожец. Вы этого хотите? И запомните, в мире капитала уважают деньги, а не людей. Люди – грязь.

– Так не убивать же мне его?.. – раздражённо сказал доцент.

– Я вам этого не говорил. Я сказал только, если он слышал разговор, то это очень опасно и в первую очередь для нашего «Изумруда». Вот и всё. Вы должны радоваться тому, что он был один.

– Я сам не могу... Может быть этот дворник?.. Я хорошо ему заплачу,... я...

– Вы в нём уверены? – перебил доцента Тараканов.

– Эта орясина за рюмку водки и нас с тобой удавит, и глазом не моргнёт. Если его напоить, но поутру не опохмелить, так он и мать родную... того...

– С дворником не связывайтесь, – отчеканил каждое слово Фома Фомич, – бизнес должен быть чистым, по крайней мере, хотя бы внешне. Да, кстати,... я пришлю к тебе двух охранников, чтоб тебе поспокойнее было, – и он отключил мобильник.

Эдуард Аркадьевич, после такого разговора с Фомой Фомичём долго не мог прийти в себя. Он сидел недвижно за столиком, пока в калитку не постучали.

Эдуард Аркадьевич открыл калитку. Пришёл весёлый Батист. Он съездил в университетскую библиотеку, пролистал третий том позолотинской монографии и остался очень доволен, описание профессором игрушки один в один совпало с игрушкой, которую он видел у Забродина и у Фомы Фомича.

Господин Батист, как только увидел Эдуарда Аркадьевича в таком удручённом состоянии, сразу понял, что у доцента проблемы.

– Сегодня, я думаю, мы найдём игрушка, а через три дня я вывезу её за граница как малоценную вещь, – проговорил он, усаживаясь рядом с Эдуардом Аркадьевичем на стул. – Я доволен, проверка подтвердил вами сказанное, готов платить доллар.

– Вам хорошо рассуждать, вы возьмёте игрушку и смоетесь, а мне как всё это разгрести? – прогово-

рил отрешённо Эдуард Аркадьевич, и он рассказал про своего пленника в подвале.

– Это ваше дело, господин Забродин, меня это не интересовать, – Батист посмотрел на доцента холодным взглядом. – Меня интересовать только игрушка и ничего больше. Как учёный вы меня совершенно не интересовать. Если бы не Позолотин, вы бы и внимания не обратил на эта игрушка. Ваша ценность для нас только в возглавляемая вами комиссия и не более того. Как учёный в нашем деле вы ничто. Мирская общественность поверит только профессор Позолотин, его трудам.

– Вытираете об меня ноги?.. – бросил доцент.

– Нет, зачем же. Просто вас скоро посадить, а на ваш место придёт новый человек.

– И вы его рассчитываете купить так же, как купили меня?

– В нашем мире, Эдуард Аркадьевич, всё продаётся и покупается: должности, звания, диссертация, – проговорил жёстко Батист и стеклянный глаз его из карего вдруг превратился в чёрный. – Разница лишь в цена. И, знаете, что дешевле всего стоит, – иностранец ухмыльнулся, – самый дешёвый и самый ходовой товар не эти вот, – он кивнул на Гуделку, – глиняный болванчики, а – совесть, господин Забродин. Ей торгуют сплошь и рядом, особенно в ваша перестроечная страна. Остальное всё, к

ней только прилагательство. За ваш совесть скоро не дадут ни копейки.

Батист замолчал. Доцент устремил на него беспомощный взгляд и медленно повторил за иностранцем произнесённую им фразу: «За ваш совесть скоро не дадут ни копейки».

– Да-да, господин доцент, – это единственный товар имеет тогда самая большая цена, когда его в принципе нет... – и Батист захохотал над собственным и, как ему показалось, очень удачным каламбуром. – Ха-ха-ха, ...Ха-ха-ха... Самая высокая цена за *НЕТ*. Самая высокая цена за пустота...

Гуделке это очень не понравилось. Он хотел крикнуть этому противному человечку, что он не болванчик и что он своей совести никому не продавал. Но Батист взял Гуделку в руки и так сдавил своими суховатыми цепкими пальцами, что у Гуделки перехватило дыхание и, возможно, он так бы и задохнулся, если бы Батист его снова не поставил на стол. Но больше чем иностранца, он ненавидел доцента Забродина. Иностранец что? Купил, вывез, продал, а доцент?.. Он-то свой. А он, Гуделка, думал, и правда, что попал к настоящим ценителям искусства. Тогда ему было приятно, что о нём так высоко отзываются. А на деле оказалось, что он попал к мошенникам, желающим только извлечь из него выгоду. «Вот тебе и Гуделкина выгода» – подумал

он и ироничная улыбка в отношении своих недавних мыслей мелькнула в краешках его губ. «Гуделкина выгода», – проговорил он ещё раз и две маленькие слезинки блеснули на его ресницах. В первые минуты его постигло разочарование. И тут он вспомнил о гармонисте Ваське, вспомнил, как все игрушки осуждали его за то, что он прельстился на красивую жизнь за рубежом и увлёк за собой козочку и овечку. А чем лучше он – Гуделка, который мечтал не о том, чтобы в него играли дети, а чтобы им восхищались взрослые. Да-да, восхищались его великолепным комбинизоном и искусным пролепом. Он ведь тогда считал это за свои достоинства. А разве эти достоинства были его? Ведь по правде у него и не было никаких собственных достоинств, а всё, что он имел, это было искусство мамушкиных рук.

И теперь за эти прошлые мысли Гуделка возненавидел себя, и готов был от стыда расколоться пополам. И он был уже готов упасть со стола и расколоться, как другая мысль молнией мелькнула у него в голове: «Расколоться – это не выход из положения. Он расколется, его отдадут реставратору, тот его снова соберёт в кучу и его продадут ещё дороже. Нет, так дело не пойдёт. Надо что-то делать, ... что-то делать?.. И первое, что ему пришло в голову – бежать. Бежать подальше из этого дома. Ему стало жутко от того, что как только он приобретёт цен-

ность в мировом сообществе ценителей старины, то может тоже попасть в целлофановый мешочек с биркой и будет отправлен в коробку, где будет тьма и тараканий шорох.» И тут он вспомнил о своём друге Свистоплясе, и вспомнил те сражения, которые они разыгрывали на чердаке, и ему стало горько. Разумеется, что всё это были детские шалости и игры. А ещё он вспомнил, как они сражались с вепцизмом, дырявя трезубцем, как им тогда казалось, «лишние» рубахи и платья на верёвках. Как всё это было наивно... и как всё это было давно? Казалось, с тех пор прошла если не вечность, то целая жизнь.

«Надо бежать в мамушкин дом на чердак. Лучше залезть в ящик из-под мыла и сидеть в нём со своими глиняшками» – решил он. И это не так далеко. В окно видно Соколовую гору и памятник. В любом случае за пол-дня можно дойти даже с его короткими ножками. Гуделка просто не знал, что нет уже мамушкиного дома, а разбитый ящик из-под хозяйственного мыла валяется около большого лопуха на городской свалке.

.....

Антон тем временем никуда не ушёл, а продолжал наблюдать. Он видел, как доцент схватил Костю и как запер его в полуподвальном помещении, потом с кем-то говорил по мобильнику, а потом пришёл этот, тощий и горбоносый. Как только доцент пошёл проводить гостя за калитку, Антон быстро

пробрался во двор, подбежал, крадучись, к двери, но она была заперта на замок.

– Кос-тя... Кос-тя... – зашептал он, – это я – Антон.

– Здесь темно и пахнет плесенью, – прошептал Костя. – Дверь на замке.

– Я знаю, – попытаюсь найти какую-нибудь железяку, чтоб подковырнуть...

– Осторожнее...

Но не успел Антон отойти от двери, как рука доцента стянула ему сзади ворот рубашки; перехватило дыхание, мальчик захрипел. Щёлкнул замок, дверь открылась и мальчишка от пинка кубарем полетел в дверной проём.

– Думаю, что вам вдвоём будет нескучно, – сказал доцент, запирая дверь на ключ. Посидите, подумайте, может вы мне что-то и расскажете интересное. Когда надумаете – постучите, я вас открою и мы поговорим. Только не забудьте в начале покаянной речи сказать, что вас зовут Костя и Антон, – сказал доцент и ушёл.

Антон и Костя сидели молча прямо на земле. Кирпичные толстые стены, крепкий замок не давали никаких шансов на спасение.

– Что с нами будет? – спросил Антон.

– Не знаю, думаю, что крапивой отстегают и отпустят, – сказал Костя брату, более этим желая ус-

покоить Антона, нежели сам так думал. А думал он о том, что с ними, как носителями секретной информации, связанной с криминальным бизнесом, с бизнесом, завязанном на больших деньгах, церемониться никто не будет. Правда, доцент не знает, что они услышали, на этом можно сыграть, но как? Как этим можно распорядиться? Может быть, их врагам достаточно одних подозрений?

– А давай им скажем, что мы всё знаем, – предложил Антон.

– Ты думаешь, что они испугаются?

– Скажем, что за забором остались другие ребята и видели как мы сюда полезли...

– Это, Тош, идея, но как они на это среагируют? Не будет ли от этого хуже?

– Как это хуже?

– Например, попытаются от нас побыстрее избавиться, чтоб замести следы.

– Как это избавиться? – спросил Антон.

– Хватит об этом, давай лучше помолчим. Когда люди молчат, им интересные мысли приходят, не зря же говорят, что молчание – золото.

Мальчики замолчали. Хотя их и объединяла общая беда, но каждый из них думал о своём. И вдруг Антон увидел, выходящего из тёмного угла, маленького сгорбленного дедушку с котомкой за плечами. «Какой-то отшельник?», – подумал мальчик. Он про отшельников читал в книжке. Отшель-

ники потому и называются отшельниками, что живут уединённо в лесных дебрях, подальше от людей. Только почему они там живут? Он не знал.

– Здравствуй, Тоша, сказал старичок и посмотрел на мальчика добрыми глазами. Только странно, голос Антон слышал, а губы у старичка не шевелились.

– Как он сюда вошёл? – подумал Антон, – может быть, и мы так же отсюда выберемся?

– Нет, Антоша, – услышал он, но не голос, а как бы мысли, которые помимо звуков, проникли к нему в голову. – Этим путём, каким я хожу, ты ходить не можешь.

– А вы призрак? – спросил Антон мысленно.

– Нет.

– А зачем же явились, если помочь нам не можете?

– Моя помощь не от мира, а ты от мира.

– Я понял,... вы умерший..., – но старичок не ответил на эти слова.

– Я пришёл, чтобы уныние не стубило вас. Бойся уныния и не позволяй унынию вселиться в твоего брата, подбадривай его.

И тут странный дедушка исчез.

– Ты чего его ничего не спросил? – обиженно сказал Антон Косте.

– Кого?

– Так дедушку же?

– Какого дедушку?

– Так, с котомкой, – недоумевающая, сказал Антон.

– Ты не заболел?

– Не веришь – не надо... – насупился Антон.

– Давай лучше думать, как спастись. Неужели в этом помещении нет ничего подходящего, чтобы сломать дверь?

– А если попробовать дверь поджечь.

– Она железная...

И тут Антон почувствовал как у него в кармане заскрябался Свистопляс. Он сунул руку в карман и нащупал игрушку. Кентавр лизал ему руку, выражая тем самым благодарность Антону за то, что он взял его с собой. Антон вытащил игрушку из кармана.

– Ну, вот видишь, как ты необдуманно поступил, – сказал Костя, увидев кентавра, – хорошо, что ещё кентавр целый, а мог бы разбиться.

– Почему?

– А потому, как мне известно, ты сюда не сам вошёл, а от пинка под зад коленкой, да ещё вдобавок растянулся.

Костя больше ничего не стал говорить брату, потому как в данном положении было не до нравоучений, да и Антону тоже несладко. Лучше в этой ситуации подумать о том, что делать? а не выяснять с братом отношения.

– Как ты думаешь, что они с нами сделают, может действительно крапивой отстегают? – спросил опять Антон.

– Здесь крапива не растёт. – Ответил Костя.

– Тогда чем?

– Я думаю, что на костре сожгут, – сказал Свистопляс, – или на кол посадят, это смотря, что вождю по душе.

– Костя очень удивился, услышав речь кентавра. Он подумал, что это ему мерещится, вон помешался Антону старичок с котомкой и ничего. Может быть это подвал такой, где всё мерещится?

– Только это не так быстро делается, – продолжал кентавр, – Чтобы умертвить врагов, надо сначала дожидаться, чтоб звёзды совпали, потом, чтоб луна ущербной была, затем совершить ритуальный танец около деревянного бога, затем около костра, а уж затем...

– Спасибо. Утешил, – сказал Костя по инерции, не поняв, что кентавр не только говорящий, но и рассуждающий.

– Сейчас так не принято, – сказал Антон кентавру. – Это в ваших племенах так делали.

– А как принято, как!? – вскипел Свистопляс. – Одеждой у вас делиться не принято, едой тоже. Я сказал, как это принято делать в моём роду. У нас, у древлян всё было разумно. Тогда скажите, как у вас

поступают с теми, кто нарушает законы рода и племени!?

– Что он несёт? – спросил Костя и поморщился.

– Я думаю, что кентавр очень древний и рассказывает о законах, которые существовали тысячелетие назад, а может быть даже и больше. Вон о древлянах вспомнил, кто они такие?

– Это одно из племён, жившее на территории, где сейчас находится Россия, – сказал Костя. – Наш кентавр, получается, язычник и говорит и судит с позиции родоплеменных отношений и бытовавшей у них тогда веры.

– Нам бы сейчас в то время, – сказал Антон.

– Ну, ты даёшь! – присвистнул Костя.

– Ничего я и не даю, – ответил Антон. – Тогда человека к сжиганию на костре приговорят, потом поди месяц или два ждут, когда звезда со звездой совпадёт, да луна другим боком повернётся, а в наше время...

– Ты договаривай, раз начал, – сказал Костя.

– Нечего тут и договаривать, – буркнул Антон, – вон как по телеку показывают, вывезут туда, где поменьше народу и стукнут битой по голове.

– Что это за бита такая? – спросил кентавр.

– Дубинка, по-вашему, – нехотя ответил Костя.

– Это в какой я век попал!? – возмутился Сви-стопляс, – дикарство какое-то! Луну не ждут, на звёзды не смотрят.

– Давайте порассуждаем на эту тему тогда, когда выберемся из этого каменного мешка, – сказал Костя тихо, но очень убедительно. Все замолчали. Сидели молча довольно долго, потом братья стали вспоминать фильмы в которых герои попадали в приблизительно похожие ситуации.

Так, прорабатывая разные варианты, они просидели ещё с час. Потом услышали как заработал двигатель автомобиля.

– Это доцент машину завёл, – сказал Антон. Видно хочет куда-то ехать. Жаль, что он мобильник отобрал. А то бы,... бац! Позвонили и всё.

– Такое бывает только в плохих книжках – заметил Костя. – Бац,... Бац – это примитив.

Замолчали снова.

Свистопляс уже много раз обошёл помещение, выискивая хоть какое отверстие, чтоб можно было выбраться. Из всего что находилось, это вентиляционное небольшое отверстие, но кентавр в него не мог протиснуться, на небольшом оконце стояла сваренная из толстых прутков решётка с мелкими ячейками. Чтоб через неё пролезть, надобно кентавру раза в два уменьшиться, но, к сожалению, Свистопляс способностью к таким чудесным превращениям и уменьшениям не обладал.

– Брось стучать копытами, – сказал Костя, чего бестолку туда-сюда ходить. – На что кентавр ничего не сказал, глубоко вздохнул и сел на кирпич.

Так они просидели не менее получаса. В подвальном помещении была абсолютная тишина. И тут вдруг, среди этой тишины послышались какие-то звуки. Они услышали, как кто-то крадётся снаружи вдоль стенки. «Кошка, наверное? – подумал Антон, – или крыса», – но ничего не сказал брату. Около двери, этот кто-то остановился и затаил дыхание. В это время Антон немного кашлянул, просто у него запершило в горле.

– Кто там? – спросил Костя вполголоса.

– Это я... – услышали они в ответ, так же сказанное очень тихо.

– Ты, это кто?

– Я – Гуделка, – раздалось за дверью, – а вы чего тут под замком?

– Гуделка! Это ты!? – вскричал Свистопляс и тут же подскакал к двери.

– И ты там, друг Свистопляс!? – удивился ещё более Гуделка. – Вот не ожидал,... как я могу до вас добраться?

– Это кто? – спросил Антон Свистопляса. Ты его знаешь?!

– Так это же мой друг Глиня, игрушечный человечек, его доценту Пегас принёс. Так, Глиня?

– Так, – донеслось из-за двери.

– Значит это он стоял на столе? – спросил Костя.

– Конечно, он, – подтвердил Свистопляс.

– Нас доцент запер, – сказал Антон. – Мы слышали, как он завёл автомобиль и уехал.

– Нет, это иностранец уехал на такси, а доцент кому-то звонит и никак не дозвонится. Я теперь понял,... наверное, звонит по телефону насчёт вас. Пока он названивает я и сбежал со стола, и вас стал искать. Я же ведь слышал, как вас он сцапал, а видеть не видел, потому как меня он предусмотрительно в шкапулку положил, а как второго стал цапать, то и забыл про меня, или уже не до меня стало,... хватит разговоров, давайте я лучше к вам как-нибудь пролезу.

– Нет, Гуделка, к нам не надо, ты нам с той стороны нужен, – сказал Костя, повеселев, – а на подоконник заберись, если сумеешь.

Не прошло и пяти минут, как на подоконнике зарешеченного оконца появился маленький игрушечный человечек, серо-белого цвета с улыбкой на лице.

– Ну, говори, как ты сюда попал? – спросил глиняный человечек кентавра.

– Мы его нашли на чердаке старого дома, нам дворник Никита разрешил, – ответил за Свистопляса Антон.

– Ах, вот оказывается, кто взял моего друга... – проговорил Гуделка. Так это значит вы... Вы взяли, а теперь здесь вместе сидите. Это хорошо.

– Чего ж хорошего?

– Раз сидите под замком в этом подвале с моим другом, значит вы и мои друзья.

Тут ребята рассказали ему о том, как они нашли Свистопляса и о том, какое несчастье постигло старый дом, и о том, как погиб в неравном бою былинный герой, бросившийся с дубиной на бульдозер.

– Это Заступник, – проговорил глиняный мальчик. Слёзы ручьём покатались у него по щекам. Ведь Гуделка только что мечтал снова прийти в старый дом, забраться с Свистоплясом на чердак, но только не сражаться, а просто помечтать, глядя в слуховое окно. Снова увидеть с голубым куполом церковь, отплывающие от пристани белые теплоходы, ажурные пролёты моста через Волгу. Но теперь, оказывается, дома нет и нет Свистопляса с Заступником. А значит и некому его побранить за шалости. Ведь Заступник, он был так добр, хотя с виду и суров.

– Ты не расстраивайся, – сказал Антон. – Может быть, твои братья и сёстры и остались каким-то образом живы, мы их с дворником ни погибшими, ни покалеченными не видели. Знаем только, что мусор вывезли на свалку.

– И мусор на свалку, – снова залился слезами Гуделка. – Наверное, это очень страшное место – свалка?

– Про свалку я знаю только одно, что там всё время чего-то дымится и стаями ходят бродячие собаки, уточнил Антон.

– Собаки! – воскликнул глиняшка. – Ах!.. Как же я забыл,... мой брат Пустолай со своим другом Мурлотиком! – и слёзы у него потекли ещё пуще прежнего. – Ах,... какой я чёрствый был и пустой, и глупый человечек. Мы только и делали со Свистоплясом, что устраивали эти, никому не нужные пустые игры на чердаке, да творили ещё разные глупости.

– Почему ты пустой и глупый, – мы не находим в тебе этого. Нет в тебе и чёрствости,... ты искренне переживаешь за друзей... – сказал Антон.

– Не надо меня утешать... – Сквозь слёзы проговорил Гуделка, – Слёзы всегда смывают с лица только пыль, а мамушка ещё говорила, что они должны облагораживать душу. А моя душа не облагораживается. Я верю мамушке, вижу свои слёзы, но не нахожу в себе ни капли благородства.

– Успокойся, Глиняш, – проговорил ласково Антон. – Я думаю, чтобы стать настоящим... настоящим, – он не знал как назвать глиняшку, затем проговорил, – чтобы стать настоящим человеком, хоть даже и глиняным, то надо совершить подвиг.

– Это правда? – обрадовано сказал Гуделка.

– Конечно, правда, – подтвердил Костя.

– Я им верю, – сказал Свистопляс, – они славные ребята и очень смелые.

– А что такое подвиг и как его совершить? – спросил Гуделка.

– Не знаю... – сказал Костя, – Мы в школе сочинение писали на тему: «В жизни всегда есть место подвигу». Примеры разные приводили из книжек, а вот как совершить подвиг по-настоящему – я не знаю. На уроках этому не учат. Всё это только в книжках. Я думаю, в жизни всё по-другому. Вот мы сидим взаперти, а кто-то где-то подвиг совершает, дзот своим телом закрывает, а мы не только выбраться не можем, но и даже сообщить о себе не в силах.

– А для чего же я? – сказал Глиня, – я вам обязательно помогу, разрази меня гром, так говорит мой друг Свистопляс, только что мне делать?

– Ты что, готов нам помочь? – спросил с надеждой в голосе Антон.

– Конечно! Вилы мне в бок, если я этого не сделаю. – так говорит Свистопляс.

– Если ты готов нам помочь, – проговорил Костя, – то твоя задача выбраться со двораа, то есть перелезть через забор. После того, как выберешься, дойдёшь до церкви, она совсем рядом. Только это не та церковь, что с голубым куполом, а другая, с покосившейся колокольней.

– Знаю... знаю... – сказал Гуделка.

– Так вот,... около церкви сядешь на троллейбус №4 и доедешь до остановки «Радуга». Там найдёшь

клуб «Спутник», понял? Это от остановки недалеко. Выйдешь из троллейбуса и вернёшься немного назад, дойдёшь до Крымской улицы, там будет светофор, как зажжётся зелёный свет – перейдёшь на другую сторону, повернёшь налево и пойдёшь прямо, дойдёшь до садика и за садиком свернёшь направо. Запомнил?

Гуделка кивнул и повторил за Костей то, что он сказал: «перелезть через забор, дойти до церкви с покосившейся колокольней, сесть на троллейбус №4, доехать до остановки «Радуга», найти клуб «Спутник».

– Твоя задача найти в клубе преподавателя по керамике Пал Палыча и рассказать ему о том, где мы и что с нами? Вот и всё.

– Я знаю Пал Палыча. Он вылечил мои покалеченные ноги и руки, – вставил кентавр.

– Страшно как-то, – проговорил Гуделка. – Я ведь самостоятельно никогда и никуда не ездил, всё больше в сумках, да в карманах.

– Ты троллейбус знаешь, что такое?

– С Пегасом в троллейбусе ехал от Сенного базара сюда, рогатый такой, с палками наверху, а над ним провода...

– Это Пегас тебя на нём к доценту вёз? – спросил Костя.

– Ага, на нём, – кивнул Глиня.

– Теперь всё понятно, – подытожил разговор Костя.

– Я пошёл, – и Гуделка, пожав братьям через решётку руки, спрыгнул с подоконника на землю. С земли донёлся его голос – Держитесь, друзья!! Я обязательно вас выручу!!

Глава 46. Глина совершает подвиг

Где останавливается троллейбус Гуделка знал, а вот как проехать незамеченным?.. В троллейбус он попал благодаря тому, что вцепился одной даме в сумку, иначе ему было бы не подняться на ступеньки. Народа в троллейбусе было совсем немного и он спрятался под заднее сиденье. Остановку водитель тоже объявил и глиняшке с его короткими ножками ничего не оставалось, как просто вывалиться из троллейбуса на асфальт, где его и подобрали две девочки – пятикласницы Аня и Лена.

– Смотри, ... челобречек, – сказала Аня и подняла Глиню.

– Мне кажется, что он сделан из глины, – сказала Лена и потрогала Гуделку пальчиком.

– Давай отнесём его Пал Пальчу в «Спутник», – предложила Аня, – он про глину всё знает.

– Давай, – согласилась подруга и они, переговариваясь, побежали в клуб. Правда, им пришлось немного задержаться. Светофор на пересечении

улицы Крымской и проспекта Энтузиастов никак не хотел пропускать пешеходов. Больно уж долго он переключался с одного цвета на другой или им это так показалось. Но вот загорелся зелёный и девчушки, споря на ходу, «где им идти?» напрямую через двор школы №83 или свернуть за садиком и пройти через территорию гимназии №58? Выбрали второй вариант, так как за 83-ей школой могут быть мальчишки, которые обязательно отберут игрушку, а тут много пешеходов и никто им ничего плохого не делает.

Аня и Лена буквально впрорхнули в кабинет керамики. В кабинете за столом сидел Пал Палыч с неизвестным молодым человеком. Девочки засмутились и остановились у порога не желая мешать беседе. А так как они сгорали от нетерпения, то переминались с ноги на ногу и перешептывались. К Пал Палычу они бы подошли, но у него посетитель и девочкам было неудобно прерывать беседу.

– Что же вы сразу к нам не пришли, – говорил укоризненно Юра Пал Палычу. Они с Пал Палычем были увлечены разговором и не заметили вошедших девочек.

– Я тоже попал к шапошному разбору; приехал, а там только небольшая куча мусора от дома осталась, – проговорил Пал Палыч. – Теперь Костя с Антоном куда-то исчезли? Ума не приложу, куда

они могли подеваться. Вчера кентавра ремонтировали, а сегодня их нет.

– Какого кентавра?

– Ребята нашли одну игрушку на месте сломанного дома в мусоре, вот и чинили.

– Игрушка, как я понимаю, из сломанного дома, – уточняя, спросил Юра.

– Да, та самая, о которой мы и говорили. Они её вчера ремонтировали, а сегодня их нет.

– Я их видел на пруду, а потом на детской площадке, хотел посмотреть, куда они пойдут или поедут, но они как сквозь землю провалились. Главное, чтоб они сами не стали никого выслеживать, – сказал Юра.

– Вы имеете в виду Пегаса с Мухой?

– Пегас с Мухой им ничего не сделают. – Сказал младший лейтенант. – За этим делом могут стоять очень солидные дяди с возможностями, а это опасно. Сами ведь говорите, что игрушка очень ценная.

– Очень ценная. Позолотин за неё половину бы жизни отдал...

– Да, и спасибо что рассказали о профессоре. Я расскажу об этом кому надо. Лихие девяностые прошли, может быть и о нём что-то узнаем. Хорошо, не буду мешать, ещё раз спасибо, – и они распрощались.

А жаль, что распрощались. Если бы Юра задержался у Пал Палыча хотя бы на пять минут, то ус-

лышал и увидел бы то... Впрочем, без сослагательных наклонений. В своё время Митин обо всём этом узнает, а сейчас пусть идёт и отрабатывает собственные версии.

– Что за спиной прячешь, егоза?– Добродушно спросил Пал Палыч Аню. Она держала руку за спиной и глаза её, не в пример подружки, горели огнём нетерпения.

– А, вот... – сказала Аня, вытянула руку из-за спины и положила перед учителем глиняного человека.

– Челобречка нашли, – добавила Лена, думаем, что глиняный, из троллейбуса выпал. Вам принесли, только мы спешим очень,... ладно... Мы его у Радуги на остановке подобрали! – пояснила Аня, направляясь к двери, нам в магазин книжный надо...

– Бегите,... бегите... – сказал Пал Палыч, – а за глиняшку спасибо. – Девочки убежали.

Пал Палыч, как только увидел игрушку, сразу понял, что она плод труда того же мастера, что и кентавр. Другого мнения быть не могло. Волнение вновь охватило старого учителя. Как же не волноваться, это ведь уже вторая находка,... как говорится – против фактов не пойдёшь. Почерк один и тот же, да и проработка деталей особенная, не спутаешь. Пал Палыч решил получше рассмотреть находку, так как детей в этот момент в студии не было. Он

положил человечка на стол, повернулся, чтобы взять из нижнего ящика стола лупу и нечаянно придавил Гуделке ногу.

– Ой!.. ой! закричал Глиня тонким голосочком. Пал Палыч изумлённо посмотрел на игрушку, повернулся, взял её в руки и стал рассматривать на предмет нахождения в ней говорящего электронного устройства, но каких-либо следов присутствия электроники не находил.

– М-м-да, – пожевал губами учитель, и вслух проговорил: – странно,... неужели я ошибся в первоначальной оценке? – Он опять повертел игрушку в руках. – Тут ни с чем не спутаешь, как не гляди – игрушка не резиновая, а керамическая. Вставить в неё электронное устройство до обжига конечно можно, но толку от этого? – продолжал рассуждать вслух Пал Палыч, – во время обжига в печи вся электроника обязательно сгорит...».

– Меня не надо в печь, – услышал снова учитель и удивился ещё больше. Ведь игрушка ответила на его вопрос, который он произнёс вслух. Есть, конечно, чудеса на свете, но чтоб такое?

Вот умелец... вот умелец, – проговорил Пал Палыч, имея в виду неизвестного мастера.

– Я не умелец, я отношусь к гуделкам, а зовут меня Глиня. – Очень серьёзно с нотками обиды в голосе сказал Гуделка.

Это ещё больше изумило учителя.

– Так,... так, – сказал Пал Палыч, – сказки начинают оживать. Ещё один Буратино объявился, только глиняный, значит не Буратино, а Глинятино или Скудалино, так получается.

– Я не Буратино и не Скудалино, – сказал Гуделка обиженно. – Я – Глиня и не обзывайтесь, пожалуйста.

Пал Палыч покачал от изумления головой, много он чего в свои шестьдесят лет видел, но чтобы игрушка обладала интеллектом, такое можно встретить разве только в научно-фантастических книгах или фильмах.

– Глинятино, это значит мальчик из глины, – пояснил Пал Палыч Гуделке, – а Скудалино – это старое название всё той же глины. Раньше глину – скуделью называли, потому и Скудалино.

– Не хочу я быть ни Глинятино, ни Скудалино, потому что я Глиня, меня так мамушка назвала, понятно?

– Конечно, понятно...

– А мне Костя и Антон говорили, что вы самобытный умный человек и ничему не удивитесь, а вы как маленький мальчишка: А-я-яй, а-я-яй!.

– Так значит ты не случайная находка, а посланец? – ещё больше удивился Пал Палыч, после того как игрушка назвала имена мальчишек.

– Нам мамушка говорила, что случайностей на земле не бывает. Вот так, – сказал Гуделка. – Вы

пожилой человек и должны об этом знать, а ещё детей учите и тары-бары разводите, когда Костя, Антон и мой друг Свистопляс в беде и может быть могут лишиться жизни...

– Стоп... стоп. Давай по порядку. – Лицо Пал Палыча мгновенно приняло самое серьёзное выражение. – Где они? Что с ними случилось? – спросил он очень строго, – кто такой Свистопляс?

– С этого надо было и начинать, а то взял лупу и рассматривает мой пупок, – проговорил Глиня.

– Ну, ты не сердись, – примирительно сказал Пал Палыч, – прошу прощения.

– Костя, Антон и кентавр заперты в подвальном помещении на замок. – Начал торопливо говорить Гуделка. – Они просили сказать, что их запер доцент, за то, что они подслушали его разговор с иностранцем.

– А кто такой Свистопляс?

– Какой же вы непонятливый... Свистопляс, это кентавр, он друг Кости и Антона. Ну, как ещё объяснить!? Вы же его сами ремонтировали, разве уже забыли?

– Так, теперь понятно кто такой Свистопляс. Я с ним имел честь познакомиться... А о чём доцент с иностранцем говорили, знаешь?

– Об этом знают Костя, Антон и мой друг Свистопляс. Я тоже знаю. Иностранца зовут Батист, он из Франции.

– А «Доцент» это что – кличка? – переспросил Пал Палыч.

– Нет, это не кличка. Учитель, а такой тупой. – С укором сказал Глиня. – Доцент – это учёный, он кандидат наук, это такое научное звание, а зовут его Эдуард Аркадьевич Забродин, он в институте работает, и продаёт всякие ценные вещи за рубеж, как малоценные.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Меня мальчишки, только не ваши, а другие, нашли на чердаке дома на Большой Горной и отнесли на базар. Там и подошёл к нам этот мужчина с усиками и бородкой. Это и был доцент. Потом мальчишка меня отнёс этому Эдуарду Аркадьевичу домой, они так договорились. У него дом большой с забором. Во дворе беседка. Меня на стол в беседке поставили. Они всё при мне обговаривали, думали, что я не понимаю. А я на столе стоял и всё слышал. Ещё, о каком-то «Изумруде» говорили, а мальчишки через забор перелезли и их разговор подслушали. А потом Батист приехал и Фома Фомич. Они долго разговаривали и спорили.

– И что же за спор такой?

– Эдуард Аркадьевич говорит, что «Изумруд» не для того создавался, чтоб отморозки в виде Симы о нём слышать могли. Батист у них компаньон.

– Гляди-ко, какие ты слова знаешь? – удивился Пал Палыч.

– Так я же игрушка просвещённая. Мамушка не-образованных не лепила.

– Так они, говоришь, под замком сидят? – уточнил Пал Палыч. «Разговор весьма интересный, но не ко времени, – подумал он. – Об этом в другой раз».

Гуделка утвердительно кивнул головой.

– Немедленно едем, – сказал встревоженно Пал Палыч. Он сунул в сумку стальной гвоздодёр, бельевую верёвку на всякий случай, взял Гуделку, положил его в нагрудный карман, так, чтобы из кармана высывалась одна его голова, запер кабинет и быстро пошёл на троллейбусную остановку, пожалев об ушедшем милиционере.. «Он в этом деле был бы как раз кстати, ему бы это было весьма полезно услышать», – подумал Пал Палыч, ещё больше убыстря шаг. За перекидным пешеходным мостом через железную дорогу он уже почти бежал в направлении троллейбусной остановки.

– Только бы успеть, только бы успеть, – повторял он, прибавляя и прибавляя шаг. И только, когда они сели в троллейбус, Пал Палыч немного успокоился, вытащил мобильник и попытался позвонить, но абонент не отвечал.

– Куда звонишь? – спросил Гуделка.

– На четвёртый жил участок, – сказал учитель.

– Это мне ничего не говорит, – ответил Гуделка, – такого дома я не знаю и людей под таким именем тоже.

– Это милиция Заводского района, там у меня знакомая работает, бывшая моя ученица.

– Какая ученица? Она надёжный человек? На неё можно положиться? – спросил Гуделка.

– Надёжная, надёжная. И должность у неё солидная. Не хотелось бы по пустякам беспокоить.

– Кто такая эта должность?

– Не должность, а женщина – Муза Карповна Городец, начальник отдела, майор. Понял?

– По правде говоря, не очень. Я в чинах и званиях не разбираюсь. А майор – звучит. А, зачем к ней?

Какой ты любопытный, братец... Хотел поговорить. Дело-то уж больно деликатное, чтоб подстраховала, так чтоб без особого шума, мало ли что мальчишки могут придумать... «Да и ты тоже, уж больно разговорчивый, первоапрельская шутка в кармане», – подумал о Гуделке Пал Палыч, но не произнёс этого вслух.

– Они не придумать... – сказал Гуделка.

– Так вижу, ... вижу. Это-то меня и... – Пал Палыч не договорил. Он не знал, как строить свой разговор с игрушкой, стушевался и замолчал.

Гуделка кивнул понимающе, хотя почти ничего не понял, потому, как люди живут по своим непонятным законам, которых, как говорил Никита, на-

сочиняли с одной только целью, чтобы их не исполнять, а живут совсем по другим, которые нигде не написаны, но исполняются неукоснительно.

«Придётся нам разруливать с пацанами одним» – подумал Пал Палыч» и не заметил, как проговорил свои мысли вслух.

– Как это разруливать? – спросил Гуделка, разве у вас есть руль?

– Это выражение такое. Разруливать – значит исправлять что-то, налаживать.

– Что исправлять?

Пал Палыч не ответил на вопрос Гуделки, продолжая прокручивать в мозгах ситуацию. «Звонить Музе Карповне, как он хотел, стоит ли? Что он скажет? что игрушка ему об этом рассказала. Такому бы и он не поверил, а подумал бы, что сообщивший пьян или наркотиками увлекается, оттого и глюки. Звонить однозначно нельзя,... проверить самому, а потом уж сообщить,... это будет правильно. Лучше ещё раз мысленно прокрутить ситуацию. По всей видимости, хозяин коттеджа решил их попугать и посадил в подвал, чтобы не лазили по чужим дворам. Даже если и велись серьёзные переговоры с участием иностранца, никто мальчишек в серьёз не примет, даже если их и обнаружили. Наверняка подумали, что играя в прятки, перелезли через забор или что-нибудь на это похожее», – так думал Пал Палыч, совершенно не ведая в какую опасную исто-

рию влипли его ученики, а через некоторое время влипнет и он сам. А, в общем, он уже в неё почти влип.

В троллейбусе было мало народа, Пал Палыч сидел с Гуделкой на заднем сиденье и люди думали, что пожилой человек разговаривает сам с собой. Их это нисколько не смутило, потому как такое бывает, когда люди проговаривают свои мысли вслух, особенно пожилые.

– Ты тех мальчишек хорошо помнишь, что тебя нашли на чердаке? – спросил Пал Палыч Глиню.

– А как же не помнить, я их в жизнь не забуду.

– Их случайно не Мухой и Пегасом звали?

– Точно, Пегасом, а с ним этакий маленький с рыжей шевелюрой был, его Пегас Мухой называл...

– вы откуда знаете?

– Это сейчас обсуждать не будем.

– Я знаю, что когда они из дома вылазили, сторож Никита стукнул одного метлой по спине. Когда они меня на базар несли, то Муха жаловался, что у него спина от метлы горит. Я тогда очень обрадовался, что меня на базаре на прилавок поставили, народу вокруг тыщи и все на меня смотрят. Потом, я уже говорил, этот доцент появился. Я тогда очень обрадовался, что в музей или на выставку попаду, а тут... – глиняный мальчик, не договорив, замолчал.

– И что же, не попал, значит, на выставку? – участливо спросил Пал Палыч.

– Как видите,... жулики оказались,... и полный дом вещей в целлофановую плёнку завёрнутых, от пыли; я когда со двора убежал, в окно дома заглянул, чтоб узнать, где доцент и не сцапает ли он меня?

– А что же иностранец, тоже жулик?

– Думаю, что так. Он меня ещё болванчиком называл. Сам болванчик горбоносый... – Гуделка замолчал, видимо вспоминая пережитое. Затем заговорил снова. – Бизнес у них с доцентом общий. Ещё Фома Фомич с ними. Он у них главный. Это тот самый Фома Фомич, что мамушкин дом купил. Думаю, что у них сейчас совет должен быть.

– Какой совет?

– Как какой? Обыкновенный – что делать со свидетелями их переговоров, то есть с Костей и Антоном?

– Понятно... – сказал Пал Палыч. – Ты мне вот чего скажи – ваш дом на Большой Горной стоял, в переулочке и был крыт черепицей?

– А вы откуда знаете? – удивился Глия.

– Вопросы отложим на потом. Ты лучше скажи, в доме было много таких игрушек как ты?

– Много, только гармонист, козочка и овечка добровольно к Фоме Фомичу поехали, они синеволосой понравились. Сами того хотели. Она их и взяла. Никита сказал про них, что раз ума нет, то счи-

тай калеки. И где они сейчас, никто не знает. Мне ребята рассказали, про то, что мамушкин дом сломали.

– Я это знаю, сам видел, – подтвердил сказанное ребятами Пал Палыч.

– Не всё знаете. Никита перед сломом дома игрушки в ящик из-под мыла положил и на чердак отнёс. Мы с Свистоплясом...

– С кем,... с кем? – перебил Глиню педагог.

– Какая, право, у тебя память плохая... Ну, с кентавром, я же говорил. Мы бои устраивали, вот в ящик и не попали, а другие в ящике оказались. А где теперь этот ящик – никто не знает. Вот и всё, что мне известно, а что там и как? – не знаю, – заключил Глиня и, помолчав, добавил, – Антон говорит, что с Заступником, с богатырём по-вашему, беда приключилась, может быть даже и погиб, – Глиня засопел и уткнулся носом в плечо Пал Палыча. Он хотел скрыть от учителя нечаянно нахлынувшие слёзы.

– Не расстраивайся, – сказал Пал Палыч, – ты лучше дом покажи, где ребят с Свистоплясом удерживают, – троллейбус к конечной остановке подъезжает. Вон уже церковь, а за ним музей краеведения, там и конечная.

Они вышли из троллейбуса и Пал Палыч быстрым шагом пошёл туда, куда указывал Гуделка. Вскоре они остановились перед высоким кирпич-

ным забором. Пал Палыч через дырочку заглянул во внутрь – автомашины во дворе не было, значит хозяина тоже нет.

– Может быть, стоит вызвать милицию и подождать? – спросил Пал Палыч глиняшку.

– А если их уже увезли, пока я к вам ездил? – предположил Глиня.

– Тоже верно, только время протянем, – согласился Пал Палыч с доводами глиняного мальчика.

– Тогда нам ничего не остаётся, как лезть через забор, – сказал Пал Палыч и стал исследовать кирпичную кладку на предмет – не обнаружится ли где удобное место для перелезания?

Когда он искал удобное место для перелезания, то остановилась какая-то старушка и проворчала, глядя на пытающегося влезть на высокий кирпичный забор пожилого человека:

– Чему молодёжь научится, когда старики по заборам лазают, а ещё с виду добропорядочный человек... Насмотрятся фильмов по телевизору вот и сходят с ума,... тьфу,... глаза бы не смотрели.

В этот момент ни Пал Палыч, ни Гуделка не знали, что к этому самому дому мчится на большой скорости чёрная иномарка и что не дольше как через полчаса она въедет в автоматически открывшиеся ей ворота. Этого учитель не знал и не мог знать, а вот что он понимал, так это то, что надо попробовать на прочность сучок стоящего рядом с за-

бором дерева. Попробовал, оценил, видимо остался доволен, влез на дерево и по суку достиг забора, перебрался на толстую ветку другого дерева, что росло во дворе и только он стал перебираться на другую ветку, чтобы достичь ствола и спуститься по нему на землю, как из-за дома вышли два прилично одетых молодых человека и предложили Пал Палычу спуститься вниз, предусмотрительно приставив к стене лестницу. Молодые люди были весьма крепки телосложением и не шутили, Пал Палычу пришлось подчиниться.

– Его куда? К тем, что ли? – спросил один из охранников.

– Надо его закрыть в другой подвал. Все вместе – это опасно.

Охранники проводили Пал Палыча до открытой двери подвала, обыскали, дали хорошего тычка между лопаток, отчего учитель полетел в тёмное пространство подвала. Дверь с визгом захлопнулась и кто-то из охранников произнёс: «Вот так-то лучше будет, и тебе не суетно, и нам спокойнее».

– Ты здесь? Малыш! – окликнул Пал Палыч, лёжа на цементном полу, Гуделку.

– Тут я, тут... – послышался Гуделкин писк. – Вы не могли бы повернуться на бок, а то я из вашего кармана никак не выберусь...

– Хорошо хоть ты со мной, – проговорил учитель, переворачиваясь на спину и продолжая лежать.

– А куда же я от вас денусь!? – сказал Глиня, вылезая из нагрудного кармана и прохаживаясь по груди Пал Палыча.

– А я решил, что тебя потерял. «Вот, – думаю, – и Гуделку потерял», а ты здесь. Это даже очень хорошо.

– Чего ж хорошего, когда нас сцапали, – сказал Гуделка

– Голова болит, – проговорил Пал Палыч морщась и трогая рукой голову, – ударился.

– Жаль, конечно, что перед тем как нас сюда толкнуть, они матрац не постелили, – пошутил Гуделка.

– Какой там матрац, – морщась, сказал Пал Палыч, – однако ты игрушка с юмором, ценю. В нашем положении юмора только и не хватает, – учитель, кряхтя, стал подниматься на ноги, а Гуделка предусмотрительно спрыгнул с груди Пал Палыча и уселся на, лежащий на полу обрубок бревна.

Гуделка не стал развивать тему юмора в экстремальных ситуациях, он думал. Он думал об этом странном сообществе людей, среди которых очень много хороших и честных человеков и про то, что совсем небольшая кучка плохих людишек не даёт им спокойно и мирно жить. Вот и Пал Палыч –

очень хороший человек, а его в подвал... Так не годится. Значит, они с Свистоплясом правильно боролись с пороками. Так порок наживы у одних, заканчивается подвалом для других.

Кое-как придя в себя от тычка и удара головой, Пал Палыч встал, обследовал небольшое помещение, нашёл в стене маленькое вентиляционное окошечко и стал наблюдать, что происходит во дворе.

– Послушай, Глиня, – сказал Пал Палыч, – а нас не в тот подвал посадили, где были ребята? Их может быть отсюда увезли или дали по шее и прогнали. – С этими словами учитель поднял Гуделку с земли и поставил его на выступающий кирпич вентиляционного окошечка.

– Не - а? Тот подвал с другой стороны дома, а этот с этой, – сказал Гуделка, – оглядев в окошечко двор.

– Значит, нас от ребят отдельно держат, – высказал мысль Пал Палыч и стал наблюдать дальше. Во дворе появился с метлой дворник. Он подошёл к воротам и стал мести. В нём Пал Палыч без труда узнал Никиту. «Видно он здесь подрабатывает» – подумал учитель. В тот момент, как только Пал Палыч увидел Никиту, он стал рассчитывать на его помощь. Только как ему подать незаметно сигнал?

Но замыслу Пал Палыча не удалось сбыться. К дворнику подошли те самые охранники, что арестовали Пал Палыча, и стали указывать Никите на

дверь, дескать, сегодня подметать не надо, уходи. Голос Никиты был грубый и до Пал Палыча донеслись слова: «Вы мне не указ; мне Эдуард Аркадьевич сказал мести, я и мету, всё как положено, минута в минуту.

– Это голос Никиты! Это голос Никиты! – закричал Гуделка, – он нас обязательно выручит! Никита!! Никита-а-а!! – закричал он изо всей силы. – Это я, мамушкин Глиня! Нас заперли с учителем в подвале! Выручи нас!..

Никита уже собирался уходить, но услышав Гуделкин голос, узнал его и, развернувшись, направился к подвалу.

– А вот туда тебе, борода, нельзя, – проговорил один из охранников, загораживая дворнику дорогу.

– Я тут двор убираю и везде хожу, – ответил Никита.

– Ты! Чума с метлой,... дёргай отсель, – угрожающе сказал загородивший Никите дорогу охранник.

Видя, что Никиту просто так не проводишь, охранники решили выпроводить его силой. Один зашёл сзади и взял Никиту за шиворот, и повёл к воротам. Но не успел он и пройти трёх шагов, как жилистая рука Никиты дотянулась до руки охранника и, захватив её крепкими пальцами, легко перебросила тело парня через себя, затем так же легко охранник был поднят на вытянутые руки Никиты и

переброшен через забор. «Вот так и ладненько, – проговорил Никита, – теперь порядок. А то они сказали,... они сказали,... тьфу на вас,... мне сам Эдуард Аркадьевич распорядок составил,... указчики.

Видя такой оборот дела, второй охранник спрятался за половинку ворот, прихватив с собой лопату. Как только дворник повернулся к нему задом и пошёл к подвалу, ударил его совковой лопатой по голове; черенок у лопаты сломался, а Никита, схватившись за голову, упал. Тут же в дверях появился другой охранник, держась за плечо и постанывая. Вдвоём они волоком оттащили Никиту в сторону от ворот, положили у забора рядом с чёрным «фольксвагеном» доцента, связали и воткнули в рот кляп. «Вот и нет моего помощничка, – подумал Пал Палыч, – теперь жди своей очереди... тут дураком не прикинешься. Машину-то я в дырочку забора не увидел».

Только теперь учитель понял насколько серьёзна история, в какую он вляпался. «Эти церемониться не будут, у них всё просто», – подумал он и стал наблюдать дальше. Пал Палыч наблюдал, а Гуделка сидел тут же на подоконнике на половинке красного кирпича, и плакал, приговаривая: «Нет больше Никиты,... никто не погладит по голове,... никто не расскажет про Англию,... никто не расскажет о справедливости... Ы-ы-ы-ы...».

Охранники же нисколько не мешкая погрузили Никиту в багажник «фольксвагена», и не более чем через десять минут в этом же багажнике, рядом с Никитой лежал и связанный Пал Палыч. Когда учитель увидел идущих к подвалу охранников, он сразу всё понял.

– Глиня!.. – и он кивнул на оконце, – по мою душу идут.

– И по мою тоже, – твёрдо сказал Гуделка и быстро забрался в нагрудный карман Пал Палыча. – Я друзей в беде не оставляю.

– Это бессмысленная жертва... – сказал Пал Палыч.

– Не думаю, что вы на моём месте поступили бы иначе... Не будем спорить и не надо меня переубеждать... – и Глиня спрятался в кармане.

Пал Палыч тоже попытался сопротивляться охранникам, но те были молодые и тренированные, они быстро скрутили учителя и бросили в багажник.

Во время борьбы из кармана Пал Палыча выпал Гуделка. Наблюдавший со стороны за сопротивлявшимся учителем доцент, подошёл и поднял Гуделку, повертел в руках и положил в бардачок автомобиля.

– А вот красть чужие вещи нехорошо, – сказал он, подойдя к багажнику. – Как я понимаю, вы и через забор лезли, чтобы стянуть, что-либо ценное, а тут такая удача. Как я понимаю, действовали груп-

пой. Вы хоть знаете, что держали в своих руках? Вижу, что не знали... Хорошо,... я поясню.

Не надо пояснять, – проговорил Пал Палыч из багажника, – я учитель по керамике и не хуже вас разбираюсь в лепных изделиях.

– Ах! Вы учитель! – удивился Эдуард Аркадьевич. – Значит не простой вор, а разбирающийся в культурных ценностях... Так я понимаю... Очень приятно познакомиться, – с издёвкой проговорил Забродин. – Вы, наверное, воспитатель тех самых пацанов, что тоже посягали на чужую собственность, а теперь сидят связанные в соседнем подвале. Кажется, их зовут Костя и Антон. Не так ли? Что ж, какой воспитатель – такие и ученики,... кол-лега.

– Какой я тебе коллега? – прохрипел Пал Палыч.

– Если два человека занимаются одним и тем же делом, то они коллеги, что тут непонятного. Вы ищите игрушку, а я её нашёл, правда, вперёд вас, это бывает, Удача - она не регламентирована, на неё никакой прогноз не распространяется, уж вы мне поверьте.

Голос доцента был с ехидцей. Чувствуемое превосходство так и выпирало из произносимых им фраз.

– Что ж вы мне рта не затыкаете, господин доцент? В современных фильмах принято затыкать рты, а затем везти на какой-нибудь не работающий

завод. С вашей лёгкой руки их теперь на Руси так много, что долго и искать не надобно. Вам только остаётся в безлюдном цеху подцепить жертву крючком, подвесить и пытаться... Что, разве не так?

– Ты, папаша, посмотрелся неправильных фильмов, – сказал доцент, – Точнее, такой сюжет для тебя и для твоего соседа по багажнику не подходит, слишком поэтический. Да и что из вас выбивать? Деньги? – у вас их нет; завещание на многомиллионную в долларах недвижимость? – тоже самое... У вас ничего нет? Скучная пенсия, да плюс к ней скучный приработок, вот и всё. А вы – заброшенные цеха-а-а!,... крюки-и-и!... Кто о вас будет руки марахать?... Вы просто пропадёте, дорогой учитель, вот и всё. Всё что знаете вы – примерно тоже самое знаю и я, так что, скажем, вы не являетесь носителями суперважной информации. Наверное, ломаете себе голову, почему я с вами разговор веду?

– Да уж загадка, если всё так просто, то чего уж там... – сказал Пал Палыч.

– Не напрягайтесь... И вы, и дворник, мне нужны только потому, что оба являетесь ценными носителями навыков, а это серьёзно. Навыки, конечно, можно наработать, но это долго, а время – деньги. В наше время люди нетерпеливы, я не про себя, я могу и подождать. От вас зависит, какой будет план наших действий дальше.

– Что-о-о... План?... План готовящегося преступления, так? – перебил его Пал Палыч.

Эдуард Аркадьевич поморщился.

– Экие вы подыскиваете выражения, Пал Палыч, вас ведь так величают?.. Пал Палыч не ответил.

–А я ведь ничего плохого не хочу ни вам, ни вашему товарищу по несчастью. Поверьте. Я сам хотел на вас выйти, но вы меня опередили и всё получилось вот так нелицеприятно. Просто вы являетесь, судя по статье в газете, реаниматором игрушки и не один год над этим работаете и, исходя из информации в газетной статье, сильно в этом деле преуспели, но не во всём. Ваш сосед, как только очнётся, расскажет вам недостающие детали технологии, ведь он хорошо знал хозяйку дома и даже ей помогал. Как видите, вы оба могли бы оказать делу возрождения игрушки неоценимую услугу. Ведь от вас не требуется ничего такого. Вы возродили игрушку, это уже много. Второй шаг – создание в городе мастерской по её производству. По сравнению с тем, что сделано, это мелочь. Когда вы почти у цели, оказаться в багажнике – обидно. Тем более, игрушка, хотя и в единичном экземпляре найдена, а скоро будет в наших руках и вся коллекция.

– Конкретнее можно, – проговорил Пал Палыч.

– Можно и конкретнее. Делать ничего, по сути, не надо, честь ваша не затрагивается, совесть вашу

никто покупать не собирается и даже денег никто не предлагает. Это ведь бестолку, правда? Вы же не покупаетесь?... Можно на этот вопрос не отвечать, я это и так знаю. А дело самое пустяшное – я вас отпускаю на свободу, могу отправить на курорт. Одним словом, вы два-три месяца молчите об игрушке, а потом вольному воля – говорите о её достоинствах сколько хотите. Мы вам даже обустроим мастерскую по её производству. Хотите – будете директором мастерской, а желаете – то и научным консультантом, поможем вам выпустить для детей книжечку по игрушке, и даже альбом на двух или трёх языках в суперобложке, где наряду с фотографиями найденной игрушки будут фотографии и игрушек, слепленные вашими руками, разве это плохо? Если желаете, в городе будет музей игрушки. Игрушкой с радостью пополнят свои фонды лучшие музеи мира. Можем украсить детский парк игрушечными глиняными персонажами. Согласитесь, это гораздо лучше, чем лежать в багажнике. Как видите, мы игрушке не враги и сделаем всё возможное, для её процветания. Убедил?

– Как я понимаю, вы хотите раскрутить игрушку и на ней заработать?

– У вас прекрасная логика, Пал Палыч. Что в этом плохого, что мы её собираемся раскрутить? Поймите, государство и правительство города и области этим не будут заниматься, а у таких как вы на

это нет денег. В итоге остаёмся мы, с возможностями, с влиянием, связями и деньгами, логично?..

– Я понял. Вам необходимы серьёзные свидетельства об игрушке, практическая её проработка, от этого она вырастет в цене, – сказал резко Пал Палыч.

– Вы умный человек. Всё правильно, она вырастет в цене, но о деньгах ли речь, ведь вы и этот дворник – альтруисты, для вас важна идея, так кто вам будет мешать наслаждаться собственной фантазией, да ещё и постоянно имея в кармане на жизнь. Я вам предлагаю реальное дело, наша фирма не привыкла разбрасываться талантами, сударь, потому и стараемся сберечь каждого значимого человека.

– Захлопывайте багажник «добродетель», – проговорил зло Пал Палыч.

– Дело ваше, учитель, только помните – незаменимых нет. Предлагаемый вариант удобный и для вас, и для нас. Просто с вашим отказом этим делом займётся «Изумруд».

– Что, подпольная кликуха бизнесворотилы? – с сарказмом спросил Пал Палыч, хотя от Гуделки он знал, что это подпольная фирма по продаже антиквариата за границу.

– На сей раз вы ошиблись. «Изумруд» – хорошо законспирированная организация. Да, «Изумруд» это сделает и без вашей помощи, правда немного

дольше по времени. – И с этими словами Эдуард Аркадьевич кивнул одному из охранников, крышка багажника захлопнулась и через две минуты машина, мягко покачиваясь на неровностях, не торопясь выкатилась со двора, Автоматическая система закрыла створки ворот.

Глава 47. Профессору плохо

Шевелись! Шевелись! – кричит Сима, глядя как бездомные перебирают оставшиеся кучи мусора. Вчера кучи не добрали и потому сегодня Сима торопиться довершить разборку, опасаясь как бы не нагрязнул Фома Фомич, ведь не зря же он позвонил ему по мобилу и приказал искать игрушку.

– Зорче гляди, дармоеды! – выкрикивает Сима. – Кто просмотрит, тому глаз вон, а кто увидит, тому бутылка горячительного, персональная от Симы и моё благорасположение. А моё благорасположение многого стоит, правда, профессор? И он толкнул профессора ногой. Позолотин свалился набок и захохотал.

– Не трожь старика, – зло сузив глаза и в упор глядя на Симу проговорил Крокыч, – тронешь – убью. Сима опешил, но с Крокычем связываться не стал, просто выругался и пошёл дальше, делая вид, что не слышал сказанное.

– Спасибо тебе, – проговорил Позолотин, – переводя дыхание, – плохо мне что-то, совсем плохо, как бы не умереть...

Крокыч бросил заниматься мусором и решил отнести Позолотина в тень. Солнце пекло нестерпимо. В яме на свалке что-то тлело и оттуда шёл дополнительный жар и смрад. В стороне рычали, делая добычу, собаки. Крокыч обхватил Позолотина и волоком потащил его подальше от мусорной кучи и положил около большого лопуха так, что тень от его листьев падала на голову профессора.

– Здесь вам будет лучше, – сказал Крокыч, подсовывая под голову Позолотина охапку травы. – Главное, лежите спокойно и не шевелитесь.

– А если Сима спросит? – послышался слабый голос Вениамина Павловича. – Ругаться будет.

– Не беспокойтесь, профессор, я с Симой вопрос улажу, – и Крокыч ушёл.

Вениамин Павлович, как только Крокыч ушёл, сразу забылся, тело его обмякло и он ощутил сладкую полудрёму. Он вдруг, как бы во сне, увидел свою давно умершую мать, она молодая стоит на лугу с граблями, а отец в стороне, по пояс голый, косит высокую траву. Спина у него шоколадного цвета, а на военных солдатских брюках тёмные пятна от стекавшего со спины пота.

– Иди, Венечка, иди, – говорит мать, маня ребёнка к себе, и Веня, перебирая босыми ножками,

подходит по нескошенной траве поближе, а дальше идти опасается. Мать берёт его на руки и сажает под большой лопух. Под этим лопухом тень и налетающий ветерок приятно холодит грудь. Венечка протягивает ручонки и пытается поймать пальчиками живительные струйки ускользящего ветерка. «Дай, дай, дай, – говорит он и смеётся. И вдруг Веня слышит, будто вокруг него начинают говорить цветы. Они склоняют к нему свои разноцветные головки и повторяют: «Он спит... Он спит. Венечка хороший. Спи... Спи. Тебе надо поспать. Он спит. Он спит». Но Веня знает, что он не спит, а слышит то, что не слышит ни его мать, ни отец. Он, Веня, понимает язык цветов и ему становится от этого весело и смешно. «Дай, дай, дай» – повторяет малыш и смеётся, а в ответ вновь слышит: «Спи, спи, тебе надо поспать». Он слышит эти голоса настолько явственно, что просыпается.

«Что это?.. Неужели галлюцинации?», – думает Вениамин Павлович. Он поднимает тяжёлые веки и видит широкий лист лопуха над головой, но голоса почему-то не исчезают. Они совсем рядом. Он понимает, что находится на свалке, что над ним лопух, но откуда же голоса? Неужели давно минувшее соединилось с настоящим? Но ведь он учёный, профессор, понимает, что так не бывает. Но, голоса цветов?... Разве их не было? Разве он всё это придумал? Они были. Почему были? Он слышит их и теперь,

связь прошлого с настоящим ещё не успела разорваться и это, по всей видимости, остаточные явления полубредового состояния. «Вероятно, галлюцинация, – подумал Вениамин Павлович, – от перегрева, со временем пройдёт, надо только спокойно лежать и пройдёт. Лишь бы не появился Сима и не погнал на разборку мусора». Но Симы не было, а чья-то рука кладёт ему на лоб смоченную в холодной воде тряпочку. Холод действует и Позолотин видит, прямо около своего уха, маленькую, похожую на куколку девушку.

– Не бойтесь меня, – говорит девушка, – я Дуня. Дуня-тонкопряха, – попровляется она, – а со мной Катерина-калашница, – и она кивнула головой в противоположную сторону.

Позолотин скосил глаза налево и увидел такую же маленькую женщину, только несколько старше, она складывала тряпочку, чтоб приложить её к голове Вениамина Павловича.

– Вам нельзя шевелиться, – сказала Катерина, увидев, что, очнувшийся человек смотрит на неё очень ласково и дружелюбно.

– Вам надо отдохнуть, – проговорила, журчащим как ручеёк голосом, Дуня.

– Вы кто? – спросил Вениамин Павлович.

– Мы глиняные игрушки, – проговорил мужской голос, и Вениамин Павлович увидел на своей груди маленького богатыря с дубиной.

– Какие игрушки? – удивился профессор.

– Мы этого не знаем?.. – ответил богатырь, – просто нас мамушка всю жизнь лепила, и её свёкр лепил и свекра отец лепил и этого отца бабушка лепила... дальше я не знаю, все лепили, а последней была мамушка, а люди её звали Еленой Никаноровной, – проговорил богатырь и сошёл с груди.

– Что это? Как всё это понимать? – проговорил вслух недоумённо профессор.

– Терпение, мой друг, терпение, – раздался совсем рядом старческий голос.

Вениамин Павлович скосил вправо глаза, потому как даже, повернуть голову у него не было сил. Краешком глаза он увидел, как под лопух вошёл древний старичок с котомкой за плечами в длинной старинной одежде. Своим видом он напоминал отшельника. Старичок подошёл к профессору, положил ладонь небольшой морщинистой руки ему на голову и пристально посмотрел страдальцу в глаза.

– Терпение, мой друг, – повторил он, – в скорбях должно быть терпение, – повторил он ещё раз и вдруг стал исчезать, как бы растворяясь. Тела его не стало видно и только одни чистые добрые любящие лучистые глаза смотрели, будто зависнув в воздухе. Ниже глаз были видны губы. Глаза не мигая, строго и чуть подбадривающе с минуту смотрели на Вениамина Павловича, затем стали удаляться и таять.

«Кажется, я умираю, – подумал профессор. – Вот уже начались видения. Я – учёный и мне являются люди из давнего прошлого. Кто этот старичок с котомкой? Почему он, кроме того как «надо терпеть» ничего не сказал? А может быть этим он как раз и сказал всё, что надо Позолотину именно сейчас? Ведь терпение в скорбях – краеугольный камень человеческого бытия. Терпение даёт надежду. Из терпения происходит любовь, бескорыстие, соучастие... и мир. Это из Евангелия. Отшельник напомнил ему евангельские строки. Всё верно,... из терпения в конце происходит мир, а из нетерпения произрастает брань, самовозвышение, самодовольство и революции.

«Странно, но я не могу даже предположить, кто этот старичок?... – подумал Вениамин Павлович. – Почему он мне явился? Явился именно сейчас, здесь; как это понять? Нет-нет, всё не то и не так... Мне просто мерещатся живыми части моей незавершённой научной работы. Недавно закончил писать главу о быте древних славян, затем долго размышлял о первохристианах... Может быть, это материализация мыслей?.. Нет, не то... Я уже начинаю думать не как учёный, а как мистик. Странно, кто он? Возможно это явление из более позднего периода,... древняя Русь,... непроходимые леса... В леса из мира уходят и становятся отшельниками немногие из людей, чтобы проводить жизнь в уединении,

оставшись один на один со своими помыслами, страхованиями, молитвами и надеждой. Нет, нет, это точно плод больного воображения,... и пример тому налицо. – Я всё время думал о традиционной глиняной игрушке, и вот она ходит по моей груди, а я лежу под лопухом и слышу недалеко голос Крокыча. Возможно это всё-таки воздействие солнечной радиации на ослабевшее тело», – и профессор снова впал в забытьё.

Это забытьё снова подарило ему чудное видение. Вот он на плоту. Под ногами между брёвнами хлюпает вода. Только это совсем необыкновенные брёвна, они строганные, с затёсами и вырубками. Совсем рядом раздаются голоса, но Вениамин Павлович не видит людей, плотный туман завалил и плот, и берега, и небо. Профессор пошёл по скользким брёвнам на голос, который был ближе к нему. Этот голос отдавал команды: «Право бери», «стоп», «прямо»...

Вениамин Павлович сделал несколько шагов и вдруг увидел прямо перед собой на выдвинутых вперёд трёх брёвнах, с фонарём в руке, человека. Тот, освещая фонарём воду и вглядываясь в неё, отдавал команды. Вениамин Павлович обратил внимание на одежду человека. Он был одет в кафтан с петлицами, с шапкой на голове, на ногах жёлтые сапоги. «Так это же стрелец времён Ивана Грозного...» – удивился профессор.

Что вы тут делаете? – спросил Вениамин Павлович. Стрелец в ответ сделал профессору знак рукой, дескать, говори тише и поманил профессора подойти ближе к нему. Вениамин Павлович ступил на выступающие вперёд брёвна, сделал два шага и остановился. Стрелец указывал рукой на воду. И тут профессор увидел там, куда показывал стрелец, плывущих трёх стерлядок. Они наполовину были погружены в воду и в стороны от плывущих рыб расходились небольшие волны. Средняя стерлядь плыла немного впереди, а те, что плыли по бокам, отставали на полкорпуса. «История оживает, – подумал Вениамин Павлович. Он совсем недавно рассказывал Крокычу об этих стерлядях и вот он их видит собственными глазами, и лоцмана в стрелецкой одежде, и сами плоты». – «Это чудо. Это невозможно!!!» – произнёс он вслух.

– Ему совсем плохо, – сказала Дуня, глядя на профессора.

– Жаль, что у нас нет никаких лекарств, – посетовала Катерина.

– А если б и были, мы разве знаем, что давать человеку в этом случае? – усомнилась в знаниях глиняшек Дуня.

– Ему надо просто отдохнуть, он перегрелся на солнышке.

– Нам от этого не лучше, – заметил Мурлотик.

– Поясни нам свою глубокую мысль, а то не доходит, – вмешался в разговор Пустолай.

– Чего тут пояснять, сами что ли не сообразите. Этот человек профессор, учёный значит. По крайней мере, его так называл человек, который его принёс. Раз он его принёс, то он его отсюда и заберёт.

– Ну и что из этого? – спросил Пустолай.

– А то, что мы тоже под этим же лопухом находимся, только с другой стороны. Вы что думаете, что профессора будут брать, а нас не увидят? И ещё неизвестно, кто увидит. Может быть, за ним два или три человека придут? За профессора и его друга мы спокойны, а за остальных ручаться нельзя. Вот так вот.

– И что из того? – почесал нос Пустолай.

– Уходить нам надо отсюда. И лучше будет, если мы сейчас переберёмся в разведанную лачужку, пока там никого нет, иначе будет поздно.

– Мурлотик прав, – сказал Заступник, – здесь нам оставаться опасно.

– Мы что же, должны бросить профессора в беде? – спросила Дуня.

– Никто не говорит, что это надо сделать прямо сейчас, – пояснил Заступник. – Побудем здесь какое-то время, и как профессору станет лучше, то и уйдём.

– Мне его жалко, – сказала Катерина. – А нельзя ли нам перекочевать под соседний лопух, тогда и

мы будем в безопасности и профессор будет под присмотром.

– Если мы уйдём, то это будет не по совести, – сказала Дуня. – Надо продолжать ему класть на лоб мокрые тряпочки. Вы как хотите, а я от больного никуда не побегу. С ней все согласились.

Очнулся Вениамин Павлович под вечер в хибарке, видно туда его перенёс Крокыч. Он открыл глаза и увидел улыбающееся лицо художника. Крокыч смотрел на него во все глаза и кивал на стол. Позолотин посмотрел в ту сторону и увидел знакомые игрушки, именно те, которые он видел во сне, лёжа под лопухом около кучи мусора, только здесь они не были живыми. «Значит, мне не приснилось, – подумал Вениамин Павлович, – игрушки действительно были. Просто мой разум чудесным образом трансформировал действительность, наделив игрушки речью и способностью двигаться».

– Под лопухом нашёл, – сказал Крокыч, считай у вас в головах. Рядом ящик валялся разбитый. Видно когда самосвал мусор сваливал, то ящик откатился в сторону, там трава свежепрямая, и вот результат.

– Сима знает? – спросил взволнованно профессор, – чувствуя, как комок радости подкатился ему к горлу и мешает говорить.

– Что вы, ни в коем случае. Эти игрушки не для его поганных рук, – заверил художник.

– Это правильно, – сказал профессор. – Вот она – недостающая деталь цивилизации, – и улыбнулся. – Это, дорогой Семён Ваганович, настоящая старинная саратовская глиняная игрушка, а то, что у Симы в коробке, сам понимаешь...

– Вот значит из-за чего вся свалка на ухах ходит! – покачал головой художник

– Ей цены нет, потому и ходит, – заметил профессор.

– Мне надо на работу идти, – сказал Крокыч, – Сима орать будет.

– Да-да, конечно, только игрушки спрячьте, вдруг кто придёт и увидит.

– Конечно, обязательно спрячу, – и Крокыч положил игрушки в коробку, накрыл их старой газетой, задвинул под кровать и ушёл разбирать мусорные кучи. Позолотин остался в хибарке один.

Профессор лежал на скрипучей кровати и думал о превратностях судьбы, а потом даже вроде уснул. И снова, как и там под лопухом, игрушки, находящиеся в хибарке, снова стали живыми. Они вылезли из коробки, стали ходить по помещению и разговаривать с Вениамином Павловичем. Профессор задавал игрушкам вопросы, и они отвечали на них. И профессор удивлялся тому, как они много знают из истории и этнографии, особенно Заступник, который буквально в деталях рассказывал о тех вещах, над которыми десятки лет ломают голову историки.

Он, как оказалось, хорошо знает Святогора и Илью Муромца, так как путешествовал с богатырями и находился в суме у Алёши Поповича, а сума была приторочена к седлу. Алёша Попович, даже будучи взрослым человеком и богатырём русской земли, никогда не расставался со своей любимой игрушкой и всегда брал её с собой в походы. Перед тяжелейшей битвой вынет из сумы Алёша Попович Заступника, посмотрит на него, вспомнит себя ребёнком и прибавляется в нём сила и смелость. Ведь он должен в бою защитить жён, стариков и детей. Много чего рассказал профессору маленький воин, а после добавил:

– А если вы поговорите с Свистоплясом, то узнаете ещё больше, он у нас самый древний, – я того не знаю, что он знает.

– Кто такой Свистопляс? Я не знаю такого, – сказал Вениамин Павлович. Я никогда не слышал о нём. И тут же получил ответ но не от человечка с мечом, а от Дуни.

– Это кентавр. Он половина человек, половина конь. Он язычник.

«Странно, как они могут помнить, то, что было до них, или они слеплены очень давно, ещё во времена язычества. Нет, этого не может быть, тогда откуда у них знания о далёком прошлом?», – подумал профессор, но через минуту забыл об этом и опять впал в забытьё.

Позолотин даже во сне был счастлив. Улыбка не сходила с его губ; они шептали: «Ещё,... ещё,... ещё...» Он время от времени просыпался и проговаривал свои мысли:

– Я об этом обязательно напишу. Учёные всего мира должны знать. Ну и что, что у него нет доказательств. У него есть само живое знание, разве этого мало? Что может служить доказательством живому знанию. Это абсурд. Живому знанию не требуются никакие доказательства. Так, например, люди имеют живое знание о боге, разве им нужны доказательства о том, что Иисус Христос был, что он ходил, ел, пил как и все люди на земле, исцелял больных и воскрешал умерших. Этому не нужны никакие доказательства. Только неверный мир требует этому доказательств. Этот мир и представленным доказательствам всё равно не поверит, и затребует новые доказательства, чтоб подтвердили предыдущие и это будет продолжаться бесконечно.

Потом Вениамин Павлович стал думать о том, что, возможно, его мозг включил дополнительную функцию, которая неведома учёным, и она соединила прошлое, настоящее и, возможно, даже и будущее. Отдалённым примером тому может служить открытие знаменитой периодической таблицы Менделеева. Эта таблица учёному приснилась во сне. Возможно, так сработало подсознание учёного, выстроив в единую схему приобретённые знания, но до

поры до времени не могло этими знаниями распорядиться должным образом. А, в общем, это была загадка, над разгадкой которой так долго бился мозг химика и родил идею. Так и он – Позолотин – многие годы думал об исчезнувшей игрушке и, возможно, что и его мозг и всё его существо невероятным образом воссоздало утраченное?.. пусть даже в виде галлюцинации».

Потом профессор уснул и уже никого не видел и ни с кем не разговаривал; в хибарке воцарилась тишина. Когда он проснётся, то будет думать, что всё это ему приснилось.

.....

Вечереет. Рабочие на свалке продолжают разбирать кучи. Уставший от беготни, Сима сидит на старом, привезённом на свалку, диване и полощет горло водой. Он понимает, что игрушка находится здесь, только пока не найдена, и подтверждение тому – звонок Фомы Фомича с требованием «искать». С одной стороны, этот звонок делал поиски Симы легитимными: директор приказал – я ищу, с другой стороны, Сима понимал, что в поиск игрушки включились более солидные игроки, а с ними надо держать ухо востро. Потом, раз они включились, то, значит, вещь действительно стоящая и ему, Симе, надо в этом деле ушами не хлопать.

Сима ещё какое-то время посидел на диване, обдумывая ситуацию. «Вряд ли дотемна успеем разо-

братъ, – подумал он, – жара несносная, второй человек падает, первым профессор не выдержал, вторым ослабел Оглобля... Этого надо было ожидать.

«А всё же интересно, откуда у Фомы Фомича информация об игрушке? Может быть Пегас? А что, он человек самолюбивый, увидел, что ему ничего не светит, вот и слил информацию, на разборе мусора сегодня не появился, тоже факт не в его пользу. Если утечка пошла через Червонца? – это не в его интересе. У него тёплое место на базаре, зачем ему на Симино место метить? ладно, не будем ломать голову», – тут он улыбнулся от пришедшей в голову идеи. «Фома Фомич желает получить игрушку – он её получит. Только получит не ту, которая настоящая и которую ещё не нашли, а ту, которая лежит в коробке в вагончике. Нашёл её Оглобля, так что с Симы взятки гладки. Хотел, как говорится, игрушку – получи, а там уж, извиняй, что нашли, то и нашли».

От этой мысли к Симе пришло благодушное настроение, он уже не так зорко следил за копающимися в мусоре бомжами. Зачем? Всё идёт хорошо, игрушку нашли и ещё найдут. Сима захочет – и найдут.

На улице смеркается. С Волги потянул горячий настоенный на заволжских травах, ветерок.

– Всё, хватит, шабаш, – сказал Сима и, обращаясь к Крокычу, добавил, – скажи это тем, что у дальних куч копаются, – и направился к себе в вагончик. Зазвонил телефон. Сима взял трубку. Звонил Фома Фомич.

– Слушаю вас, Фома Фомич, – сказал Сима.

– Сима! Ты меня хорошо слышишь? – требовательным голосом спросил директор.

– Да.

– Слушай меня внимательно. Заканчивай все работы и гони всех с территории свалки к чёртовой матери. Ты меня понял!?

– Обязательно понял: остановить работы и всех гнать со свалки к чёртовой матери.

– Исполни! – сказал Фома Фомич и отключил телефон.

Сима пожал плечами: «рабочий день закончился, – подумал он – последние бомики сейчас уйдут. К чему это предупреждение? Что за спешка и вообще, то ищи Сима хоть днём, хоть ночью, а то вдруг раз – и всё наоборот... Ну, да, ладно». На полпути к вагончику Сима вдруг остановился и посмотрел в сторону хибарки, где жили Крокыч и Позолотин. В свете догорающей зари, он увидел как большая, лохматая тень скользнула и исчезла, будто растаяла на фоне темнеющих кустов. «Что это? – подумал он, – неужели опять? Впрочем, могло и померещиться, не

железный же он сидеть всё время на солнцепёке», и Сима скрылся в вагончике.

А в это время, когда Сима шёл к своему вагончику, неведомое, большое, лохматое, с большими клыками и когтями существо, бесшумно появилось на пороге бомжацкой хибарки и устало на неподвижно лежащего Позолотина свои большие, круглые, фосфорически светящиеся глаза. Профессор был в помещении один, он лежал на кровати и спал. Существо втянуло в себя носом воздух, бесшумно подошло к кровати, вытащило лапой коробок, открыло тёмную пасть, отчего страшные клыки матово блеснули в вечернем свете. Пришелец взял в зубы Катерину, но ему показалось мало, так как пасть была очень большая, и он прихватил ещё и Дуню с Мурлотиком и скрылся в ночи. Затем он появился ещё раз, чтобы забрать остальных. Никто из бомжей на свалке его появления не заметил, только тень скользнула по строениям и растворилась во мраке, будто этого существа никогда здесь и не было.

Глава 48. Пегас действуют

Как мы уже знаем, Пегас решил не показываться больше Симе на глаза и не участвовать в разборке мусорных куч. На этот раз, он, приехав вместе с Мухой на свалку, решил понаблюдать за ходом работ со стороны. Для этого он и Муха спрятались на другой

стороне оврага, куда сваливали мусор и стали вести наблюдение. Овраг и территория свалки перед ним были как на ладони.

– Я тебя не понимаю, – бухтит Муха, устраиваясь рядом с Пегасом, – нам же разрешено ходить по самой свалке и наблюдать, а мы... сидим в этих кустах и глаза издали пялим.

– А тут и понимать нечего, – сказал Пегас. – Бомжи к нам относятся недружелюбно, так что от них ждать помощи не приходится. Тем более у них там свои завязки на это дело. Если работяги не захотят отдать находку Симе, то он её и не получит, будь спокоен. Мы её тоже не увидим, как бы мы около этих мусорных куч не ходили. Увидят, бросят на неё старую, побитую молью тряпку, вот и всё. Стало быть, надо наблюдать со стороны, глядишь что-то и нарисуетя. Давай располагайся, – и он уселся на торчащий из земли пень.

– Ну ты, Пега, голова... – удивился Муха, – откуда будем наблюдать?

– Вот под этими кустами и располагайся, чтоб удобно было.

– Так отсюда ничего не видно... – возмутился Муха. – Вернее, всё видно, но так, общим планом.

– А ты очки одень, – и с этими словами Пегас вытащил из сумки бинокль.

– Вот это да! – изумился Муха.

– А ты не изумляйся, всё продумано. Если рабочие игрушку найдут, то обязательно временно спрячут, а придут за находкой вечером, когда на площадке никого не будет. Так, что если мы прошьём момент, когда они её найдут, то когда будут тырить и прятать, не прошьём. Так, что сегодня нам придётся пободрствовать. Не думаю, что это затянется допоздна. В любом случае, Муха, терпение. Будем наблюдать по очереди, чтоб глаза не уставали и бдительность не притуплялась. Ты, самое главное, когда будешь наблюдать, не смотри, куда кто чего бросил, этот вариант проигрышный, ты смотри за психологией работающих. Из этого и делай вывод – нашли или не нашли.

В кустах Пегас и Муха досидели до темна, но ничего особенного в поведении рабочих не заметили. Не реагируя на окрики Симы, рабочие нехотя перекидывали мусор из одной кучи в другую. Потом стало смеркаться, Сима включил внешнее освещение, на столбах зажглись лампочки. Светили они тускло, отбрасывая от предметов нечёткие, расплывчатые тени. Муха переводил бинокль с одного предмета на другой и вдруг, отняв бинокль от глаз, стал вглядываться в территорию свалки без бинокля.

- Ты чего? – спросил Пегас.
- Не знаю... показалось, наверное...
- Чего тебе показалось?..
- Приведение какое-то...

Пегас взял у Мухи бинокль и стал смотреть. Затем отнял бинокль от глаз, протёр окуляры и снова стал смотреть.

– Чё, видишь? – дёрнул за рукав друга Муха.

– Вижу, не слепой..., – сказал Пегас, не отнимая от глаз бинокль.

Он увидел, как что-то большое и лохматое тёмным пятном скользнуло по кустам, приблизилось к строению в конце территории свалки, на минуту исчезло, потом появилось вновь. Эта таинственная и страшная тень появлялась около бомжацкой хибарки раза два и всегда перемещалась в сторону леса.

– Что это? – спросил Муха.

– Ты что, трухнул, малость, – спросил Пегас. – Не дрейфь, когда темно, что угодно привидеться может.

– Мне не привиделось,... зверь огромный...

– Брось труса праздновать.

– Может быть, домой пойдём, а, Лёнь?

– Рано ещё. – Ответил Пегас. – Жаль, что у нас нет прибора ночного видения.

– Тогда что?

– А то, что прибор ночного видения не простой бинокль, в который мы пытаемся что-то сейчас рассмотреть, а специальный, в инфракраснике всё показывает.

– А, что это за инфракрасник?

– Ты что, Муха, совсем тупой. Этот прибор помогает видеть инфракрасные лучи, а эти лучи, можно сказать, освещают человека, только наш глаз их не видит, вот прибор и помогает человеку увидеть то, что эти лучи освещают, а точнее сказать, выделяют.

– Может, пойдём, а? – просяще проговорил Муха. – С обеда здесь сидим, а толку... Лучше б на свалке среди бомиков толкались.

– Это тебе лучше, а мне нет. Я здесь ни от кого независим. Если же игрушку найдут, то мы и отсюда увидим, лишний раз перед Симой светиться не стоит. Ты наблюдай, давай.

– Наблюдаю, вон около хибарки, где живут Крокыч и Позолотин, собака пробежала, чего-то нашла, легла и грызёт.

– Ты в бинокль смотри, а не просто так пялься, – сказал Пегас. – Там, около вагончика света хватает, чтобы что-то увидеть.

Мухаев взял бинокль и снова стал наблюдать. Только он не смотрел в бинокль молча, а по приказу Пегаса комментировал:

– Вон Сима складывает инструмент в контейнер, лопаты положил, метлу, грабли... – говорит Муха.

– Ты о существенном говори, а нечего действия Симы комментировать. Может быть, он в туалет пойдёт по нужде, ты и об этом будешь говорить?

– Сам велел! – огрызнулся Муха. – Может быть, он в туалете игрушку прячет?

– Ну, завёлся, – поморщился Пегас, – может, да кабы,... ты дело говори, а не перечисляй всякую ерунду.

– А я и говорю дело...

– Ладно,... шут с тобой,... балабонь, – сказал Пегас и растянулся на траве.

Решение – посидеть подольше – родилось у Пегаса неожиданно. Леонид вдруг почувствовал не совсем ясное ощущение тревоги с симптомами неясного трепетания в груди, как перед нахождением антиквариата. Ощущение трепетания в груди было ему знакомо, это обнадёживало, а вот откуда взялась смутная тревога? Он этого не знал и понимал, что такой симбиоз чувств явно к неожиданностям. Об этой тревоге Пегас ни слова не сказал Мухе. «Так будет лучше, – решил он, – меньше трескотни под ухом, пусть комментирует события».

Посидели ещё какое-то время. Пегас чувствовал, что смешанные чувства, будоражившие его тело и мозг, нисколько не утихают и даже усиливаются. Это предощущение заставляло его сидеть и ждать.

– Крокыч к хибарке идёт с работы, – продолжал говорить вялым голосом Муха,... – собака пробежала,... фонарь на дальнем столбе потух, видно, сгорел...

Чем и дальше слушать монотонное перечисленные увиденного Мухой, давайте лучше посмотрим,

что делают наши путешественники: Василий, Бе-
лянка, Смуглянка и пудель.

.....

В это время, когда уставший Крокыч подходил к своей хибарке, до смерти уставшие Василий, Бе-
лянка, Смуглянка вместе с пуделем, приближались к мусорной свалке и, не дойдя до неё буквально пол-
сотни метров, решили переночевать под перекры-
тиями моста-путепровода, опасаясь как бы не было
дождя. Конечно, взрослому человеку этот путь мог
бы показаться и не столь длинным, но маленьким
игрушкам с их короткими ножками такое расстоя-
ние было весьма значительным. Не устал один пу-
дель. Он с удивлением смотрел на своих скисших
друзей. Он запросто мог пробежать и ещё несколько
раз по столько же. Во время этого перехода глиняш-
ки отдыхали несколько раз и всё равно выглядели
измученными.

– Привал. – Сказал пудель. Глиняшки как будто
этой команды только и ждали. Они просто повали-
лись на землю и уснули мёртвым сном. Рядом с ни-
ми лёг и пудель, решив, как только достаточно стем-
неет, он пойдёт на разведку, потому как сейчас на
свалке делать нечего, бродячие псы на неё ещё не
сбежались. Выждав некоторое время и убедившись,
что его друзья крепко спят, пудель встал, потянулся
и пошёл на свалку.

Глава 49. На задней подвеске

Дверь в подвал, в котором находились ребята, открыл сам доцент. Первым он вывел из подвала Костю, связал ему сзади руки, заклеил рот и посадил в машину. Так же он поступил и с Антоном, а вот о нахождении в подвале кентавра он не знал. Когда доцент увёл Антона, Свистопляс, осторожно переступая копытами, чтобы не было слышно цоканья, проследовал за ними и когда Антона посадили в машину он тут же юркнул под автомобиль, уселся на какую-то железку и вцепился руками в другую.

Если бы Свистопляс разбирался в технике, то он бы знал, что уселся он на задний мост автомобиля, так как этот автомобиль был полноприводный, то есть и задние, и передние колёса у него были ведущие. Только технические достоинства автомобиля Свистопляса мало интересовали, главное, что сидеть ему было очень удобно. Разумеется, он не знал, что держится за амортизатор. Ногами до земли Свистопляс совершенно не доставал. Укрывшись таким образом от посторонних глаз, кентавр стал ждать, что же будет дальше? Он не знал участи Гуделки, но броситься сейчас на его поиски было безрассудно. Его друг Гуделка поступил бы точно так же, будь он на его месте. А как же иначе, ведь на заднем сиденье автомобиля находились его связанные друзья, а машиной управляли совсем несвязанные враги, хо-

тя хотелось бы, чтобы всё было наоборот, но, как это сделать, это Свистопляс не знал. А Гуделка тоже самое думал о друге Свистоплясе и находился он от своего друга совсем недалеко, а точнее он ехал в той же машине, находясь в бардачке, куда его сунул доцент.

Глава 50. Знакомые запахи

Как только пудель покинул глиняшек, он в темноте добежал до забора свалки и стал тщательно его обследовать. Зрение в этом случае ему не очень было нужно. Нос был главным его поводырём в темноте. Вот, например, собачья тропа. На ней запахов хоть отбавляй, кто тут только не проходил. Разумеется, эта тропа наверняка ведёт к дырке в заборе, а за забором свалка, тут и дураку понятно, должны же как-то псы проникать на свалку.

Пудель ещё немного прошёл вдоль забора и тут же обнаружил в заборе дырку. «Да это не дырка, а целая дырища» – посетовал пудель на нерачительность хозяина свалки, однако в дыру пролез и стал обследовать территорию. Вот он дошёл до вагончика Симы, понюхал дверь. В вагончике кто-то напевал. Пудель проследовал дальше и вдруг шерсть на его загривке стала дыбом. Пудель первый раз в жизни не поверил своему носу. Он принюхался ещё раз, сомнений быть не могло – на свалке находятся сле-

ды его хозяина и хозяйки. Это пуделя сильно смутило, он остановился и стал думать: «почему они здесь?» Так и ничего не придумав, он побежал дальше и вскоре его нос уловил запах других людей. Этот запах шёл из деревянного строения, приютившегося в конце огороженной территории. А ещё нос пуделя уловил запах, который он не спутал бы ни с чем на свете. Этот запах был настолько сродни запаху глиняшек, что у пуделя даже в носу засвербило. Этот запах тоже исходил из той же самой хибарки. Пудель хотел от радости залаять, но тут же прикусил свой язык, потому что это было не к месту и не вовремя, тем более, что в хибарке не спали. В ней светилось маленькое оконце. «Запах запахом, а осторожность не помешает», – подумал он.

Из строения доносилась тихая речь; разговаривали двое; пудель прислушался. Один голос был старческий, а другой принадлежал более молодому человеку.

– Я, кажется, Семён Ваганович, сегодня перегрелся на солнышке? – проговорил старческий голос.

– На таком солнцепёке, дорогой профессор, не мудрено перегреться.

«Значит, старческий голос принадлежит профессору, – подумал пудель, – а более молодой Семёну Вагановичу» – и стал слушать дальше.

– Вениамин Павлович, вот мы говорим игрушка – игрушка, а разве так важно во что дети играют? Так и хочется сказать, дескать, пусть играют, лишь бы не полакали, – сказал более молодой голос.

– Нет, уважаемый художник, – оживился старческий голос. – Далеко не всё равно. «Этот голос, значит, принадлежит профессору, а другой – художнику, – сориентировался пудель, – интересно о чём же они говорят?».

– Игрушка формирует мировоззрение ребёнка, душу его формирует, – продолжал говорить профессор. – Представьте, что юное существо с малых лет играет в звероподобные алчные существа, внешне похожие на людей. Такая игра только культивирует низменные инстинкты, результат от этого не за горами – брошенные семьи, непочетание родителей, культ силы, бандитизм и прочее, и прочее. Игрушка для ребёнка – главная среда, в которой он воспитывается. И запомните – игрушки благоприличные – благоустраивают детскую душу, и наоборот... Этому, Семён Ваганович, благоустраению и служила всегда народная глиняная игрушка.

«С этим нельзя не согласиться, – подумал пудель, – Это очень умно и дальновидно. Видно, в этой лачужке живут очень умные люди».

– Лепить такую игрушку, – продолжал говорить человек в хибарке, – мог не всякий человек, а духовно одарённый, вот так, дорогой художник.

Слишком это ремесло деликатное, особого душевного напряжения требует. А как сейчас происходит, вам судить. Посмотрите, какие игрушки попадают на свалку?.. Какие игрушки везут в нашу страну?.. И поразмышляйте на досуге. Есть такие, что просто душу от них воротит. Только не думайте, уважаемый, что тот, кто делает эти игрушки не знает, что творит? Разумеется, тот, кто создаёт эти мерзкие изделия, приведёт тысячи доводов в оправдание своей деятельности, и все они будут казаться состоятельными. Обязательно найдутся среди защитников этой мерзости и такие, что будут говорить о том, что молодое поколение должно знать и низменные проявления в человеческой жизни, надо знакомить ребёнка с миром зла в его вещественном воплощении, чтобы закалить его душу, пробудить в ребёнке желание сопротивляться злу, и так далее, но это не более чем уловка.

– Звучит правдоподобно, – заметил Крокыч.

– Это только звучит, дорогой художник, на этом многие ловятся. Эти игрушки формируют в сознании культ силы, но и это не самое главное, главное заключается в другом. Они устанавливают в сознании низшую интеллектуальную планку восприятия. Играя в такие игрушки, ребёнок перестаёт духовно расти. Он достигает этой планки и всё, в его сознании это вершина. Дети, воспитывающиеся в волчьей стае и вскармливаемые грудью волчицы, никогда

не станут полноценными людьми, если даже их из этой среды и изъять. Тому множество примеров, хотя здесь работают и другие факторы.

– Так что же получается, – взволнованно заговорил художник, – покемонов и иже с ними мы должны рассматривать как агрессию против наших детей!? Против нашего народа в целом?!

– И против человечества тоже, – добавил профессор, – против замысла божия.

– Даже так?!

– Я всегда считал вас, Семён Ваганович, умным человеком.

– Какой там умный, когда разжевали и в рот положили,... умный...

– На это и весь расчёт, Крокыч, нашей же безалаберностью нас и бьют. Народная игрушка – кость в горле у наших врагов, вот они и стараются её истребить, а нам вместо неё всяких покемонов да черепашек подсунуть, играйте, мол, детки, и потихоньку превращайтесь в тех, в кого играете, вот так-то. Эту мысль можно развивать и дальше. Наша народная игрушка, по сути, очень духовна. Поэтому агрессия идёт против духа и в первую очередь против духа! – на возвышенной ноте закончил говорить профессор.

– Интересно, в какие игрушки играл Сима в детстве? – проговорил художник. – Сдаётся, что игрушками ему служили человеческие черепа.

– Сима, дорогой Ваганыч, – не главный носитель зла. Это мелкая сошка, исполнитель. Ты об этом на досуге подумай, но то, что он в детстве играл не в те игрушки, это, безусловно.

Профессор и Крокыч замолчали.

– Я сегодня, Семён Ваганович, кажется, сильно перегрелся, – опять произнёс ту же фразу профессор, что и в начале разговора. Видно, какая-то мысль не давала Вениамину Павловичу покоя, и он хотел к ней вернуться.

– Да, уж упаси вас бог так перегреваться, – сказал Крокыч, – я даже подумал «не паралич ли вас стукнул?».

– Нет, не паралич. Только я, наверное, был очень близок к параличу или к чему-то в этом роде. До сих пор думаю над этим,... всё так явственно. Лежу я под лопухом и хорошо мне так, я маленький, родительница рядом обо мне заботится. Это можно отнести к перегреву или ещё к какой-либо болезненной симптоматике. А вот дальше что было, ничем не объяснишь.

– Ну, что там вам привержилось, говорите.

– Видел я как бы наяву, маленьких глиняных человечков, равно как и глиняных животных. Что вы нашли и принесли. Они ухаживали за мной, разговаривали. И в голове у меня одно в это время было – вроде это старая саратовская игрушка обо мне заботится и со мною и между собой разговаривает.

Помню их маленького великана, его Заступником называли, была там миловидная девушка Дуня и собака Пустолай. Я это хорошо запомнил и видел всё это так же отчётливо и ясно, как вас сейчас вижу.

– Нет, вам определённo нельзя находиться на солнцепёке, дорогой друг. Я не врач, но налицо какие-то глюки. Вам надо отдохнуть, спите.

– Жаль, что это глюки, Ваганыч, я бы отдал свою оставшуюся жизнь за то, чтобы это были не наваждения, а реальность. И это не всё. Когда вы ушли на работу, а я остался здесь один, то игрушки, здесь в комнате опять ходили и со мной разговаривали, рассказывали истории из жизни предков. Вы представляете, милейший, сколько они знают. Я был весьма удивлён, разговаривая с их воином. Жизненный уклад предков как на ладони. Каждое слово на вес золота, только записывай, это совсем не додумки учёных, как бы они не были правдоподобны, это реальность...

– Спите... спите, профессор. – Было слышно, как Крокыч дунул на свечу и хибарка погрузилась в полумрак.

Кто такие профессор и Крокыч, пудель не знал. Разговор их он не очень понял, а вот что речь шла об игрушках, запомнил. Главным же для пуделя были запахи. Откуда здесь такие знакомые запахи?

будто он своих друзей оставил не под мостом, а в этом домике, было ему тоже очень непонятно. Пудель попробовал выяснить, откуда начинаются эти запахи и где кончаются. Он побежал по территории свалки и без труда обнаружил большой лопух на самом краю оврага и рядом разбитый ящик. Из ящика сильно пахло хозяйственным мылом, этот запах он знал, так как ходил с хозяйкой в магазины и там, где они покупали порошок для стирки, там всегда пахло этим самым мылом, омерзительный, надо сказать, запах. Только почему и под лопухом, и в ящике, и около хибарки пахнет игрушками? Это было пуделю совсем непонятно. По опыту он знал, что это остаточные запахи, они оставлены игрушками совсем недавно. Это говорит о том, что обладатели этого запаха находились здесь. По всей видимости, они сюда приехали в ящике вместе с мусором; этот ящик упал и разбился, игрушки из него вылезли и спрятались под большой лопух, тут и думать много не надо. Из-под лопуха их принесли в хибарку, а дальше? А вот дальше с анализом событий у пуделя как-то не клеилось.

«Где же обладатели этого запаха сейчас?» – думал он. Пудель мог бы обследовать и овраг, но туда ему спускаться не хотелось. Очень стойкий, пугающий запах шёл снизу. И стойкость, и насыщенность, и широта этого запаха говорили пуделю об огромной величине этого пахнущего объекта. Это существ-

во внушительных размеров было здесь и даже заходило в эту хибарку, но не причинило людям никакого вреда. Почему? Почему следы этого пришельца уходят в овраг? Эти «почему?», заставляли пуделя быть осторожным и внимательным.

Пудель, выждав немного времени и поняв, что большего он здесь не услышит и ничего не найдёт, пошёл к своим друзьям. Он их увидел спящими на том же месте, где и оставил, и тут же стал их будить.

– Чего надо? – спросонья ворчал Василий.

– Да проснитесь вы, лежебоки, – сердился пудель.

Наконец Василий проснулся и, протирая глаза, сел. Белянка со Смуглянкой, тоже потягиваясь и позёвывая, стали нехотя подниматься.

– Чего тебе неймётся? – спросил Василий, когда сон окончательно от него отошёл.

– Я сходил в разведку и обнаружил, что мы пришли на свалку.

– И что дальше? Сходил и сходил, что, обязательно будить надо? – и Василий широко зевнул.

– Да вы послушайте... На территории свалки я нашёл хибарку, такой маленький сарайчик, в котором живут люди. Я даже удивился, что в таком неприглядном помещении можно жить. У моего бывшего хозяина в квартире много комнат и всё заставлено мягкими диванами, креслами и другой всякой мебелью, вы это сами видели, а ещё есть большущая

трёхэтажная дача и дом за границей. Правда за границей я никогда не был, а на даче у меня была собственная комната на первом этаже, в несколько раз больше чем конура этих людей, и спал я там на диване. Но это так, к слову. В сарайчике этом живут профессор и художник. Очень умные и деликатные люди.

– А об этом ты как узнал, что умные и деликатные? – спросил Василий. – Ты что, с ними разговаривал?

– Потому, что разговаривают они друг с другом учтиво и беседа их умна. Из разговора профессора и художника я узнал, что на свалке ищут старинную глиняную игрушку, рабочие разбирают привезённый самосвалами строительный мусор. Я и подумал, может быть, это вас ищут? Вы ведь тоже глиняные игрушки. И потом, что-то уже ими найдено, только запахов присутствия найденного я не обнаружил.

– Как я понимаю, – сказал гармонист, – нас в строительном мусоре искать не будут, если только в костре. Синеволосая меня сама в костёр бросила.

– Тогда может быть ищут Смуглянку с Белянкой? – задал вопрос пудель.

– Сам же сказал, что ищут в строительном мусоре, а в домах мусор бытовой, упаковки, старые изношенные вещи и так далее. Мы видели, как наш дворник всё это убирал, а часть на месте сжигал.

– Тогда, может быть, это ваших сестёр и братьев ищут? – не унимался пудель.

– Скажешь тоже. Это мы уехали, а те в доме остались. – Сказал Василий.

– Может дом сломали, вот тебе и строительный мусор – озвучил гипотезу пудель. Потом, на свалке полно таких же запахов, что и от вас исходят, только давнишние.

– Мамушкин дом ещё очень даже хороший. Зачем его ломать? – возразила Смуглянка.

– Стоп. – Тут пудель умолк и задумался, а потом тихо сказал, – какой же я дурак. Бывают дурни псы, только я им и в подмётки не гожусь.

– Ты чего? – спросила Белянка.

– А то, что мой хозяин говорил, что купил большой, деревянный дом под черепичной крышей у Глебучева оврага. И ещё он говорил, что на этом месте то ли коттедж, то ли супермаркет хочет построить. Может быть, это и есть вашей мамушки дом?

– Ты говори, да не заговаривайся, – проговорил сердито Василий, – кто это посмеет сломать мамушкин дом?

– А я и не заговариваюсь, – запальчиво сказал пудель. – Сам посуди. Ваш дом около Глебучева оврага стоял? – Стоял. Деревянный? – деревянный. Крытый был черепицей? – черепицей, Старый дом? – старый.

– Разве мало домов старых и крытых черепицей?
– чтобы не думать о плохом, сказал Василий.

– Рядом с нашим домом ни одного дома не было, чтобы были крытые черепицей, – сказали Смуглянка и Белянка.

– Вы откуда знаете? – продолжая не верить в доводы, упирался Василий.

– А нам Мурлотик говорил, – сказала Белянка.

– Так он вам и говорил? – засомневался Василий.

– Он говорил, что по черепичной крыше, охотясь за воробьями, он ходить наловчился, а другие дома сплошь крыты железом, по ним особо не походишь.

Эти слова окончательно убили последнюю надежду в Василии. Он не хотел верить в то, что это сломан их дом. «Что же стало с моей Дуней, – думал Василий, что стало с Глиней, Свистоплясом, Катериной и другими?» – Он нагнулся и обхватил голову руками.

– Ты не расстраивайся, – сказал пудель, – может быть с ними ничего плохого и не случилось? Но вместо ответа Василий, взял гармонь и едва трогая лады, заиграл. Грустные звуки полились в вечернее небо. Гармонь не пела, а стонала. Сквозь грустную мелодию слышались то скрежет металла, то шум падающих стропил, то шелест ветерка, который поднимает в воздух вековую от строения пыль, то чьё-то

рыдание и всхлипы. И от пролившихся на землю звуков перестал стрекотать кузнечик. Он хотел забраться на самую высокую травинку, чтоб увидеть игрока, но не смог, потому как его ножки скользили по стебельку, так как стебелёк был мокр от кузнечиковых слёз; остановились, проплывающие высоко в небе, заслонив луну, облака. И проронили облака на землю капельки-слезинки, и пали капельки дождя на лицо Василия, и потекли капельки по щекам Василия, соединившись с его собственными слезами, и побежали одним гремячим потоком, и не было на земле такого потока, в котором бы было заключено больше горя, чем в этом. И если встретится на его пути неправда, то огнём сгорит, и если встанет на его пути плотина из несправедливости, то по камешку размечется. Таково было горе и такова была печаль, и требовала эта печаль от небес возмездия. И стнались о возмездии травы, и сгибались к ним в едином порыве ветки кустов, и клонили головы высокие деревья, и слышалось в подлунном мире только одно – «Покарай, Господи!».

Василий перестал играть. Все сидели молча, одна луна по-прежнему проливала на землю свой желтоватый свет.

– Профессор ещё говорил о том, что ему то-ли во сне, то-ли наяву являлись какие-то глиняные существа, – проговорил пудель. – Эти существа по нему

ходили и с ним разговаривали, говорил про какого-то Заступника, Пустолая, других я не запомнил.

– Что, он их видел? встрепенулся Василий и буквально вскочил – они живы?

– Ты чего это? – спросил Василия пудель.

– Говори,... говори..., что ты о них знаешь?!

– Что я знаю...? Да по существу ничего... Вроде бы они профессору помогали, когда его художник под лопух отнёс и там положил, когда ему стало от жары плохо.

– Может быть, ты ещё чего запомнил!? Ведь и Заступник, и Пустолай – наши братья!? – допытывался Василий. – Мы все вместе жили в мамушкином доме.

– Нет, больше ничего я не запомнил, – виновато сказал пудель, но я обязательно узнаю. Теперь я понял, что профессор и художник наши друзья и их не следует опасаться.

Может быть, этот разговор продолжался бы и дольше, только подъехали к свалке два чёрных лимузина, высветив фарами ворота, и произвели на свет требовательные, высокомерные и чванливые звуки. Василий, Белянка, Смуглянка и пудель стали смотреть как замороженные на эти автомобили.

– Вы никуда не ходите, я сейчас, – сказал пудель, схожу на разведку, узнаю, что к чему. И тут же, шагнув в сторону, скрылся в темноте, а игрушки, обрадовавшись возможно скорой встрече со своими

братьями и сёстрами, и немного успокоившись, стали ждать пуделя. Только недолго они бодрствовали, тяжёлая дрёма снова навалилась на Василия, Белянку и Смуглянку и смежила веки. Глиняшки накрылись широким листом лопуха и уснули.

Глиняшки совершенно не слышали, как рядом с ними остановился чёрный «форд». Скажу по секрету. «форд» мог остановиться и в любом другом месте, но он остановился именно здесь, в метре от спящих игрушек. За рулём сидел Батист. О! У француза были великолепные данные шахматиста. Он мог просчитывать ситуацию на много ходов вперёд. Если бы он выбрал профессию сыщика, то он бы вряд уступал Шерлоку Холмсу. Прекрасная интуиция и трезвый расчёт помогли ему находить такие ходы, которые могли бы украсить любое художественное произведение на эту тему. Интуиция его никогда не подводила. Она помогла ему выйти на Фому Фомича, она помогла ему разобраться во взаимоотношениях Фомы Фомича и доцента. Не подвела она его и сейчас.

Дверка машины открылась, предприниматель вышел и осветил подмостовое пространство фонариком. Он никого не увидел. «Странно, – подумал он. – Должны быть где-то здесь. Они не могли уйти дальше на своих коротеньких ножках; мост – прекрасное укрытие от дождя и, на тебе, пусто». Если

бы Батист посмотрел на землю рядом со своими ботинками и поднял лежащий лист лопуха... Но он этого не сделал.

После осмотра подмостового пространства Батист выключил фонарик, вернулся к машине, сел в кабину. Некоторое время Батист не предпринимал никаких действий. Он размышлял. Всё в нём говорило, что игрушки, которые он видел у Фомы Фомича, находятся где-то поблизости, но темнота мешала поискам. Наконец Батист принял решение – он завёл мотор и, не включая фар, тихо уехал, чтоб через километр-два снова остановиться на обочине высвечивающегося шоссе, выйти из автомобиля, постоять а затем, включив фары и вдавив педаль экселелятора в пол, быстро уехать.

В общем, была и ещё одна причина прекратить поиски, не только темнота. Эту причину Батист не мог предвидеть. Отъехав от моста Батист вышел из «форда». Ночь объяла его. Только это была уже другая ночь, нежели там под мостом. Там это была простая темнота, а здесь... Батист почувствовал, как нечто необъяснимое входит в его душу. И это необъяснимое полонит её, завораживает и будит в нём сверхестественное и необъяснимое. «Что Это?» – спрашивал он самого себя; «откуда взялось?», «Я никогда не чувствовал ничего подобного!» Эта русская ночь, эти русские звёзды... Что они делают со мной? Они совсем не такие, как в Америке, Англии

и на его родине – во Франции. Что это за тонкие изумительные звуки, низвергающиеся с высоты, что это за звоны? Эта ночная тишина совсем не тишина... она дышит, она играет, она движется. Здесь всё живое: и ночные сказочные сумраки, кои неслышно ходят вокруг, и шепчущие ему что-то звёзды, и надзвёздное фиолетовое пространство, хранящее симфонии мироздания, – всё это не просто живёт своей жизнью, а оно входит в ночного странника, оживляет его душу, омывает его сердце, входит в каждую его клетку, насыщает каждый его атом. «Это – купель мира...» подумал Батист. – «Да-да, это – купель мира, она в России, она здесь. И это шоссе уже не одно... их два. Одно струится по земле, а другое повисает и поднимается над ним, и уходит в карминную вечность, откуда доносятся колокольные звоны. Эта, уходящая с земли, дорога, пребывает в чудном сиянии, она ни от мира, но из мира земного в мир вечный. Звёзды украшают сей путь». И вдруг Батист почувствовал, что это и его дорога, что это и его путь и уже не мог больше не только продолжать поиски, но и жить как жил раньше, что те чувства, которые в нём жили раньше, ушли и на их место пришли новые, неизвестные, но такие близкие и настоящие. И что он, по рождению француз, с лёгкостью и радостью принимает то, что ему ниспослано свыше. И вот в нём уже русские чувства и русские мысли, и русская говорящая и поющая тишина. Всё

преобразилось, всё стало иным, более красивым и жизнеутверждающим. Уезжать не хотелось, говорить не хотелось, думать не хотелось. «Не об этом ли говорил Бакстер? – подумал предприниматель. – Знаю, об этом. К чёрту Бакстера, к чёрту всю его философию. Есть только это русское небо и под этим небом – я.

После того, как «форд» уехал, на насыпь моста поднялся огромный лохматый зверь. Он поднял голову вверх и стал жадно втягивать в себя воздух, поворачивая голову налево и направо. О! Его чутью могло позавидовать любое существо на земле. Он чуял на десятки километров даже тогда, когда на земле не было даже малейшего ветерка. Вот он насторожился, повернулся в сторону моста и снова втянул носом воздух. После этого зверь пересёк шоссе. Он шёл тихо, почти бесшумно, низко наклонив голову и свесив хвост. Вот он подошёл к оставленному на обочине прицепу от Камаза. По всей видимости, прицеп сломался и его отцепили от грузовика. Зверь понюхал прицеп, тронул его лапой и легко без видимых усилий, перевернул его кверху колёсами, будто это была не массивная стальная конструкция, а пустой спичечный коробок. Зверь обнюхал прицеп снизу, движением лапы снова поставил его на колёса и пошёл дальше.

Ни Василий, ни козочка и ни овечка не проснулись под мостом, когда большое лохматое существо приблизилось к ним из сумрака и обнюхав каждого взяло в клыкастую пасть Василия и скрылось так же тихо и незаметно, как и появилось. Затем оно, через некоторое время, таким же образом утащило Белянку и Смуглянку. Только зачем ему понадобились глиняные игрушки?.. В пищу они не годились, да и навряд они пахли чем-то съестным. Возможно, у него есть логово и маленькие дети? Только зачем клыкастому гиганту глиняшки?.. Видно у этого лохматого существа были свои соображения, которые человеческому разуму не доступны.

Давайте до времени оставим это существо в покое. Тем более, что сказать нам о нём всё равно нечего, у автора нет никакой дополнительной информации на этот счёт. Разве что профессор, увидев чудище, мог вспомнить старый керамический изразец, что попался ему при разборке в куче мусора, но профессору сейчас было не до изразца, тем более, что и изразец непонятным образом у него исчез. Давайте вместе посмотрим, как будут развиваться события и, возможно, что-то да прояснится в этой странной истории.

.....

На свалке, не считая профессора и Крокыча, никого. Бомжи разбрелись кто куда, тяжёлые сумерки опустились на землю, сглаживая пространство и

сравнивая землю с небом в одну тёмную, с серой бахромой над высокими деревьями, мглу.

Сима из-за дневных неудач был не в духе. Он тотчас увидел подъехавшие к воротам иномарки и побежал отворять ворота. Он отворял ворота, а сам прокручивал в голове детали разговора по телефону с Фомой Фомичом. Сказать директору было нечего. День прошёл, а других игрушек как не было так и нет. Понятно, что Фоме Фомичу нужен положительный результат. А где его Сима возьмёт этот положительный результат? Показывать найденные игрушки было рано, не в его Симином интересе. «Однако, этот приезд не к добру, – подумал Сима, – в крайнем случае, всё таки придётся показать Фоме Фомичу найденные Оглоблей игрушки. Ладно, война план покажет, сейчас, главное, ворота побыстрее открыть, директор страшно не любит, когда Сима медлит. Потом, он выполнил его главный последний приказ и вышпроводил со свалки всех бомжей, которые уходить не хотели, надеясь переспать на мусорных кучах, чтобы утром снова начать их разборку».

Сима бегом открывает половинки ворот и видит в первой машине очень злое лицо директора. Две чёрные иномарки вкатились в ворота. Второй

Ашины Сима на свалке никогда не видел. И если Ашина директора остановилась под фонарём около вагончика, то вторая, обогнув директорский

«шевроле», проехала вперёд и остановилась поодаль, где потемнее.

.....

Сердце пуделя, когда он бежал к чёрным большим автомобилям, предчувствовало что-то радостное и одновременно нехорошее. Эти два чувства постоянно смешивались и какое из них первое, и какое второе он определить никак не мог, потому что и эти чувства то и дело менялись местами.

– Сима! Какого лешего медлишь! – раздался из первой машины знакомый голос. О! Этот голос был не просто знаком пуделю. Он принадлежал самому Фоме Фомичу, его хозяину. А тот человек, что отворяет ворота, и есть тот самый Сима, запах которого он чуял в вагончике и о котором так нелицеприятно говорили профессор и Крокыч. «Так вот какой свалкой заведует Фома Фомич» – подумал пудель, и решил подойти поближе, только не следом за машинами, потому как хозяин может узнать в пуделе своего сбежавшего пса, а лучше пробраться по лопухам, так надёжнее, и пудель нырнул в лопухи.

Не прошёл он по лопухам и двадцати метров, как в его нос ударил уже другой знакомый запах, только он уже не смешивался с запахом Фомы Фомича. И тут луна вышла из-за облака, и он в её сумеречном желтоватом свете увидел фигурку. Фигурка метнулась из-под машины к лопухам и замерла. Эта был то ли конь, то ли человек, то ли всё вместе

взятое. В любом случае таких людей или животных пудель в своей жизни не видел. Пудель сейчас полагался не на зрение, а на чутьё. А вот запах ему говорил, что это друг, потому как он пахнет точно так же как Василий, Белянка и Смуглянка. «Значит это игрушка», – подумал пудель и первым подошёл к незнакомцу.

– Не бойся меня, – проговорил пудель, – Я тебе ни сделаю ничего плохого, потому что я твой друг.

– А как мне знать – друг ты или враг? – спросил Свистопляс, выступая из-под лопуха.

– Ты имеешь такой же запах...

– Кто это пахнет так же как и я?

– А тебе ничего не говорят такие имена как «Василий», «Смуглянка», «Белянка»? – спросил пудель.

– Откуда ты их знаешь? – обрадованно, но в то же время немного недоверчиво спросил кентавр. Жизнь обоих научила осторожности, чтоб не бросаться в объятия первому встречному, и не доверять на слово.

– Я знаю, что ты Свистопляс и что вы с Гуделкой отчаянные ребята, – проговорил пудель, а те, кого я назвал Василием, Белянкой и Смуглянкой живы и здоровы.

– Ура!.. – чуть было не крикнул Свистопляс от переполнившей его мгновенной радости, но он тот-

час взял в себя в руки и кроме как созвучия «Ур...» ничего не поколебало воздух.

– Как ты здесь оказался? – спросил пудель.

– Я приехал на подвеске одного из этих автомобилей, – ответил кентавр. – По нашим соображениям и имеющейся у нас информации, наши братья и сёстры из сломанного дома должны находиться на этой свалке.

– Связывая обстоятельства и опираясь на запахи, я тоже прихожу к такому же выводу, – проговорил пудель.

– Правильно, – сказал кентавр. – А вот мне и Гуделке это даже очень точно известно.

– Откуда это вам известно? – спросил пудель Свистопляса.

– Жаль, что друга Гуделки нет, – сказал Свистопляс, но тут же, за его спиной раздался голос:

– Как это нет! Ты, брат Свистопляс, что-то рано меня похоронил.

– Гуделка, ты как тут оказался!!!? – воскликнул обрадовано Свистопляс и схватил друга за плечи.

– Я приехал в бардачке вон того лимузина, – и он указал на машину, стоявшую в тени. – Это машина доцента. В машине на заднем сиденье сидят связанные Костя и Антон. Когда доцент остановился и вышел из машины, я выбрался из бардачка и попытался их развязать, но не смог, слишком крепко стянуто. Я решил вылезти из машины и попы-

таться найти острый предмет, чтобы им можно было разрезать верёвки, например, стекляшку. Я опустил стекло, выбрался из машины, стал присматриваться и слышу разговор. Голос своего друга я из тысяч голосов узнаю.

Оба друга очень сильно обрадовались встрече и от бурлящих в них чувств никак не могли перейти к обсуждению сложившейся ситуации.

– К делу,... к делу,... потом будете обниматься, – говорил пудель, желая как-то умерить жар и пыл встретившихся друзей. Наконец Гуделка и Свистопляс немного успокоились.

– Я дополню твою информацию, – сказал строго и грустно кентавр:

– В багажнике этого же лимузина лежат Никита и учитель Пал Палыч. Я тоже приехал на этом лимузине, точнее под ним.

– Чем мы располагаем? для того, чтобы выручить наших друзей из беды? – спросил Гуделка,

– Только информацией, – ответил кентавр.

– Тебя не растрясло на подвеске, о какой ты информации говоришь?

– Слушай меня, Глиня, внимательно. В отличие от тебя я не просто катился на заднем мосту автомобиля, но и трезубцем ковырял днище багажника и весьма в этом преуспел.

– В чём же ты преуспел? В ковырянии багажников?

– Между прочим, через проделанную дырочку я от Пал Палыча узнал, что их везут, по всей видимости, на свалку, а не на кладбище, хотя они эти вещи могут и совместить. По всей видимости, и совместят, потому, как секреты выдают только обречённым.

– Какие секреты?

– Простые. Дело в том, что все эти отморозки очень любят показать своё превосходство перед кем либо, особенно перед жертвой. Вот доцент и похвастал Пал Палычу своей оригинальной законспирированной организацией с названием «Изумруд» и даже рассказал ему схему её действия.

– Зачем ему это было надо рассказывать Пал Палычу? – удивился Гуделка. В то время как доцент разговаривал с Пал Палычем, он находился в бардачке автомобиля и ничего не слышал.

– Ты соображать когда-нибудь будешь быстрее чем сейчас? – озлился кентавр. – Рассказывают всегда такие вещи только тому, кто не сможет уже об этом никому больше рассказать, понял?

– То есть, всех свидетелей они уничтожат!? Ты это хочешь сказать?

– Вот именно, – подтвердил пудель. – И спасти их надо сразу всех вместе.

– Это уж как получится, или всех сразу, или по очереди. – Заметил Свистопляс. – Только для начала надо немного оглядеться и найти, как ты гово-

ришь, что-то острое, чтобы перерезать верёвки на мальчишках.

– Я уже здесь достаточно осмотрелся, – сказал пудель, хочу к сказанному вами добавить некоторые детали, потому, как их не слышал Гуделка. – Ваши братья Василий, Белянка и Смуглянка находятся вон под тем мостом, – и он показал на путепровод,, другие, которых я никогда не видел, тоже находятся где-то рядом.

– Там? – переспросил Гуделка и указал на чернеющую громаду путепровода.

– Где же ещё, конечно, там.

Свистопляс тут же встал на дыбы, намереваясь сделать скачѐк в сторону путепровода и если б ни Гуделка, то кентавра б уж и след простыл.

– Куда!?! – удерживая Свистопляса за хвост, – проговорил Гуделка.

– Так... там же... ове-вечка,... ко-козочка... – пролепетал Свистопляс, не совсем понимая, почему его удерживают.

– Охолонь немного, – вразумляюще сказал Гуделка, – сейчас не до эмоций. Где ты здесь ещё учуял запахи такие же как наши? – спросил он пуделя.

– Там, – и пудель махнул лапой в сторону оврага, – только тех, кто оставил там свои запахи, их нет, зато я знаю из разговора жителей свалки, что их здесь усиленно ищут, перебирая мусор от сломанно-

го дома. Можете мне верить, мой нос и мои уши меня ещё никогда не подводили.

– Дуня, Катерина, Пустолай.... здесь?! – изумился Гуделка.

– Спокойствие, друзья, оставим эмоции, – проговорил пудель. – Они здесь, но их нет.

– Как это они здесь и их нет!?! – удивился Свистопляс. – Такого не бывает... Есть – значит – есть, а если нет, то и нет, и хватит морочить голову.

– Меня смутило присутствие сильного запаха незнакомца, – продолжил говорить пудель, – его запах перебивает их запахи. Думаю, что это очень большой зверь с огромными когтями, отпечатки его лап я видел. Такого зверя я никогда не встречал и даже о таком никогда не слышал. Самая большая собака, которую я видел, это дог, но он пахнет совершенно не так... и отпечатки лап у него гораздо меньших размеров.

– Зато мы слышали о таком звере, – проговорил Гуделка, – нам мамушка про него рассказывала и говорила, что он больше любого волка и даже вепря лесного.

– Хорошо, что наши братья где-то рядом, – а уж найти... мы их найдём, – воодушевленно сказал Свистопляс. Только давайте не отвлекаться. Сейчас наша задача освободить мальчишек, а чтобы их освободить надо найти острую железку или стекляшку. Давайте разойдёмся и поищем.

.....

– Сима! Чего ты там возишься, – раздался сердитый голос Фомы Фомича. – Прах тебя возьми, помогай. Куда идёшь? Не мне, доценту помоги,... учёные, мать вашу,... ничего не могут сделать своими руками.

Доцента Сима видел впервые, хотя Фома Фомич не раз в разговоре упоминал это имя и Сима знал, что доцент очень значительная фигура.

– Бегу, – говорит Сима и бежит к машине. При слабом свете он различает в багажнике второй машины связанных людей.

– А это кто? – Сима кивает на связанных.

– Это свидетели нашего благополучия или неблагополучия, Сима. Тут и слово не подберёшь...

– И те два шкета тоже? – удивился Сима, кивнув на заднее сиденье.

– Эти два шкета практически знают всё... Они знают схему подпольного бизнеса. Если бы они знали кое-что – не беда, а схема – это больше чем серьёзно.

– Что делать? – спросил Сима.

– Сам знаешь...

– Не беспокойтесь, Фома Фомич, всё будет сделано в лучшем виде, – и Сима ухмыльнулся. Он нагнулся и хотел вытащить из багажника дворника и Пал Палыча. И вдруг из темноты, из лопухов вы-

скочила маленькая собачонка и впиалась Симе в ботинок.

– Долой!! Долой!! – рычит Сима, пытаясь освободить ногу, но пудель не отцепляется. Сима неуклюже поворачивается к нападавшему, пудель в это время дёргает его за штанину и Сима падает. Затем Сима поднялся, поднял валявшуюся палку и замахнулся. Пудель бросил Симин ботинок, отскочил и побежал к директорской машине. Фома Фомич увидел бегущую к нему собаку, предусмотрительно убрал в кабину ноги и закрыл дверку, однако это пуделя нисколько не смутило, он с разбегу прыгнул к опущенному стеклу дверки, пытаясь ухватить Фому Фомича за руку. Директор отпрянул вглубь машины. Он сразу узнал в пуделе своего сбежавшего пса. Сима поспешил на выручку директора. Он бросил издали в пуделя палкой, попал, пудель завизжал от боли и исчез в темноте.

– Откуда он у тебя? – спросил Фома Фомич, кивнув в сторону исчезнувшего пса.

– Первый раз вижу, – ответил Сима, – ботинок прокусил, зараза.

Хотя, Фома Фомич узнал свою собаку, но не показал этого ни жестом, ни мимикой.

– Быстро дичают, – сказал Фома Фомич после паузы, – очень быстро,... не думал...

– Это вы о чём? – спросил Сима, но директор не ответил.

Глава 51. Неожиданная встреча

Кончай в бинокль глазеть, – сказал Пегас и тронул Муху за плечо.

– Подожди, – сказал Муха. – Кто-то приехал.

– Кто там может в это время приехать?

– Не знаю. Машина с шоссе к свалке свернула.

Сима ворота открывает. Ни одна, а две машины на территорию свалки въехали.

Пегасов вырвал у Мухи бинокль и впился глазами в окуляры. В бинокль было не разглядеть, кто? и что? но то, что поздние гости были люди солидные легко определялось по маркам машин.

– «шевроле» и «фольксваген», – проговорил Лёня, – интересненько, кто это на таких тачках по свалкам в тёмное время раскатывает?

– Мало ли кто, – ответил Муха, – неинтересно.

Леонид всем своим существом понял, что это, то самое, чего он ждал.

– Давай подойдём поближе, – сказал он Мухе, – темно, нас никто не заметит.

– Может не стоит?

– Не дрейфь.

– Может быть, я тут посижу, – ответил Муха, – что-то в коленку вступило.

– Трусость у тебя туда вступила, – проговорил зло Пегас. Муха встал, и притворно постанывая и морщась, нехотя пошёл за товарищем.

Пегас скользил между кустами совсем не слышно, как тень. Вот они стороной обошли овраг, вышли на противоположную его сторону, достигли бомжацкой хибарки, прижались спинами к её стене, прислушались. В хибарке света не было, но там и не спали. Из неё доносились приглушённые голоса, разговаривали двое. В общем, мы уже знаем, что это разговаривают в хибарке между собой приживалы.

– А что, профессор, – Услышал Пегас. – Симу сегодня неудача постигла, он так старался и мимо. – Сказал художник.

– Знаешь, Крокыч, – давно замечено, – что настоящие культурные ценности людям с нечистой совестью не даются, разве только на время. Чаще их постигает при этом беда. Это из древних манускриптов.

– Я слышал об этом, только сталкиваться с этим не приходилось.

– Так столкнулись же,... Семён Ваганович...

– Вы думаете, что столкнулись? Тогда почему она мне не показалась? – разочарованно сказал художник, – вам показалась, а мне нет? Только внешне.

– Может быть, и показалась, да вы не увидели, эти события и ситуации носят прикровенный характер. – Начал успокаивать художника профессор. – На то разные есть причины.

– Какие такие причины?

– Возможно, ещё время не пришло, мы до этого не дозрели или зло не проявилось во всей своей полноте, время покажет, – рассудил Вениамин Павлович.

– Если нас иметь в виду, то мы что, не дострадали что-ли?

– Может быть, и так... я же сказал, что события эти прикровенны.

– Машины подъехали, вы слышали, – сказал, насторожившись, Семён Ваганович. – Или это мне показалось?

– Что за гости на ночь глядя? Вы, Семён Ваганович, лежите, а я пойду посмотрю, может быть заказчики этого переполоха пожаловали? Это дело меня в первую очередь касается.

– Не ходили бы. Что там кроме темени увидишь, – стал отговаривать Крокыч.

– Нет уж, пойду. Я близко подходить не буду, а всё же интересно, кто в этом направлении копает, вдруг какой знакомец по прошлому, тогда и сориентироваться можно, насколько это серьёзно?

– Только, Вениамин Павлович, не задерживайтесь, – предупредил художник.

.....

– Это бомжи, Крокыч с профессором, – сказал шепотом Пегас Мухе, – я их по голосам узнал, здешние приживалы.

Пегас и Муха, чтоб не столкнуться с аборигеном свалки, тут же отпрянули от хибарки, затаились за стеной и стали наблюдать. Из хибарки вышел профессор и направился в сторону приехавших автомобилей.

– Он, что? Действительно профессор, – спросил Муха, – семена за Пегасом.

– Брось ты, кликуха бомжацкая, – ответил Пегас. – Среди них таких имён хватает. Я знал одного, академиком звали, а он оказался впоследствии академиком по попрошайничеству. Стой... Ближе подходить не будем и отсюда видно.

Два чёрных легковых автомобиля стояли около вагончика. У одного был открыт багажник. В свете фонаря было видно, как около машин ходили люди, – мелькала фигура Симы, и ещё какого-то высокого господина и человека поменьше, толстенького. О чём они говорили было не слышно.

– Вот бы поближе подобраться, – сказал Пегас. – Не слышно, о чём говорят.

– Опасно, – прошептал Муха, – около вагончика будем как на ладони, засекут. Отсюда тоже можно понять что к чему?

– Ладно, уговорил, нарываться не будем, отсюда, так отсюда.

В одном из приехавших Пегас по внешности узнал Фому Фомича. Фигура второго тоже была очень знакома, но узнать кто это? он никак не мог.

– Зачем-то багажник открыли, – сказал Муха, тяжёлое в нём, вон как подвеска просела, – прокомментировал Мухаев.

– Вижу, не слепой, – огрызнулся Пегас, – смотри давай, только молча, ещё не хватало, чтоб нас здесь застукали.

Тут из темноты в световое пятно от фонаря выплыла фигура бомжа. Да это был тот самый бомж, которого Пегас с Мухой только что видели около хибарки. Это был приживал Позолотин Вениамин Павлович.

– И вы, Эдуард Аркадьевич, здесь!? Орлы слетаются на могильник..., – проговорил Вениамин Павлович, узнав в мужчине с бородкой доцента Эдуарда Аркадьевича Забродина.

Забродин испуганно посмотрел на обросшего густой щетиной человека, торопливо захлопнул багажник.

– Да, Эдуард Аркадьевич! Не узнали, вижу, не узнали своего бывшего шефа, – продолжал говорить Позолотин.

– Не имею вас чести знать, сударь, – сказал нервно доцент и испуганно посмотрел по сторонам. Он не узнал профессора.

– Как же так, имели честь быть моим аспирантом и вдруг...

Забродин взгляделся в подошедшего и немного испуганно тихо сказал: «Позолотин!»

– Вижу, что с памятью у вас всё в порядке, – сказал профессор.

– Что вы здесь делаете? – спросил доцент первое, что пришло в голову.

Хотя он и догадывался по репликам Фомы Фомича, что как бы Позолотин жив, но Эдуард Аркадьевич не очень ему в этом верил, полагая, что Фома Фомич просто нагоняет на него страха, потом Фома Фомич при нём отдал команду Симе, чтоб на свалке никого не было, а тут...

– Я здесь изучаю социальные срезы народного благосостояния, – ответил Позолотин. – Только с одним маленьким «но». Знаете, Забродин, когда учёные производят раскопки, то по культурным слоям определяют жизнь предков. Я, в отличие от них, многие годы сам формирую эти слои, – и он кивнул на гору мусора, – и даже, в некотором роде, выступаю патологоанатомом современного общества, если принять эту свалку за живой организм. Согласитесь, Эдуард Аркадьевич. Ваше общество, которое вы так усиленно создаёте, к сожалению уже нуждается в таких медицинских специалистах. К сожалению, рождённое вами, оказалось нежизнеспособно. Либерализм пуст и цели его мелки. Да вы

и сами знаете это не хуже меня и с удовольствием бы от него отказались, если бы не собственное благополучие. Исповедуете один закон: «мир в смраде, а я в шоколаде».

– Довольно! – выкрикнул Забродин. – Хватит! Кто вы!? И кто Я!? Не забываетесь, Позолотин. Да, я не верю в либеральные ценности, и не верю людям, кто их проповедует и насаждает, но я с ними, потому что они сильные!

Забродин брезгливо поморщился. Он понимал, что встретил профессора совсем некстати, в машине и в багажнике люди, может догадаться,... заподозрить,... что-то увидеть. «Нет,... не вовремя,... совсем не вовремя, – мелькнуло в голове у Эдуарда Аркадьевича. – Откуда он взялся?.. О чём думал Фома Фомич, когда они сюда ехали?

– А вы не морщитесь. – Сказал Вениамин Павлович. – Между прочим, для науки здесь кладёшь ценнейшего материала. Я тоже думал в начале, что угодил на социальное дно. Только учёный всегда остаётся учёным, если он только настоящий учёный, а не проходимец. Я не терял время даром и, исследуя жизнь бродяг, бомжей, роясь в отбросах, находил шедевры искусства, которые должны украшать музеи. По срезам определял эпохи кризисов, вопиющего воровства и вопиющего беспредела...

– Как же вы определяете, профессор, сегодняшнее состояние государства и общества? – спросил скептически доцент, – раз вы такой экстремал.

– Я его определяю чёрной дырой, которую с таким дерзновением роете вы, Эдуард Аркадьевич, а я своим трудом пытаюсь вашу деятельность вытащить на всеобщее обозрение!

– Вы, что, находясь в этом дерьме, писали научную работу?! – удивился Забродин, продолжая анализировать ситуацию. «Это хорошо, что он вышел и нам показался, – думал он. – Как не было в тебе, профессор, практической жилки, так и нет. Потащился сразу к машинам, дура, а мог бы понаблюдать из-за кустиков. Вот тогда другое дело. Тогда мог бы и поторговаться, тогда цена твоего воскрешения была бы совсем другая,... тогда мог бы и квартиру запросить, и машину в придачу за своё молчание. Дурак ты, профессор. Как был дураком, так и остался».

– Да, милейший, именно так и было, – профессор возвысил голос. – Здесь я написал свой самый главный научный труд.

– Простите, и вы надеетесь его издать? – спросил, бросив оценивающий взгляд на обросшего, измождённого человека, доцент, в котором он едва узнавал профессора. – С дырами в карманах? Подо что будете издавать? Может быть под имя? – его нет, потому что нет профессора Позолотина, а есть

похожий на него внешне бомж, вот и всё. Да и то этот бомж – сейчас есть, а через пять минут его нет, потому как все мы смертные,... insult,... годы,... профессор... годы. И думаю, что в вашей монографии вы меня, без пяти минут профессора Забродина, известного специалиста в области культурологии, конечно же не щадите? Можете не отвечать,... сам знаю...

– Вы угадали... – спокойно сказал Вениамин Павлович.

– Отомстили, значит, смешали с грязью? – и Эдуард Аркадьевич вызывающе закусил нижнюю губу.

– Нет, нет, уважаемый Эдуард Аркадьевич, только сделал должную оценку... Я внимательно следил за вашей деятельностью и на посту председателя комиссии тоже, думаю, что у прокуратуры к вам возникнет много вопросов.

Доцент криво усмехнулся. Позолотин даже не понимает, в какую ситуацию сам себя ставит, – думал он. – Позолотин рад, что припёр меня в угол, не понимая, что из угла есть только один выход – прямую, через него,... неужели он думает, что я встану на колени и буду просить пощады?.. Глупец.

– Откуда же вы черпали материалы, милейший сфинкс? – спросил, пряча улыбку в усах, Забродин.

– Здесь, милейший, материалы валяются под ногами: отчёты, счета. Вот, например, – и он поднял

с земли какую-то пыльную бумажку и начал читать: «Отчёт ревизионной комиссии о результатах деятельности почтового отделения за отчётный год». Можете сами поинтересоваться, – и он подал документ Забродину. Тот поморщился. Он понял всё. Он понял, что Позолотин действительно даром времени не терял, его действительно блестящий ум нашёл себе применение и здесь, и, главное, он не просто написал монографию среди этих отбросов и вони, главное, что он поставил в ней на доценте Забродине жирную точку. Только навряд ли он что знает о деятельности возглавляемой Забродиным комиссией.

– Да что вы знаете?! – нервически прокричал доцент. – Что вы можете поставить мне в вину?... Выживший из ума старик?! Кто вас примет всерьёз? Жизнь ушла вперёд, – проговорил доцент, ощущая всем телом, что противнее этого оборванного старикашки нет для него ни одного человека в целом свете.

– Да, Эдуард Аркадьевич! – ещё более возвысил голос Позолотин, – питаюсь отбросами, голодая и замерзая, я создал главный труд своей жизни. Рукопись книги готова и она произведёт в науке переворот, я уж не говорю о социальном взрыве. Её аргументы и выводы раздавят ваш помпезный научный дом, построенный на песке. Вы окажетесь под обломками собственного строения.

– Интересно, каким образом, вы её собираетесь издать? Вы же голодранец... – глаза доцента сузились. – Общество уже иное! Прежние ориентиры попорчены. Вы и ваша рукопись – ничто, а вы сами тоже никто... Мы, Забродины, переделали страну, наша пропаганда преподнесла миллионам новую философию, мы написали новые книги, сняли новые фильмы, обозначили новую мораль. Давайте загнуём пальцы и вы увидите, что все позиции в стране наши, кроме одной. Эта позиция замшелая и глупая – это вы Позолотин и ваши босяки.

– В это трудно поверить, Эдуард Аркадьевич, – перебил доцента Позолотин, – особенно это трудно сделать вам, «уважаемый», но сотни таких как я голодранцев, или как вы выразились «босяков» – узнав о том, что нищий-профессор написал о них и их стране научный труд, по копейке собирали деньги на его издание. Да, нищие, оборванные люди! Многие из них не видели меня даже в лицо и, наверное, никогда не прочитают этой книги, но тайной почтой передавали крохи на её издание. Вам этого, Забродин, не понять! Здесь много хороших людей. Это мои друзья. Они заботятся обо мне. Создают условия для работы, подкармливают.

– Что вы этим хотите сказать!? – взвизгнул, теряя терпение, доцент.

– Только то, что вы слышали, и ничего больше...

Этот диалог отнял у профессора остатки сил. У него закружилась голова и он закачался. Откуда ни возьмись сзади появился Крокыч и подхватил Позолотина.

– Говорил же, что надо отлежаться, а вы? Куда на ночь глядя? Крокыч не знал доцента и не слышал только что произошедшего меж ним и профессором диалога.

– Ты, Крокыч, не брани старика, просто голос показался знакомым, вот я и подошёл, – сказал тихо профессор. – Вот коллегу встретил, помните, я рассказывал о Забродине? Он, Крокыч, очень опасный человек, для тебя, для меня, для твоей картины и для моей рукописи, по сравнению с ним Сима – пигмей. Этот уничтожает душу, дух, переиначивает и перелицовывает историю, время, факты, создаёт новые мифы и это всё только ради своего благополучия...

– И что же? – Крокыч смерил доцента уничижительным взглядом.

– Я ошибся, продолжал профессор, – Я не сейчас ошибся, Семён Ваганович,.. я десять лет назад ошибся, когда этому,.. этому..., – он не знал как назвать бывшего своего аспиранта, – когда зажгёт ему зелёный свет в аспирантуру.

Профессор закашлялся, дальше он не мог говорить,.. и в этот момент в багажнике иномарки кто-то заворочался и застонал. Крокыч бросил взгляд на

машину, на доцента, перехватил поудобнее Позолотина, хотел взвалить его себе на плечо, но сил явно не хватало.

И доцент всё понял, он быстро сел в машину и включил скорость. Иномарка в секунды подмяла под себя Позолотина и Крокыча, затем рванула с пробуксовкой назад, но, не доехав до ворот, остановилась. Доцент подозвал к себе Симу и, кивнув на валяющихся на земле профессора и художника, спросил:

– Где их ночлежка? Сима кивнул на приютившуюся вдалеке около обрыва хибарку, затем подошёл к директору.

– Я же тебе приказал всех со свалки убрать, сказал зло Фома Фомич Симе. – Всех, значит всех. А теперь что? Эх,... исполнители.

– Что и профессора надо было в шею? – удивился Сима. У вас же насчёт него мысли были... Я думал...

– Не надо думать... – сердито сказал директор, – это я буду думать, а ты исполнять... А в общем, уже всё равно. Для них бы было лучше, если б их не было здесь совсем. Теперь это уже не имеет значения.

Глава 52. **Страх**

Свистопляс с Гуделкой видели, как пудель отважно бросился на Симу, а потом на директора.

Только Свистопляс и Гуделка хотели выйти из своих лопухов и подойти поближе, как тотчас спрятались снова. Они увидели, как двое мальчишек прошмыгнули вдоль ворот, прижались к стенке подсобного помещения и затаились. Их было неплохо видно, потому что вышедшая из-за туч луна хорошо освещала эту сторону подсобки, и Гуделка с Свистоплясом без труда узнали в них тех самых мальчишек, что залазили на чердак мамушкиного дома, а потом взяли Гуделку и отнесли его к доценту, чья машина стоит здесь же с людьми в багажнике. Это были враги и Гуделка с Свистоплясом понимали, что им попадаться на глаза нельзя.

Только почему они к доценту и Фоме Фомичу не выходят, а прячутся и наблюдают, ведь они же с доцентом друзья, а доцент – приятель Фоме Фомичу, значит, они из одного лагеря? Это странно. И вообще в действиях людей подчас трудно разобраться. Если б Гуделка и Свистопляс были в них уверены, то давно бы подошли и рассказали, что в машине находятся два добрых мальчишки, Костя и Антон, они тоже приходили на чердак мамушкиного дома, что они хотели спасти игрушки, но у них это не получилось, и Свистопляс этому свидетель, и что в багажнике лежат дворник Никита и Пал Палыч. О дворнике можно и не говорить, все его знают, какой он добрый и бескорыстный человек, и если они вдвоём

в багажнике с Пал Палычем, то значит и тот добрый и бескорыстный человек.

– Может быть, эти мальчишки ищут свою выгоду и не собираются никого спасать? – высказал предположение Свистопляс.

– По всей видимости, это так и есть, – согласился Гуделка, – иначе б не прятались, а действовали.

Гуделка и кентавр прокручивали в голове разные варианты помощи, но даже ценой своей жизни они не могли предотвратить страшных в развитии событий. Они видели, как отчаянно пудель бросился на Симу и директора, и что из этого получилось? А Гуделка и кентавр гораздо меньше пуделя, они даже меньше его одной ноги, что же будет с ними, если они тоже вот так?.. Их просто раздавят и всё.

– Погибать надо с пользой, – сказал Гуделка.

– А как погибать с пользой? – спросил Свистопляс.

– Не знаю... – ответил Гуделка и пожал плечами... – я думаю, что это такое - такое, когда врагам от твоей гибели будет очень, очень плохо.

– А пудель – герой!.. – сказал кентавр.

– Да, смелости ему не занимать, – согласился Гуделка. – Только на одной смелости далеко не уедешь, нужна и рассудительность, план какой-никакой.

– Ты – голова, – ответил Свистопляс. – Правильно сказал. Только непонятно, что мы такие ма-

ленькие можем сделать, от чего таким большим людям как директор и Сима будет плохо? Пудель хоть что-то сделал, а мы?... Прячемся в лопухах как последние трусы,... даже верёвок не перерезали.

– Перестань заниматься душеизбиением. От этого толку нет. Смотри,... пудель, совершил очень отчаянный поступок, а что из этого? Ну, прокусил он Симе ботинок, поди, и ногу до крови поранил. Так что нога? – нога заживёт, а через неделю Сима и забудет про этот случай. Вот наши враги перед нами, а пудель где?

– Наверное, где-то затаился, – проговорил Гуделка.

– Это в лучшем случае, – сказал Свистопляс, – а может быть от удара встать не может.

Тут они увидели, как к машинам подошёл больной измождённый пожилой человек и стал о чём-то говорить с Забродиним. Игрушки видели, что такой разговор доценту не по душе, что он нервничает, отводит глаза и злится.

– Такое впечатление, что встретились два хорошо знающие друг друга человека, – заметил Гуделка.

– Только я не вижу радости на их лицах и даже наоборот, – добавил Свистопляс.

– Значит встретились не друзья, а враги... А если подошедший человек доценту враг то...

– То он наш друг, – договорил Свистопляс, – и нам надо действовать заодно и предупредить старичка об опасности.

И тут Гуделке пришла в голову отличная мысль. Он привстал на цыпочки и энергично, что-то зашептал на ухо кентавру.

– Ты – голова! – проговорил радостно Свистопляс. Они даже стукнули с Свистоплясом ладонями в знак согласия и солидарности.

– Как и раньше, на раз, два, три, – сказал Гуделка кентавру, помнишь, как мы протыкали колёса Чугунихиному зятю.

– Согласен, – блеснул зубами Сваистопляс, – как и прежде, договорились, – и они юркнули под машину директора. Только осуществить им свой план на этот раз не удалось. Как только машина доцента наехала на профессора и Крокыча, они так испугались, что пустились бежать от этого страшного места без оглядки. Когда же они немного успокоились и пришли в себя, то увидели, что сидят за бочкой около оврага, куда сваливают мусор.

– Мы, кажется, брат Глиня, с тобой не по совести поступили, – сказал Свистопляс, когда волна испуга стала стихать в его теле и голова начала маломальски соображать.

– Я даже не знаю, как мы очутились за этой бочкой, – проговорил, совсем не оправдываясь, Гуделка.

– Это страх виноват, он парализует сознание и включает рефлекс спасения, – заметил Свистопляс.

– Что ж теперь делать? Ведь перед собой и тобой стыдно, – Гуделка чувствовал себя очень неловко и даже не мог смотреть в глаза другу.

– И я чувствую то же самое. – Откровенно сказал Свистопляс.

– Это что же за рефлекс такой, что мне стыдно смотреть другу в глаза, – сказал Гуделка. – Это не рефлекс спасения, а самая настоящая трусость, я так понимаю.

– Друг друга нам нечего стыдиться, – увидев состояние Гуделки, сказал Свистопляс, – а вот положение исправлять надо, это единственное лекарство от страха и угрызений совести, – проговорил со знанием дела кентавр.

– Смотри - смотри, кто-то идёт от ворот в конец территории? – проговорил Гуделка.

– Это доцент, наверное, направляется к жилищу профессора и Крокыча, ну тех самых..., на кого он автомобилем наехал...

– Чего ему там надо? – спросил Гуделка.

– По всей видимости, ему нужно жилище профессора, сам слышал разговор между доцентом и профессором...

– Я тебя не спрашиваю, чья это хибарка, я тебя спрашиваю, что ему в ней надо?

– Чего пристал?.. – прошипел Свистопляс. – Рукопись ему Позолотинская нужна. В ней профессор что-то против него написал... Давай подойдём чуток поближе,... посмотрим – найдёт он её и куда денет? Эта рукопись – его главный враг. А если эта рукопись главный враг доцента, то мы её должны спасти... – высказал он своё мнение.

– Вот если б нам удалось её спасти!.. а. Брат Свистопляс, что скажешь?

– Скажу, что у обоих у нас мозги от страха приторможенные. Мы же слышали разговор между профессором и этим..., что, не могли сразу догадаться, что надо бежать и спасать рукопись, а теперь что – «дяденька подожди, не ходи в хибарку, мы сперва сбегаете,... вынесем, что нам надо, а вы уж потом, за нами зайдёте...», так что ли?

– Может быть, он её куда спрячет, а мы выследим и возьмём.

– Давай,... только надеяться на такое развитие событий не стоит, зачем её ему прятать? Унесёт и всё.

– А вдруг?

– Ладно, – согласился Свистопляс и они, прячась за мусорными кучами, последовали за доцентом. Хотя прятаться им не было особой необходимости, глиняшки были настолько малы, что вряд бы их доцент заметил на слабо освещённом месте, даже если бы они шли за ним след в след.

Глава 53 Юра арестован

Куда исчез Пал Палыч, Юра не знал, он вернулся в «Спутник», а Пал Палыча и след простыл, не было рядом с клубом и тех девочек, что к нему приходили, досадно. И тут Юра вспомнил из разговора ребят адрес. «Лермонтова, 9 А». Что это за адрес? Понятно, что этот адрес они узнали у Мухаева и даже лимонадом его угостили. Надобно этот адресочек проверить. «Это - ниточка, – подумал он, – за неё надо ухватиться».

Когда Юра приехал по адресу «Лермонтова, 9А», то уже смеркалось. Неожиданно увидел Пал Палыча. Он шёл вдоль кирпичного забора и к чему-то присматривался. «Подожду около калитки», – подумал Юра и, схоронившись за толстое дерево, стал ждать. Было ясно, что Пал Палыч сюда приехал не случайно. Он приехал точно по адресу и этот адрес ему известен. «Или о нём узнал совсем недавно?», – подумал он. В любом случае, пока Митин был в клубе, педагог не выказывал никакого беспокойства, значит в то время он ещё адреса не знал. Не выказывал, не выказывал беспокойства, и вдруг раз – и здесь. Загадка. Раз он здесь – значит дело срочное и архиважное. Мог бы посоветоваться хотя бы с Марией Васильевной – не стал, значит, не уверен в правоте дела, решил сам проверить, такая версия вернее. Откуда Пал Палыч узнал адрес? То-

же загадка. Версий две. Первая – сообщили по телефону, вторая – узнал от этих девчушек. Девочки убежали следом за Юрой. Почему так быстро? Всё очень просто – сообщили и убежали. После чего Пал Палыч собрался и поехал именно сюда. Что-то долго он не появляется из-за угла? В калитку он войти не мог, она в поле зрения; значит учитель за углом. «А я чего здесь делаю?», – задал сам себе вопрос Юра. «В общем – то, ничего, – сказал он сам себе, – получается, я Пал Палыча выслеживаю, хотя и встретился с ним, можно сказать, случайно; Пал Палыч ищет мальчишек, а они кого ищут или выслеживают? Ерунда получается». Надо наблюдать, может что и нарисуеться? Юра прислонился спиной к дереву и стал ждать. Ждал достаточно долго. Пал Палыч около калитки не появлялся. Не видел Юра, что происходило и за забором. Видел только, как в ворота вкатился чёрный «шевроле». После чего из ворот уже выехали два автомобиля, оба с тонированными стёклами. Кто был в этих машинах? Куда уехали?.. Было совершенно не понятно. Важно было другое, что ребята на пруду говорили об этом доме, они сюда поехали и исчезли. Сюда поехал и Пал Палыч и тоже вроде как сквозь землю провалился. Правда, это только догадки. Если звонить Марии Васильевне, то, что он ей скажет, кроме досужих домыслов. Из многих особняков в городе выезжают иностранные респектабельные машины, ну

и что? Звонить без проверки никак нельзя и Юра решил обойти забор. Он зашёл за угол, но Пал Палыча там не было, дошёл до толстого ветвистого дерева около забора, увидел, что на дерево совсем недавно залазили – шматок грязи висел на травинке, застрявшей в трещине сучка. Перелазил, понятно, Пал Палыч, травинка ещё не успела высохнуть. На висящем куске грязный отпечаток Пал Палычевых кроссовок, этот отпечаток он видел у клуба.

Юра решил перелезть через забор. «Хорошо, что в гражданке, – подумал он, – в глаза никому не брошусь. А если что-то серьёзное, то сразу позволю». Юра предусмотрительно набрал на мобильнике СМС-сообщение «Лермонтова, 9а. Как договаривались О.Ж.!!! Юра». Осталось только нажать на кнопку и спасительная СМС улетит по назначению. Удобнее места, где перелезали братья и Пал Палыч было не сыскать. Правда, Юра не пользовался верёвкой как Пал Палыч. На физических занятиях в школе и в институте он на брусках и перекладине делал чудеса. В любом случае подтянуться раз пятьдесят на перекладине и столько же отжаться на брусках ему ничего не стоило.

Юра подошёл к забору, подпрыгнул и уже хотел подтянуться, выйти на флажок и перекинуть ногу, как кто-то его схватил за брюки и потянул вниз, Юра потерял равновесие и упал на спину. Каково же было его удивление, что со стены его бадиком

стянула древняя старушка в очках-линзах.

– Што за привышка лазить шерез жаборы! – гневно прошамкала бабуля. – То какие-то два пашана перелезли, то пожилой гошподин, то чеперь вы! Куда же это годитша. А ешо в газетах пишут, што частная шобштвенность швященна. Какая же она швященная, када вы весь забор шапожищами издрызгали. Вот ждам шаш тебя, милок, в милицию, там на тебя шаштавят акт и будешь ты этот забор, милок, крашить....

– Так я сам из милиции, – проговорил Юра, и, достав удостоверение, показал его бабульке. Бабулька же недолго думая, схватила заскорузлыми пальцами из рук Юры удостоверение и сунула его себе в карман юбки.

– Ничего, голубок,... рашберутша... – прокомментировала она свои действия. – Если ты взаправдашний милиционер – от чебя не убудет, а ешли оборотень в погонах, охотящийся за шужим добром, тогда не пошдорвится.

В самом деле, ситуация была патовая. Отбирать у бабки назад удостоверение – это визг, потом не будет же он заламывать ей руки и шарить в её юбке, выискивая свои корочки, смех да и только. От этой бабульки он узнал очень важные сведения. Оказывается, через этот забор перелезли два мальчишки и Пал Палыч. Эта информация была для Юры очень ценная, можно уже было не лезть через за-

бор, а звонить Марии Васильевне и обрисовывать ситуацию.

В этот момент мимо по дороге проезжала милицейская машина, бабка, увидев милицейскую машину, начала кричать: – «Оборошня в погонах иж-ловила, ратуйте, люди!!!» Канареечной расцветки Волга остановилась. Из неё вышли два незнакомых Юре милиционера и Митина втиснули на заднее сиденье машины. Юра пытался что-то сказать, но его никто не слушал. Сдали Юру дежурившему капитану, который на все Юрины возражения по его задержанию говорил: «Разберёмся», но разбираться он явно не очень спешил. Дежурный потребовал от Юры удостоверение, но его у Юры не было, так как он находился в тайном кармане бабкиной юбки, которую никто не задержал. «Всё пропало, – подумал Юра, – это же провал операции с непредсказуемыми последствиями, где возможно на карту поставлена даже жизнь людей.

Допрашивал его медлительный капитан по фамилии Канивец. Говорил он часть слов на малороссийском наречии, а часть по-русски, при этом капитан почему-то в словах налегал на «о». Капитан куда не спешил.

– Да позвоните вы в отделение, узнайте у Марии Васильевны!! – нетерпеливо говорил Юра.

– А ты, не торопись, везде позвонимо и всё узнаемо. Ты сам поймы – докумэнта у тэбя нима, аре-

стовалы тэбя во время разбойного нападения на чужую собственность, когда ты перелазыл через забор дома, это факт. А факты вещь упрямая... Так шо не торопысь. Мы понимаемо, шо ты сейчас сзбе ищешь заступников, ничего не выйдэ, твоя карта быта. Ты знаешь тех, кто живёт в этом особняке?

– Откуда мне знать!!

– Вот бачишь, а на твоём телефончыке этот адрес в СМС сообщении значится, да ещё пысьмо непонятного содэржания, но с большим намёком о имеющымся подэльнике. Так шо, милок, ты попал по-крупному. Телефончык твой – это вещдок, – и капитан кивнул на лежащий на столе Юрин мобильный телефон.

– О каком, таком подельнике вы говорите?! – спросил Юра.

– Кто цэ такой «О. Ж.»? Кто цэ? обьясны: Олэг или Ольга?

– Это у нас с начальницей условный сигнал... – выпалил Юра.

– Так и запышымо: «Задержанный признал, шо в СМС сообщении зашифрован условный сигнал...»

– Да что вы ерундой занимаетесь! – вскричал Юра.

– А ты не дэрзи. Твоё дило сейчас сыдеть и показания давать, – остановил Митина Канивец.

Вошёл ещё один милиционер, видно помощник Каневца, спросил как дела?

– Так вот, допрашиваемо, – ответил капитан и кивнул на Юру.

В окно было видно, как к участку подрулил милицейский Уаз и встал под фонарём, как раз напротив окна комнаты в которой допрашивали Юру. Из автомобиля быстро вылез сержант и, чертыхаясь, стал откручивать переднее колесо.

– Шо, Вано, – опять гвоздя словимо? – прокричал капитан в окно. – И опять скажешь: «помоги, Фёдор Иваныч!», так?

– Ну, придержи чуть-чуть по старой дружбе, – проговорил сержант. Сержанта звали Иваном и только один капитан Канивец его звал на грузинский манер – Вано, хотя в облике сержанта не было ни одной чёрточки которая бы указывала на его грузинское происхождение.

Канивец встал из-за стола, вышел на улицу, посмотрел на спущенное колесо, помотал головой и ухватился за бампер. Юре было хорошо видно, как капитан, поднатужившись, поднял правую часть передней подвески, а сержант быстро и ловко одел на ступицу запаску.

«Экая силища», – подумал Юра и с уважением посмотрел на широкую спину Каневца.

– Спасибо, – сказал весело сержант, – вечный ваш должник, – и, взяв из машины папку с бумагами, заспешил в отделение.

– Пожалуйста, – буркнул капитан вслед, – с тебя

причитается, только как старший по званию, хочу спросить, когда домкратом обзаведёшься? А то «Фёдор Иваныч..., да Фёдор Иваныч», нашёл подъёмный кран. Ты бы лучше мотор у коня заглушил.

– Стартер барахлит, – сказал сержант с порога, – лишний раз не заведёшь, а я на минутку, – и скрылся в дверях. Понятно, что он появится не через минутку. Через минуту в дежурку снова вошёл капитан Канивец. Его помощник сразу вышел, а Канивец стал не торопясь задавать Юре вопросы, тщательно записывая показания.

– Зовут тебя як? – обратился он к Юре.

– Юрием меня зовут... Юра, фамилия – Митин...

– Фамилию я у тебя пока не спрашиваемо, поэтому не спешимо.

– Как же не спешить, я же вам говорю, что там возможно над людьми опасность нависла...

– Все так гутарят, – размеренно проговорил капитан, – ещё к этому добавь, шо жена рожае или утюг дома забыв выключить,... это самые расхожие оправдания.

– Не забыл, не забыл я утюг выключить, – нервно сказал Юра, – и жены у меня пока нет...

– Так и запишимо, – прокомментировал Канивец, – не женат... Да пойми ты меня, хлопче. Я же и рад тебя отпустить, да все улики против тебя, и с виду ты вроде не бандюган, но надо разобраться.

И в этот момент, когда Юра один на один бесе-

довал с капитаном, в помещение прошмыгнула рыженькая собачонка, и со стола, где пишут посетители заявления, схватила и понесла авторучку. Капитан тут же забыл об арестованном и устремился за собачонкой.

– Сейчас я изловлю эту стервозу, – проговорил он, широко расставляя руки и ноги, – все ручки перетаскала, – но собачонка, каждый раз, когда над ней нависала угроза быть пойманной, ловко проскальзывала у капитана между ног, и всё начиналось сначала. Капитан вытирал пот и говорил:

– Рыжик... рыжик... рыжик, куть..., куть..., куть, как тебя там... Я тебя сейчас, пацан, поймаемо, ой поймаемо... Вот пацанва развелась четвероногая...

Собачка, почти загнанная в угол, вдруг проскользнула между ног капитана и, пробежав между Юрой и стенкой, спряталась под столом. Канивец, увидев под столом собачонку, как бы оправдываясь сказал:

– Бестия, уже пятую ручку ворует, и привязывал, так, на тебе, верёвочку перекусывае. – Он хотел было взять собачонку за ошейник, но та юркнула под стул, проскочила мимо Юры и опять очутилась в недосягаемой зоне. Капитан, тихонько выругавшись, начал маневр сначала.

Юра понял, что это будет продолжаться долго, и когда собака в очередной раз обманула Каневца и спряталась под стул, а капитан всей массой стал на

неё надвигаться, Юра потихоньку встал и вышел в вестибюль. В это время капитан видно поймал собачонку, потому что послышалось собачье скуление и раздался радостный возглас капитана:

– Я же тэбе гутарил, шо поймаемо... гутарил!

Юра слышал как из другой комнаты вышел кто-то, видно старше чином, и спросил о том, разобрался ли Канивец с задержанным?

– Так точно, такие як он, кроме как ручки утаскивати, ничего не могут. Я эту породу знаю. Тэперь спровадил куда следуе. Пацанва грызучая.

– Что решили?

– Дать по шее и выпроводить.

– По шее, только виртуально, это ты правильно сказал, серьёзных дел невпроворот, – послышалось в ответ, – только акт надо было всё равно составить.

– Та, какой акт, какой акт? Пацанва грызучая, – проговорил дежурный и вдруг увидел, что в помещении нет Юры. – Ушёл... – выдохнул Канивец и тяжело и медленно опустился на стул, такого у него за службу ещё не было. Капитан сидел недвижно. В комнате было пусто, одна рыженькая псина сидела в уголке и аккуратно догрызала казённую самописку.

– Ну шо ты их таскае, – увещательно сказал Канивец, – шо тебе они плохого сдилали? Люди доносы, кляузы, прошения ими всякие пишут, а ты их ворую и грызэш. И вот тебя разнимаемо, вот раз-

нимаемо...? И кто тебе эту мысль в голову твою мохнатую вложил?

Услышав воспитательную речь Каневца, Юра потихоньку вышел из вестибюля, подошёл к Уазу, сел за руль, снял с ручника, скатил его с горки и, вырулив на дорогу, дал газ.

.....

Юра ехал на свалку. Он и так очень сильно опоздал, на улице было уже довольно темно. В милиции видно ни капитан, ни сержант ещё не забили тревогу об угоне машины. Сидя за рулём, Юра о своём задержании не думал, он гнал милицейский Уаз на Алтынную гору. Именно туда по его интуиции и могли увезти ребят и учителя на тех двух машинах, что выехали из ворот.

Около КПП ГИБДД небольшой затор, фура, разворачиваясь, перегородила проезжую часть. Два инспектора с жезлами в руках бегают около грузовика, подавая знаки подъезжающим к фуре водителям. Юра сразу оценил обстановку, «надо проехать, как можно ближе к КПП и он с визгом и писком тормозных накладок и шин этот маневр совершил и, промчавшись рядом с инспектором дорожного движения, выправил машину и погнал её на Алтынную гору.

– Инспектор! – крикнул из кабины милиционеру, водитель Краза, что стоял ближе всех к раскорячившейся фуре, – нарушаем! – и кивнул вслед уда-

лявшемся Уазу. На что инспектор ничего не ответил, а сказал подошедшему напарнику:

– Что у этого Емелина, как стемнеет, куриная слепота нападает, чуть меня не задел, да и перед водителями неудобно.

– Может быть не он? – заметил напарник.

– Я его машину как облупленную знаю.

– Тогда, что ему за шлея под хвост попала? – спросил напарник.

– На всякий случай звякни в отдел, поинтересуйся, кто Ваньке хвоста накрутил?

– Думаю, что отдел тут не при чём, это, наверное, его благоверная с ним поцапалась. Он когда с ней поцапается, всегда такой бешеный. Ладно, давай эту корову с дороги убирать, – он кивнул на фуру, и милиционеры разошлись.

Глава 54. Пожар

«Рукопись, рукопись, рукопись...» – стучало в мозгах у Эдуарда Аркадьевича, когда он вошёл в хибарку профессора. – Её надо обязательно найти. Что там мог написать выживший из ума старик?». Эдуард Аркадьевич не любил этих, как он считал, выживших из ума правдолюбов. Его озлобляла их упёртость в следовании давно истлевшим правилам. Забродин считал, что всё в жизни меняется и ничего не может оставаться неизменным, и правила

игры тоже. Даже дикие животные, приспособляясь к быстротечному миру, в эпоху научно-технической революции всё чаще, и чаще, входят в контакт с людьми, подавляют собственные инстинкты, приспособливаются. И если б не упёртость Позолотина, то и Забродин не преступал бы никакой черты.

– Вот и она... – сказал, буд-то выдохнул Забродин, увидев очертания ветхого жилища.

Войдя в хибару, Эдуард Аркадьевич, подсвечивая мобильником, начал искать рукопись. Полетели под ноги Позолотинские книги, эскизы Крокыча, подшивки газет, но рукописи среди них не было. Сбрасывая на пол мешавшие ему вещи, шаря во всех укромных местах, доцент повторял одни и те же слова: «Дерьмо,... дерьмо,... дерьмо, всё дерьмо,... подлые свиньи,... поганый крысятник,... гнилая сараюшка».

«Нет, так не найти, – мелькнуло у него в голове, – так не найти,... это – конец... Всё... всё спалить!!! Где моя газовая зажигалка, животные в человеческом обличье?.. Ага, кажется, нашёл,... вот она».

Злорадная ухмылка скользнула по лицу доцента; раздался щелчок, вспыхнул голубоватый огонёк.

«Так-то оно будет лучше,... – говорил Эдуард Аркадьевич. – Нет ни Позолотина, ни поганой его рукописи... всё одним махом. Вот она великая очистительная сила огня! К чёрту эту хибарку! К чёрту

рукопись!». Забродин поднёс огонёк зажигалки к стопке старых пожелтевших газет. Огонь тут же набросился на сухие как порох газетные листы. Отсветы красновато-жёлтого пламени, начинающего пожирать старые газеты, играли на напряжённых скулах доцента.

«Вот так... – думал он, смотря как языки пламени лижут дощатые стены жилища, обклеенные журнальными листами с картинками. – Нет и не было ничего. Так и должно быть... Так всегда было и так всегда будет в этом подлунном мире и не он, Забродин, – первый и не он, Позолотин, – последний.

.....

– Смотри, окно засветилось в хибарке, – сказал Свистопляс и толкнул Гуделку.

– Доцент рукопись ищет, – пояснил Гуделка.

– Зачем-то факел зажгёт?

– Чтоб светлее было, – пояснил Гуделка.

– Смотри, он тычет факелом во все углы хибарки, – и Свистопляс схватил Гуделку за руку. – Что он делает!? – удивлённо воскликнул Свистопляс.

– Он не нашёл рукопись профессора и потому решил сжечь жилище, надеясь, что вместе с ним сгорит и рукопись... – ответил Гуделка. – А мы-то думали, что он её будет куда-то прятать.

Через несколько минут хибарка была объята пламенем, а доцент всё из неё не выходил. Он про-

должал ходить по жилищу, пытаясь зажечь в нём всё, что имеет способность гореть.

Эдуард Аркадьевич видел, что стены уже загорелись, пламя охватило потолок, но он ещё медлил уходить. Он тыкал и тыкал факелом, проговаривая: «Чёртов бомжатник, проклятая рукопись, поганая свалка,... пусть всё сгорит, всё...».

Огонь, охвативший строение, ещё более усиливал нервическое состояние доцента, притупляя инстинкт самосохранения.

– На тебе,... на тебе... – приговаривал он, тыча факелом в потолок, в картонную обивку двери. – Пусть всё сгорит,... всё...

.....

И тут Гуделка и Свистопляс испугались ещё раз. Они увидели как к горящей хибарке двумя огромными прыжками подскакал страшный клыкастый с длинной шерстью, большой гривой и горящими глазами зверь. Он остановился от неё на расстоянии одного прыжка и наострил уши. Огромный зверь втянул в себя воздух и, видимо, не почуял того, что должен был учуять, или пепел от горящего строения забивал его нос, только он стоял, не шелохнувшись, глядя то на горящую хибарку, то на вагончик, то на чёрные автомобили. Казалось, что он чего-то ищет, но огонь, дым и пепел мешают ему учуять необходимое. Казалось даже, что он не обращает никакого внимания на горящее строение и просто че-

го-то ждёт.

Немного погода на пороге хибарки появился Забродин. Он улыбался. На его закопченном лице резко выделялись два ряда ослепительно белых зубов, пиджак на нём дымился, а в глазах было торжество. В его руках горело два бумажных факела. Эдуард Аркадьевич остановился, посмотрел на объятую внутри пламенем хибарку, на поблёскивающие вдалеке у ворот иномарки, на похожего на сфинкса зверя, затем, закинул голову, посмотрел на небо и, широко открыв рот, издал в его иссяннчёрную пустоту гортанный победный клич. Он пребывал в неописуемом восторге. И этот нечеловеческий восторг пленил Забродина, отнял у него волю и самообладание. В этом восторге чувствовалась неземная сила, торжество и упоение сделанным.

Эдуард Аркадьевич бросил огарки факелов на землю и сделал шаг в сторону ворот, но тут же на его пути вырос громадный зверь; он шагнул в другую сторону и снова зверь встал у него на пути; в третью – повторилось тоже самое. Оставалось четвёртое направление – дверь горячей хибарки.

Забродин повернулся, посмотрел в открытую дверь строения. Внутри помещения пламя уже съело газетную и журнальную обклейку противоположной стены, освободив в ней нишу с позолотинской рукописью. Дрожь прошла по телу Эдуарда Аркадьевича. «Это она», – подумал он, и эта мысль

как стрела пронзила его с головы до пят.

– Это она, – выдохнул он. – Вот провидческая справедливость! Вот взмах её огненных крыл! Рукопись надо непременно взять и посмотреть, – и он, пригнувшись, шагнул в горящее жилище. Дым застилал глаза, от жара потрескивали на голове волосы...

– Она! Она! Она!.. Как же я её раньше не увидел. Ещё не поздно... я успею. Её обязательно надо посмотреть... – повторял Эдуард Аркадьевич, прикрывая лицо от дыма и жара. Он схватил тлеющие листы и стал в них жадно всматриваться. Да, это были листы, исписанные рукой учёного, это Позолотинский почерк, эти ссылки и сноски, всё говорит о научной работе. И тут Эдуард Аркадьевич, выхватив из ниши листы рукописи, пустился с ними в пляс. Он плясал в охваченным огнём помещении и не мог остановиться. Он смеялся и, вытаскивая из ниши всё новые и новые листы, бросал их туда, где огонь горел сильнее всего. Злая радость блуждала у него на лице. – Ничего не надо спасать... ничего-о-о... – повторял он, глядя то на горящие листы, то в проём двери, напротив которого, на фоне чернеющего пространства горели оранжевым светом большие, с чайную чашку, глаза неведомого существа.

Через некоторое время огонь изнутри хибарки выплеснулся наружу, заплясал по крыше, занимая всё большее и большее пространство.

После того, как рухнула кровля строения, и в небо взвился большой клубок искр, зверь встал, повернулся и, сделав два огромных прыжка, исчез в темноте.

Гуделка и Свистопляс ничего не поняли, страх овладел ими. Они бежали прочь от этого страшного места, не оглядываясь и не останавливаясь. Они не заметили, как добежали до бочки, за которой совсем недавно сидели, и снова за неё спрятались.

– Погиб наш Эдуард Аркадьевич, – сказал Сима, подходя к машине директора и обращаясь к Фоме Фомичу.

– Как? – нервно произнёс директор, – испугавшись больше неожиданности произошедшего нежели чувствуя жалость к погибшему.

– Перенапрягся и сгорел вместе с хибаркой...

– Зря старался, бедолага, – не смотря на Симу и постукивая пальцами по рулю, проронил Фома Фомич. – Впрочем, огонь всех примирил. А говорят ещё, что рукописи не горят, дурачье... Горят вместе со своими создателями, почитателями и противниками... Можно сказать – Эдуард Аркадьевич сгорел на научной работе, – и саркастическая усмешка пробежала по его лицу. Фома Фомич не торопился. Он решил сам проследить за действиями подчинённого и всё довести до конца.

– Пламя очень большое, как бы кто чего не заподозрил? – сказал Сима.

– Все знают, что здесь свалка, а на свалке всегда чего-нибудь жгут, – спокойно, не поворачивая головы, проговорил Фома Фомич. – Пусть догорает.

– А с ними что делать? – Сима кивнул он на стоящих на земле Крокыча и Позолотина.

– Сам знаешь! – отрезал Фома Фомич. – Кстати, спихни бульдозером бомжацкий курятник тоже в овраг, пусть там догорает, меньше вопросов.

Сима отошёл от Фомы Фомича, взял профессора за ногу и, не обращая внимания на его стоны, потащил к обрыву, куда сталкивали мусор. Там уже лежали связанные мальчишки, дворник и Пал Палыч, он их туда оттащил раньше. То же самое он проделал с Крокычем и Позолотиным, затем, подумав, открыл рядом стоящий контейнер, вытащил из него лопаты, вилы и грабли, ломом свалил контейнер на заднюю стенку, и стал укладывать в него ещё живые тела.

Сима не торопился. Спешить было некуда. Впереди была целая ночь и за эту ночь он успеет сделать всё. В это всё входило: завести трактор, на это не потребуется много времени, столкнуть бульдозером контейнер под обрыв, а затем туда же отправить кучи мусора от сломанного дома. Затем – всё хорошенько примять, чтоб из-под слоя мусора и

земли не просочился ни один вздох или стон.

Красноватые отблески пламени, пожирающие всё, что осталось от хибарки, немного освещали и то место, где Сима решил захоронить жертвы. Языки пламени плясали над хибаркой в диком оранжевом танце, выхватывая из темноты опушку леса, противоположный обрыв оврага, отдыхающую технику и железобетонный забор. Они играли и на напряжённом лице Симы, решившем использовать контейнер, как своеобразный гроб для страдальцев. «Нельзя же так без гроба, – думал он, – всё же люди, человеки».

– Вот тебе и Муму, – проговорил он, втискивая профессора в контейнер, – Всё только моими руками, – ворчал он. – Воң сараюшку сожгли, людей покалечили, – а ты, Сима, хорони и живых, и мёртвых... Везде Сима. Когда я перестану всем быть должен? «А если всех одним махом, если и директора к ним же и всех одним разом,... и Сима будет совсем свободен и совсем независим, а?..» – подумал он». От таких мыслей Сима даже остановился, и тут же испугался их, потому что подумать такое он не мог даже в кошмарном сне. «Этак и до помешательства недалеко», – пришло ему в голову и он стал торопясь делать то, что ему приказал Фома Фомич.

Он сложил обречённых на смерть в контейнер, закрыл дверные створки и даже запер контейнер на

замок. Для чего запер, он не знал, больше сделал это машинально, как привык запира́ть в этом контейнере свои лопаты, грабли и прочий нужный ему инструмент.

– Я вас не убивал, мужики,... – проговорил он натужно, – я вас только хороню. А хоронить, это не убивать, – говорил он то ли обречённым, что находились в контейнере, то ли самому себе в качестве хоть какого-то оправдания своих действий. – Вот такое Му-му, мужики. Му-му было проще.

После того как контейнер был заперт, Сима пошёл к бульдозеру и в это время, опять неизвестно откуда взявшийся, пудель, рыча, схватил его за штанину.

– Опять ты, – замахаясь на пуделя, проговорил Сима. Но пудель не давал ему прохода. Он заклёбывался в гневном лае. Наконец Сима, изловчившись, ударил его ногой и тот, взвизгнув, отлетел в сторону. В это время Сима залез в кабину трактора, завёл мотор, включил передачу и, опустив нож, направил машину к контейнеру. В свете горячей хибарки было видно, как напряжено лицо Симы. В этот момент он ненавидел весь мир: ненавидел директора, которого тоже вместе с его «шевроле» готов был закопать в этом мусоре, ненавидел профессора с его сказками о иных цивилизациях, ненавидел самого себя, услужливо делающего мерзкую работу. На какие-то мгновения он вспомнил себя

прежним бездомным попрошайкой и понял, как он низко пал по сравнению с тем самым собой, униженным, но таким свободным. Слезы катились у него по щекам, это были слёзы жалости и неприязни к самому себе. Сима, сидя в кабине, оплакивал самого себя и свою идущую вкривь и вкось жизнь. Да, он ненавидел себя, но ещё больше он ненавидел этих людей в контейнере, праведных и чистых, и потому он сначала закопает их, а потом закопает себя, потому что так жить больше нельзя. Потому что все здесь ищут игрушку, а на него, Симу, всем под этими звёздами наплевать, устраивай, Сима, свою жизнь как хочешь, твои проблемы, но если ты оступишься, то мы тебя посадим или закопаем. Закапывать, конечно, будем не мы, но найдутся десятки таких Сим, которые послушно и услужливо сделают эту работу.

Сима до боли в пальцах сжал тракторные рычаги и всё двигал бульдозером контейнер к обрыву, а на контейнере, прыгая, злобно лаял белый пудель.

Трактор столкнул в овраг контейнер. После чего следом Сима ножом столкнул на него под обрыв и кучу мусора. Да, того самого мусора, который остался от дома на Большой Горной улице. После этого трактор, клящая железными башмаками гусениц, подъехал к догорающей хибарке и лёгким движением блестящего ножа, в котором отразилось пламя, столкнул остатки догорающих стен в овраг.

Глава 55. Отрезвление

– Видел, – толкнул Муха Пегаса в бок, когда они перебрались на новое место.

– Вижу, не слепой, – через силу проговорил Пегас. – Вот мразь. И как таких земля держит. И он уткнулся лицом в бетонную плиту забора.

– Зря всё это, пошли скорее отсюда. Одни мы ничего не сделаем, они и нас кончат, – дрожащим голосом проговорил Муха.

– Действовать надо, ... действовать, – и Пегас в отчаянье стукнул кулаком по бетонной плите.

– Ты что, решил чего?

– В город надо, ... сообщить надо...

– А может, Пега, уйдём потихоньку, нас никто не видел и мы никого, ... а?

– А Костян с Антохой должны в контейнере гнить? – зло проговорил Пегас.

– Мы всё равно ничего не сделаем, – убеждал Муха. – Свидетелей сам знаешь, убирают, а у Симы ружьё есть, сам говорил, не убежишь, а у этого жирненького может быть и пистолет имеется. Сам подумай, только быстрее думай, неровен час и нас обнаружат.

– Всё верно, Муха, ... в милицию надо сообщить. Давай на шоссе, может, кто до города подбросит.

– Давай, – и они, скользнув вдоль стены, незаметно пролезли через собачий лаз, по которому не-

давно прошли на территорию свалки Гуделка и Свистопляс, вышли на шоссе и стали голосовать, но машины, как назло, не останавливались.

– Давай, Муха, бегом через лес, быстрее будет, – и они побежали в сторону леса и города.

Муха не поспевал за Пегасом и всё время просил его идти потише, но Пегас не сбавлял темпа. Леонид живо представлял, каково там в контейнере под слоем мусора. «И на много ли там хватит воздуха для шести человек», – думал он, хотя не был абсолютно уверен, что все из них живы. Из тех, на кого доцент машиной наехал, вряд ли. Потом, он видел как их Сима тащил за ногу к обрыву.

Муха в темноте едва различал впереди себя спину Пеги. Он, пыхтя, двигался следом за этой спиной, боясь отстать, а Пегас всё убыстрял и убыстрял шаги и Муха видел, что он всё больше и больше отстаёт. Муха был недоволен собой – «надо было тащиться сюда сегодня? – думал он. – Это всё Пега со своими расчётами, вот и рассчитал». Вадик понял, что он в первый раз просчитался в действиях Пегаса и теперь совершенно не знает как ему вести себя дальше. Вместо того, чтобы спрятаться и выждать, Пега вдруг рванул в город, да и не куда-нибудь, а в ментовку, от которой всегда сам шараялся. Светиться Мухе в милиции не хотелось, будут задавать вопросы. А так? Ушли бы потихоньку и всё. Всё равно воздуха им не хватит и никто к ним

на помощь прийти не успеет.

– У тебя что, на лбу прибор ночного видения, что ли? – отпыхиваясь, сказал Муха, настигнув Пегаса у самого леса. Как ты эту дорожку видишь?

– А ты побегай на свалку с моё, тоже прибором ночного видения сделаешься...

– Передохнуть бы. Надо было к шоссе выходить, там идти поспособнее.

– Зато дальше идти,... топай давай!

– Не могу больше в таком темпе,... выдохся, – и Муха опустил на лежащее дерево. Сел рядом и Пегас. Немного помолчали. Молчание прервал Пегас:

– Пошли, давай, не на именинах. – Муха нехотя встал и шагнул за Пегасом в лесную поросль. Жирная липучая темнота обступила ребят со всех сторон. Спереди, с боков, сзади стояли её сумеречные грязные разводы. Лесной воздух, тягучий как берёзовый дёготь, зачавкал в бронхах, проникая всё глубже, в лёгкие. Муха закашлялся, пытаясь справиться с учащённым дыханием, вытер рукавом нос. И куда бы он ни посмотрел – всюду на расстоянии вытянутой руки и чуть далее стояли и скользили слева направо и обратно лохматые таинственные тени.

– Ты, Муха, из-за чего со мною шляешься? – спросил Пегас, не оборачиваясь и ныряя под едва различимые ветви. – Особо старину не любишь.

Интереса я в тебе не вижу. У тебя вся и забота – какую старинную латунную ручку от двери отломить, побыстрому сдать черметчикам, да бутылку лимонада в свой толстущий живот вылить, вот и вся твоя жизненная философия. Философия живота называется.

– Это что, плохо?.. Все так живут, – парировал Мухаев, принаравливая свой мелкий шажок к широкому шагу Пегаса. Получалось, что в одном Лёнином шаге умещалось почти два Мухиных.

– Не все, а многие, – поправил его Лёня, – ты меня к своим всем не причисляй.

– А ты что, из другого теста? – удивился Муха. – Всё тоже самое, только с фасоном...

– Все люди, Муха, из одного теста, у всех кости, а на костях мясо и кожа...

– Ну и что? К чему ты это сказал?

– А то, что тебе этого не понять...

– С каких же это пор ты, Пега, так заговорил?

– А с тех самых пор, как в дом на Большой Горной слазили,... вот с какого, а может быть и минут с десять назад. Мозги хорошо прочищает.

– Небось, после того, как тебя дворник метлой шваркнул, – хихикнул Муха. – Так он же тебя не по голове, а по спине огрел.

Ветка больно хлестнула Вадика по щеке.

– Не ёрничай. Просто с тех пор я задумываться стал...

– А это, Пега, в нашем возрасте опасно... задумываться, – съехидничал Вадик, выставляя для безопасности вперёд руку и предохраняя лицо от неожиданных ударов и касаний.

– Говорю – не скалозубь...

– Вас понял, мин херц,... уже замолчал.

– Так вот, – продолжил Пегас, – я думал раньше, что бизнесом занимаюсь. Бизнес на искусстве. А вообще всё это настоящее воровство. Помнишь наш разговор на чердаке? Я ещё тебе говорил о быте предков?

– Помню... Я тогда ещё отметил, Пега, твой сдвиг по фазе.

– Так вот, Муха. Мы есть самые настоящие воры. Собственную историю крадём и сбывать дяде Сему подороже, мечтаем. А он нам «Ой, ля-ля!» говорит, да по спине хлопает... Чем мы отличаемся от того же доцента или Червонца? Да ничем... Каждый из нас старается нажиться.

Ты вот ручку медную, литую тогда отломил, а за неё, может, императрица держалась?

– Ты, Пега, об императрице пошутил? Да?... – сбился с шага Муха.

– Это я к слову, чтоб пример поярче. Только мне на эти шмотки с сегодняшнего дня стало наплевать.

– Ты, Пега, даёшь... То о крутом велике мечтал, а то раз,... и, на тебе, – в канаву свернул.

– Не в канаву я, Муха, свернул, а наоборот, хочу

из канавы выбраться. Кончились старые мечты. В милицию надо идти и про Симу рассказать.

– А как же игрушки? – встревожился Мухаев, – их же найдут без нас тогда,... сам понимаешь, оприходуют, да ещё взгреют, ты что, об этом забыл?

– А люди, что в контейнере в овраге, помирать должны? – озлился Лёня.

– Нам-то что? – натуженно проговорил Муха. – Я их туда не пихал.

– Ну и гад... Ты не пихал... Так видел же!

– Так что из этого, что видел? Видел, не видел – какая разница.

– За игрушки, за доллары значит труханул?..

– Ничего я не забоялся. Просто у меня идея. У тебя своя идея, а у меня своя...

– Поделись идейкой,... раз образовалась... – иронично сказал Пегас, – неожиданно сбавив темп ходьбы, и Вадик буквально ткнулся ему головой в спину.

– Я сам по себе – вот так? – проговорил Муха, осаживая ход.

– Хороша идея...

– Не хуже твоей. – Парировал Вадик.

– А ты мою идею знаешь?

– Догадываюсь,... не глупый. Сам говорил – «В люди выбиться», там, в Глебучевом овраге,... забыл?

– Ничего я не забыл. Я от этой идеи и сейчас не

отказываюсь. Власть – это большая сила. Только эту силу с умом употреблять надо, тогда польза всем.

– Конечно, сильному во власти всё можно, – вставил Муха, – куда уж мне с бледным задом. Твоя философия шире – грести деньги, так чтоб лопатой, а не ручки на лимонад менять. Ручки – это удел слабых, таких как я. Сильному всё можно. Сильные ручки не тырят; сильные их в слитках вывозят, так что ли, Пегас? Твоя философия... Я ведь тебе говорил, что у меня память особенная, что скажут, того я не забываю.

Пегас на выпад Вадика никак не отреагировал, он просто вдруг остановился и сел на едва различимый ствол полусвалившегося дерева.

– Отдохнём чуток,... дыхалка не работает.

– Чо, молчишь? Сказал бы чего-нибудь, поучил, а то скушно. – Иронично и немного с подколом проговорил Муха. – Очень уж охота нравоучительную речь от сверстника услышать.

Пегас продолжал молчать, а потом вдруг сказал:

– Всё можно, Муха, только подлецу, а я себя таким пока не считаю. Теперь мне власть нужна, чтобы перед мерзавцами не гнуться и этих мерзавцев на место ставить.

– А к власти будешь идти на полусогнутых? Перед менялой на полусогнутых, перед доцентом. Смотри, колени сотрёшь... Без этого ни до одного кресла не долезешь.

– Был на полусогнутых, да весь вышел... Одним словом – у тебя, Вадик, своя дорога, а у меня своя.

– Как это? – опешил Муха. – Ты что меня сейчас, здесь,... бросаешь?

– Никто тебя, дурку вяленую, не бросает, – вставай потопали... Давай,... ходу!

– Так я и так уж задохся.

– Задохся, потому, что смолишь с утра до вечера.

– Сам только вчера чадил?

– Положим – не вчера, это раз. А бросил, потому что дыхалка слабеет.

– Ты смотри, какая самокритичность. Раньше я за тобой, Лёня, этого не замечал. – Пегас не ответил.

Дальше шли молча. Пегас шёл, не оглядываясь, Муха едва за ним попевал.

Глава 56. Драконы и Иванушки

– Всё-таки мы с тобой, Гуделка, трусы и негодяи... – проговорил Свистопляс, после того как с ним стал проходить очередной испуг и они увидели себя снова прячущимися за бочкой.

– Ты так думаешь. – Не спросил, а сказал Гуделка, что бы только не молчать.

– Бегаем с тобой по свалке, как трусливые мыши, да среди мусорных куч прячемся, разве это дело? На чердаке мамушкиного дома у нас в сраже-

ниях всё гладко выходило, победа была всегда за нами, а тут?.. Помнишь, нам мамушка говорила, что надо в правильные игры играть, что, кто в какие игры в детстве играет, тот такой и вырастает?

– Помню, не у одного у тебя память имеется.

– А ты не сердись. Это я к тому говорю, что видимо, мы с тобой, Глиня, в неправильные игры играли, раз всё время как мышинные хвосты за этой тухлой бочкой оказываемся.

– Твоя правда, Свистопляс, – и Гуделка глубоко вздохнул.

– Тогда, Глиня, всё было понарошку, а теперь.... Видишь, Змей Горыныч к оврагу едет, видишь, контейнер в овраг столкнул, к горящему домику направляется.

Друзья из своего укрытия стали наблюдать за действиями дракона.

– Что это? – спросил Гуделка, когда в той стороне, где находилась лачужка приживалов, поднялся к небу сноп искр, а трактор, развернувшись, блеснул стальным ножом.

– Наверное, дракон заваливал свои жертвы, чтобы потом съесть, я его повадки знаю, – ответил кентавр.

– Какие повадки!? Что ты мелешь?! – вскричал раздосадовано Гуделка. – Это обыкновенная машина, которую придумали люди, и тот человек, что сидит в кабине и ею управляет, думаю и есть твой мистический дракон, только в человеческом обличе.

– А так что, разве бывает? – удивился Свисто-
пляс.

– Проснись,... чучело – мучило, ... ты в каком
веке живёшь!? Пора бы уже понять, что вокруг про-
исходит и почему?

– И что же, по-твоему, скажи, происходит, если
ты такой сообразительный и не признаёшь драко-
нов? – спросил Свистопляс.

– А то, что люди делятся на драконов, которые
зарывают живых людей в мусор, и Иванушек, кото-
рые этому сопротивляются. Мамушка же читала
нам сказку про Иванушку. Там всё правильно напи-
сано, только немного иносказательно, понял?!

– Я всё понял! – прокричал Свистопляс. – Са-
дись на меня быстрее.

– Чего ты понял?!

– Я понял, что в контейнере, который столкнул
в овраг и завалил мусором человеческий дракон,
наши друзья,... я знаю, что надо делать.

Глава 57. **Выбор**

Муха сопел и еле тащился, Пега убыстрял шаг.

– Да не гони ты... – взмолился Мухаев, – чего
оглобли раскидал. Обрадовался, что ноги длинные.

– Торопиться надо, – отрезал Пегас.

– Может курнуть?

– И так задохся, а курнёшь – совсем скиснешь...

– Ты что, по правде курить бросил или от балды
сказал?

– Ничего не от балды.

– Родаки что ли на хвост сели?

– Причём здесь они. Пора самому думать. Начинали курить глупенькими, думали быстрее повзрослеть – не получилось.

– А что получилось?

Пегас промолчал.

– Знаешь, Муха, – начал Пегас спокойно и как-то задумчиво, – в жизни оказывается бывает такое, когда ни на кого не сошлѣшься. Вот ты – и напротив твоя совесть. Она смотрит на тебя и ждѣт,... ждѣт твоего поступка. И от тебя зависит, улыбнѣтся она тебе или отвернѣтся, закроет лицо руками и заплачет. Эти моменты человека на всё по-другому смотреть заставляют. Сейчас человек такой, а через час уже он совсем другой. Совсем,... совсем,... понимаешь... Не знаю, как это получается, но другой. – Пегас глубоко вздохнул и закончил. – Тебе вот игрушки дороги, ты на них разбогатеть хочешь. А ведь ты на крови разбогатеть хочешь.

– Я никого не убил, – буркнул Вадик. – И не надо на меня волну гнать. Я никого машиной не давил и бульдозером не закапывал.

– Правильно, не закапывал, может быть даже и в глубине души против этого, но смиряешься,... разве не так? И действия свои, и малодушие потихоньку оправдываешь, причины ищешь. Только ты не подумай, что я о тебе говорю,... я о себе сейчас говорю,... только вчерашнем; *мысли вслух* называется.

– Смиряюсь, не смиряюсь – какая разница. –

Сказал Муха неожиданно зло и резко. – А ты, что хочешь, чтобы я игрушку нашёл, продал и на вырученные деньги в честь погребённых церковь построил? Да?

– Думаю, Муха, в эту церковь люди молиться ходить не будут, какой бы ты её красивой не сделал, хоть сусальным золотом все купола покрой. От совести откупиться нельзя. Замолить грехи можно, а вот откупиться нельзя. Перед ней и оправдаться ничем нельзя...

Пегас замолчал. И если б не темнота, можно было увидеть, как от напряжения ходят на его скулах желваки.

– Об этом, будут в эту церковь люди ходить или не будут, не тебе, Лёничка, судить.

– А кому?

– Ты, как я понимаю, уже на игрушках разбогатеть не хочешь? – съязвил Муха.

– Может быть и хочу, но только не такой ценой и не таким способом. Я или ты – на них заработать думаем, а люди за них... – он замолчал, потом проговорил натужено. – А их в контейнер и в землю.

– Так уж и скажи, что с Костяном решил задружиться. – Муха остановился, обирая со штанины колючки. Он понял, что сказал лишнее.

– Ладно, потопали быстрее, каждая минута дорога. – Пегас нырнул в кусты. Они углубились в высокий дубовый лес. Стало темнее. Пегас чуть различимый шёл впереди. Прошло минут пять, и вдруг Муха услышал впереди себя слабый вскрик Пегаса.

– Пега, ты где? – испуганно спросил он, всматриваясь в темноту и не видя дружка.

До Мухи донеслись стоны. Он сделал три четыре шага в направление доносящихся стонов и едва различил провалившегося в какую-то яму Пегаса.

– Я сейчас, Пега, помогу, – засуетился Муха, и стал тащить Пегаса за руку. – Как ты в неё угодил?

– Просто. Шагнул вроде неловко и всё, ни черта ведь не видно. Тяни, давай.

– Я тяну.

Наконец Пегас выкарабкался из ямы, сел.

– Нога... вот чёрт, угораздило, на ногу встать не могу. Сломал, наверное, – проговорил вымученным голосом Пегас.

– Ещё этого не хватало, – с тревогой в голосе сказал Муха, ощупывая ногу Пегаса.

– А что за яма, – спросил Пегас, – возьми спички, посвети.

Мальчишки, подсвечивая спичками, стали смотреть в яму.

– Глубокая, – сказал Муха.

– Это не яма, а разлом. – Уточнил Пегас. – Овраг рядом, круча, вот земля и отошла. В яме какая-то коробка видна.

– Что за коробка?

– Откуда я знаю. Посмотреть надо. Давай спускайся, я подержу.

– Всегда я..., как что – так Муха. Муха туда,... Муха сюда...

– Тебе что, спуститься и посмотреть трудно!? Я б

тебя и не просил, если бы ногу не повредил.

– Мне не трудно, – и Муха стал спускаться в яму. Достал коробок и подал Пегасу.

– Повыше чуть-чуть подними, не дотянусь, – проговорил Пегас, стараясь ухватить коробку за край.

– Неудобная, – пыхтел Муха.

– Давай, Мухка, ещё чуть-чуть. Вот так. Готово,... всё, вылезай.

– Что скажешь? – спросил Муха, когда коробок очутился у Пегаса в руках.

– Сейчас посмотрим. – Пегас посветил спичками и от удивления присвистнул.

– Чего там? – с интересом спросил, вылезая из ямы, Мухаев.

– Ничего, вылезай, давай, – и, стоя на коленях, подал Мухе руку.

Тот вылез и посмотрел в короб. На его дне желтоватый луч света высветил аккуратно уложенные глиняные игрушки.

– Ну что, Муха, скажешь?.. Это не те же самые, что Оглобля нашёл?

– Нет, те другие были, хотя похожие, и коробок другой. Там в белую коробку сложили и Симе отнесли, а тут цветная. Они вон даже бумагой переложены.

– Наблюдательный, – сказал Пегас хмуро.

– Я чё,... одну от другой коробки не отличу? Да и игрушки там другие были. Здесь верблюды есть, а там не было. Не те это, другие.

– Это и есть настоящая игрушка, – сказал Пегас, – а та – кукла.

– А как же ты на те говорил, что чистенькая и не разбросанная?.. А эти вон как упакованы, а говоришь, что настоящая? Не пойму я тебя.

– Фонит от коробочки, вот чего скажу...

– Фонит!?! – удивился Мухаев.

– Фонит, фонит. А чистенькая, что с того? Я, Мухан, за свою практику каких только вещей по чердакам, сараям и даже в тайниках не находил. Среди них всякие были: и чистенькие, и грязненькие, и такие, хоть бери и в музей на обозрение ставь.

– Везу-ха... – довольным голосом проговорил Муха. – А что ты об этом думаешь?

– Думаю, бомики эту коробку нашли и в лес отнесли. Вот и вся арифметика, а мы наткнулись. Случайность, она тоже в нашем деле фактор не редкий.

– Мы с тобой за бомжами наблюдали,... никто никуда не отходил, так в кучах и рылись,... а ты и сам видел... Как же это они спроворили?

– Да не отслеживали мы с тобой эту коробку, не отслеживали! – и Пегас резко повернулся к дружку.

– Да, не знаем, как она сюда попала? Ни ты, ни я, ... не знаем и что с того? Потом ты уверен, что все бомжи в мусорных кучах рылись?!

– А что? – спросил Муха.

– Да то, что один из них, так же как и мы, мог спокойно лежать в лопухах и своего часа дожи-

даться, когда дружаны знак подадут?

– Это ты серьёзно?

– Это только предположение, Муха, так, на вскидку. Только нам сейчас анализом некогда заниматься,... потопали. Гениальное всё просто. Нашли – спрятали. Мы-то не в прогаре.

– Надо коробку отнести отсюда в сторону, чтоб бомжи не нашли и спрятать в приметном месте, а днём прийти, – предложил Мухаев.

– Ты прав. – Пегас поднялся, взял в руки коробок и понёс в сторону от тропы, но сделав три шага, вдруг охнул и повалился на землю. Он не мог не только нести коробок, но и идти тоже.

– Коробок здесь оставлять никак нельзя, – проговорил Муха, – вернутся те, кто прятал, и ха-ха. – Он взял Пегаса за руку, помог подняться на одну ногу, затем, обхватил его за туловище и почти на себе потащил за деревья. Оттащил метров десять, вернулся за коробком. Взял, понёс.

Доташил до Пегаса, положил коробок, сел рядом. Спросил:

– Что, больно?

– Чего больно?

– Нога, спрашиваю, болит?

– Нога-то, не знаю,... больше душу чувствую.

– Как это душу? – опешил Вадик.

– А вот так... Мы тут с коробком этим только время зря теряем... Одному тебе надо идти,... одно-

му,... понял, Муха, я не ходок,... людям про свалку сказать надо. Давай, Вадик, давай!

– Да нет,... мы вместе,... как же я тебя брошу? – опешил Муха.

– Наступить, Муха, не могу, болит очень. Не ходок я.

Муха попытался поднять Пегаса, но сил явно не хватало. И тут он наткнулся взглядом на коробок, потом перевёл взгляд на Пегаса.

– Я, Пега, сейчас,... сейчас.. Ты прав,... надо людей позвать,... один не осилю,... я быстро... – Он взял коробок и стал пятиться.

– Коробку-то оставь, сдалась она тебе.

– Я быстро, Пега, быстро. Тут же недалеко трасса... – Вон машины гудят...

Не выпуская коробка из рук, Муха всё дальше и дальше пятился от сидящего на земле Пегаса. Вот он обо что-то споткнулся, упал, поднялся и уже не оглядываясь, побежал. Сначала он бежал быстро, часто спотыкался, путался в траве, потом стал успокаиваться, пошёл тише. Машины гудели слева в стороне, а он всё шёл и шёл прямо по тропе, всматриваясь в густые тени дубового леса и вдруг остановился. – Впереди, шагах в десяти, на уровне его роста он увидел в темноте два ярких оранжевых пятна. «Это глаза», – подумал он. Именно эти два фосфорических пятна с чёрной точкой посередине он видел на свалке, когда смотрел в бинокль. «Это то са-

мое» – подумал Муха и почувствовал, как по спине побежали мурашки. Ему сразу стало холодно, зубы во рту начали выстукивать дробь.

– Это моё... – сказал Муха существу и крепко прижал коробок к груди... – Это моё!! – со злостью и слезами крикнул он светящимся глазам. – Что тебе надо!? Это я достал коробок из ямы! Я-я-я-я... Ты слышишь меня!? Если б не я, то Пегга не полез бы в яму, да он этого и не мог сделать. Ну, ешь меня! Жри!! Пегге не повезло, а мне повезло... Я лазил в яму, я достал игрушки,... они мои!..

Глаза не мигая смотрели на Муху и не двигались. Муха свернул чуть в сторону, желая обойти существо, но не прошёл он и двух десятков шагов, как на его пути снова загорелись два оранжевых пятна. Муха опешил, он ещё раз два сменил направление, но всё было тщетно, оранжевые огни глаз каждый раз вставали на его пути. И тут Муха понял, что невидимое существо разрешает ему идти только в сторону шоссе и никуда больше. И вдруг Мухаев поймал себя на мысли, что за то время, как он отошёл от Пегаса, почему-то ни разу не подумал о погребённых в контейнере людях. Он взвалил коробок на плечо и, осторожно ступая среди деревьев, пошёл на гуд машин.

Впереди серой лентой мелькнуло шоссе. Муха вышел на обочину и стал голосовать проезжающим водителям, но те, как и тогда, у путепровода, не ос-

танавливались. Муха пошёл по обочине в направлении города, продолжая выбрасывать руку проезжающим автомобилям. Муха голосовал всё реже, а затем и вовсе бросил это занятие.

До Алтынной горы, с которой открывался вид на город, было уже не далеко. «Дойду, – думал Вадик. – Без колёс обойдёмся. А может и лучше, что без колёс, лишних вопросов никто задавать не будет – Откуда? Да куда? Да что несёшь?». И тут же поймал себя на мысли, что ему уже не хочется звать людей на помощь. Он, на какое-то время даже забыл о Пегасе. В руках был коробок. Его надо было надёжно спрятать, а если Пега и доберётся, то пусть докажет, что этот коробок не его, а общий? «Это моё,... моё,... моё, – стучало в висках. – Тут даже одному не только на велик, но и на мотик хватит. Только не надо торопиться, а всё обмозговать. Хорошо бы его где-нибудь спрятать, а не тащится и привлекать к себе внимание».

Дорога пошла под уклон. Впереди, внизу заперестрели дальние и ближние огни города. Он даже не сразу среагировал на свернувший на обочину и остановившийся на пути милицейский Уазик. Из автомобиля вышел человек в гражданском.

– Младший лейтенант Митин. – Представился он. – Куда спешим, что несём? – и он указал рукой на коробок.

– С дачи... – Выпалил первое, что пришло в го-

лову Муха, – с Кумысной поляны и тут же признал в нём того самого парня который подходил к нему на пруду.

– Открой, – младший лейтенант кивнул на коробку.

Муха открыл коробку и милиционер посветил в неё фонариком.

– Имя?

– Вадим... Вадик...

– Сам что ли налепил? Или как? – Увидев смутившегося паренька, добавил, – трофей, значит, а про себя подумал. «Это и есть тот самый Мухаев. Только почему он один?»

Муха замешкался с ответом.

– Нам по пути, садись, – сказал милиционер и распахнул дверку.

– Как по пути... Нам совсем и не по пути,... вы в гору, а я под гору вроде бы как... – промямлил Муха, – я и сам доберусь, мне совсем не трудно...

– Садись, Мухаев, садись, – сказал Юра, – в участке разберёмся.

После того как его назвали по фамилии, Мухаев скис, а потом вдруг встрепенулся:

– Товарищ милиционер... Мне никак нельзя в участок, у меня товарищ в лесу ногу сломал.

– Почему молчал?

– Испугался... Не сообразил сразу. «Кажется, парень не врёт, – подумал Юра, – только почему не

голосовал? Почему замешкался и не сказал сразу? Испугался? Вряд ли. Хотя испуг явно был, но за товарища ли? Тут что-то не так. Надо проверить».- Показать можешь? – спросил он.

– Могу, здесь не далеко.

В это время затрещала рация. Юра взял трубку. Седьмой ответьте.... седьмой ответьте. Подтвердите информацию об угоне автомобиля.

– Информация не подтверждается, автомобиль на спецзадании, – сказал Митин и тут же, обращаясь к Мухе, спросил. – Так, как зовут твоего друга?

– Пегасом,... Пегой,... то есть Лёней, – сбиваясь проговорил Муха.

– Что ж у тебя, Вадик, с именами заковыка. Собственному имени предпочитаешь прозвище? Где ты оставил друга?

– Он в лесу,... мы лесом шли.

– Где ты из леса к трассе вышел?

– Метров сто пятьдесят – двести. Там кусты начинались.

Юра прибавил газу и, подсвечивая прожектором, поехал по обочине.

– Смотри внимательно, скажешь, где ты на дороге вышел...

– Стойте,... вроде здесь... – сказал Мухаев, глядя в кусты.

– Вроде, или здесь?

– Точно, здесь. Вон ветка от дерева на змея похожа, я ещё трухнул малость.

Младший лейтенант остановил машину, взял из машины рупор и они вместе с Мухаевым шагнули в темноту. «Лёня! Ты где? Отзовись.» – сказал в рупор Юра и прислушался.

– А-А-А, – раздалось немного в стороне. Юра и Мухаев пошли на голос.

– Вот видите, он здесь, – то ли обрадованно, то ли оправдательно говорил Муха, раздвигая ветки деревьев.

Юра шёл напрямую, ломясь через кусты и держа руку перед собой, опасаясь лицом наткнуться на ветку.

–Я здесь! Здесь! – повторял Пегас, слыша голоса и шаги приближающихся к нему людей.

Вскоре Митин осветил фонариком сидящего на земле и прислонившегося к дереву Пегаса. Пегас зажмурился.

– Вот он, – сказал, обрадовано Муха, – живой, только идти не может. – И уже обращаясь к Лёне сказал, – вот, Пега, видишь,... помощь привёл.

– Прости, Муха, а я про тебя плохое подумал, – сказал Пегас. – Плохо подумал, когда увидел, как ты в коробок вцепился. «Зачем, – думаю, ему коробок? Куда он денется.» А ты вон как. Молодцом.

– Так мы не дойдём, – сказал лейтенант, отдал мегафон Мухе, взвалил Лёню на спину и понёс, из-

редка подсвечивая дорогу фонариком.

– Не донесёте, – простонал Пегасов, молод, кость не окрепла.

– Это у тебя кость не окрепла, а я на перекладине шутя пятьдесят раз,... молчи лучше,... кость..

До машины оставалось совсем ничего, когда Лёня вдруг заколотил Юру по спине.

– Ты чего? – спросил Юра

– Не меня,... не меня спасать надо... Других спасать надо. Ты, Муха, разве ничего не сказал?.. Всё понятно.

– Сейчас всё и расскажешь, – сказал Юра, подходя к автомобилю и усаживая потерпевшего на переднее сиденье Уазика. – Вот так, а теперь говори.

– Не меня надо спасать, что мне сделается!... Я и подожду...

– Говори толком.

– Люди в земле заживо погребены. Их спасать надо.

– Какие люди!? Где!?

– На свалке. Где ж ещё? Там Сима, сторож, он их в контейнер сложил и трактором в овраг спихнул. Их из-за игрушек жизни лишают. Там Костян, Антоха, учитель, дворник и ещё двое бездомных. Я их раньше видел. Они на свалке живут.

Младший лейтенант пристально посмотрел на Лёню и перевёл взгляд на Муху.

– Я тоже видел, – сказал Муха и опустил глаза.

– Это уже другой коленкор, – проговорил младший лейтенант и включил рацию:

– Говорит оперуполномоченный по правам ребёнка младший лейтенант Митин. Всем, кто меня слышит. Срочно опергруппу на свалку Заводского района. Вызовите машины скорой помощи. Реанимацию. Людей живыми в землю закопали. Среди них двое несовершеннолетних. Я еду на свалку. Свалка на развязке с кольцевой на Балашов. Конец связи. И тут Митин и Лёня, и Муха вдруг услышали, как впереди, не очень далеко засигналила машина. Она сигналила, не переставая. И в этих звуках слышалась и боль, и стон, и призыв, и отчаянье.

– Это на свалке, – сказал Пегасов, ... там, точно, ... не понимаю, кто и зачем?

Младший лейтенант включил сирену и машина, выбросив из-под колёс гравий, помчалась на звук сигналившей машины.

Глава 58. **Заживо погребённые**

Как только Сима заглушил трактор – наступила жуткая тишина, прерываемая лаем ошалелой собачонки.

– Ты тут завершай, а я поехал. Вроде всё гладко, – сказал Фома Фомич Симе.

– С машиной доцента, что будем делать? – спро-

сил Сима.

– Отгони её на платную стоянку, ты знаешь куда. Это тебе за труды праведные, положено. Чтоб здесь не светила, понял?

– Ну, спасибочки, – расплылся в улыбке Сима. – Вам ворота открыть? – подобострастно спросил он.

– Ты лучше скажи, кто там у тебя воет?

– Пудель этот, что вас чуть-чуть за руку не схватил.

– Чтоб его не было. Я ж тебе ружьё для охраны дал, развёл здесь псарню, ладно, иди, – с нарочитой сердитостью проговорил Фома Фомич. – Иди, иди... дело делай, – И Тараканов захлопнул дверку «шевроле».

Сима, взяв из вагончика ружьё, сунул в карман горсть патронов и не торопясь пошёл на вой собаки. Подойдя к обрыву, Сима увидел, что на том месте, куда он свалил бульдозером контейнер, на куче мусора сидит тот самый белый пудель. Собачка выла. От этого воя у Симы мурашки шли по телу. Живя долгое время на свалке, Сима слышал всякое. Даже недавний рык какого-то существа и то не так сильно потревожил Симу, как вой этой вшивой псины. «Сейчас я тебя», – подумал Сима, снимая с плеча ружьё и прицеливаясь. Звук выстрела кнутом хлестнул по склонам оврага.

«Вот так-то будет лучше», – сказал Сима и, закинув за спину ружьё, пошёл прочь. Но не успел он

дойти до вагончика, как вой повторился снова. Рассерженный Сима сдёрнул с плеча ружьё и устремился к обрыву. С обрыва он сделал по пуделю ещё несколько выстрелов, но безрезультатно. Сабачка будто издевалась над Симой. Она, то вскакивала на сваленный мусор и выла, но прежде чем Сима успевал нажать на курок, она моментально исчезала.

– Ладно, хрен с тобой, – сплюнул Сима, – после того, как все патроны были израсходованы, – живи пока, – и пошёл к вагончику.

Из оврага, куда Сима столкнул хибарку тянуло дымком. Редкие язычки пламени вырывались из-под слоя углей, пепла, и земли, и то, как бы для того, чтобы посмотреть, что там делается наверху и не пора ли пожрать что-нибудь ещё в угоду людям, а, впрочем, они могут обойтись и без них.

Сима не успел дойти до вагончика, как впереди за вагончиком раздался призывный звук автомобильного клаксона. Сима вздрогнул от неожиданности.

– Какого лешего,... кому надо – проговорил он и побежал в направлении ворот. Когда Сима обогнул вагончик, он увидел, что перед воротами никакой машины не стоит, и что это сигналит машина доцента. Сима бросился к машине, но дверки не открывались. «От выстрелов что-ли засигналила?...», – подумал он и стал искать чем бы открыть дверку.

– Этого мне ещё не хватало, – ворчал Сима, вы-

искивая что-нибудь увесистое, чтобы разбить боковое стекло и отключить сигнализацию. Под руки как назло ничего не попадалось. «Наверное, от выстрелов, звуковая волна ударила, вот сигналка и сработала, – подумал он опять, – схожу в вагончик за молотком», – и он затрусил в вагончик, совершенно не уяснив того, что сигналил в автомобиле клаксон, а не сигнализация. Если б это ему пришло на ум, то он сразу бы сообразил, что автомобиле кто-то есть.

В вагончике молотка тоже не оказалось, потому что Сима его оставил в контейнере. Неожиданно Сима бросил взгляд на стол, увидел коробок с игрушками и усмехнулся. Он взял коробку, решив ей разбить стекло и снова пошёл к машине. Но не успел он до неё дойти, как к воротам свалки с шоссе свернул милицейский Уазик. Сима поставил коробок на землю и выжидательно стал смотреть на милицейскую машину.

– Чего застыл?! Открывай, давай! – громко сказал Юра из кабины.

Сима побежал к воротам и стал их торопливо открывать. В голове у него стучало: «Неужели кто видел? Вряд ли... Тут бы уже была опергруппа. А это так, слышал, наверное, стрельбу, вот и подкатил, или водилы на КПП сказали, что на свалке стрельба. Далась мне эта псина... Не подумал».

– С проверочкой, товарищ, – спросил он заискивающе, глядя на открывшуюся дверку машины и пытаясь угадать, сколько человек в ней сидит, – у нас всё в ажуре. Противоугонная сигнализация сработала, а дверка не отпирается, сейчас в аккурат всё замолкнет...

– Ворота отворяй, – произнёс приказным тоном Юра.

– Это я щас,... это щас... – Сима стал не торопясь открывать створку ворот. Отворил одну, стал отворять другую. Симе было не видно кто сидит в милицейском Уазике, но то, что приехавший был не один, это он чувствовал.

– Где зарыты? – тихо спросил Юра Пегасова.

– Там, где бочка стоит, правее пламени, – ответил Лёня так же тихо и прошептал: – Это и есть тот самый Сима.

Уазик въехал во двор. Митин вышел из машины, подошёл к автомобилю доцента. Сима стоял около иномарки и пытался открыть дверку. Автомобиль вдруг прекратил сигналить. Стекло разбивать было уже незачем.

– Электроника, мать её. Навтыкают всего до дури, – сказал он подошедшему Юре.

– Электроника только больно умная, – проговорил Митин, сигналит когда надо и прекращает тоже. Сима понял всё и сразу, когда из милицейской машины вышел Лёня Пегасов.

«Он всё видел» – резанула Симу мысль, – это не случайность, – и в этот момент он услышал звуки приближающейся сирены. Сима метнулся в сторону, но сзади его успел схватить за одежду Юра. Сима резко повернулся, но Юра держал крепко. Сима захватил руку Митина и стал заламывать её за спину. Юра понял, что перед ним сильный противник и приёмы знает не хуже, а может быть даже и лучше его.

– Не спеши, ментура, – проговорил, кряхтя, Сима, – когда ты пешком под стол ходил, со мной уже редко кто в перетяжки садился. Вся зона махру была должна, а там были бугаи не в пример тебе.

В костлявом Симе оказалось силищи действительно много, вскоре Юра понял, что сдаёт. «Сима сейчас освободится, шагнёт в темноту и ищи-свищи, – подумал Юра, чувствуя, как противник выходит из захвата. – Сейчас он освободит руку, сделает бросок, а потом ударит ногой или рукой» – мелькнуло в голове у Юры.

Но Сима не ударил. Рука его, крепкая и жилистая, вдруг ослабла и Сима разом обмяк. Юра столкнул с себя Симу и посмотрел на ребят. Перед ним стоял с разорванным коробком Лёня. Это он ударил коробкой с глиняными игрушками Симу по голове, теми самыми, которыми Сима хотел разбить стекло у дверки.

Через пару минут на территорию свалки въеха-

ла машина с опергруппой. Свалку окружили автоматчики в бронежилетах, ими командовал молодой усатый капитан. За машиной опергруппы в ворота въехала милицейская семёрка и ещё одна машина с милиционерами, на которой приехал уже знакомый нам капитан Канивец, ловивший в участке сабачонку. Из жигулей вышла Муза Карповна Городец и быстро подошла к Юре.

– Вот це и есть угонщик, – проговорил капитан Канивец, показав Музе Карповне на Юру, и вытащил из кармана наручники.

– Минутку, капитан, не этого, – проговорила Муза Карповна и велела наручники одеть на Симу. Сима уже очухался от удара. Он лежал на земле и проигрывал сценарий собственного спасения. «Схватить этого пацана снова, прикрывшись им, залезть в Уазик и ударить по газам. Нет, пацан мне не помеха. Ближе всех этот, с наручниками, он вооружён, надо начинать с него, завладеть оружием, взять в заложники бабу и в машину. Ишь, ждёт, когда я ему руки в скобы суну,... жди,... сейчас я поднимусь, а ты ляжешь...». С этими мыслями Сима, притворно держась за бок и постанывая, поднялся, сделал шаг к Каневцу и вдруг быстро схватил его за руку, потянул на себя, выводя капитана из равновесия, одновременно стараясь захватить кобуру с пистолетом. Только, как планировал Сима – «быстро и разом» у него не получилось. Сима захватил руку

капитана и уже хотел завладеть его оружием, как капитан одним движением освободился от захвата, схватил руку Сима и так сдавил ему пятернёй запястье, что Сима вскрикнул от боли и понял, что сопротивляться бесполезно, в этом капитане силы оказалось немерено. Сима послушно сунул руки в наручники, говоря:

– Стрельнул несколько раз. Одичавшие псы замучили. Бегают стаей, того и гляди слопают.

– Это та одичавшая, что в овраге воеет? – спросила Городец, кивнув в сторону оврага. – Осветите место! – приказала она.

Автомобиль подъехал к оврагу и прожектор Уаза осветил дно. Луч тотчас выхватил из темноты воющего белого пуделя, который, то скрывался в прокапанной им норе, то вылазил из неё и начинал выть.

– Где лопаты, – спросила Симу Муза Карповна.

– Там, под замком, – и Сима кивнул на подсобку.

– Где ключ, – спросила Городец. Но Сима не успел ответить.

– Ладно, обойдёмся, – сказала майор, достала пистолет и выстрелила в замок, тот раскрылся и упал на землю. – Берём инструменты, – проговорила Муза Карповна сдавленным голосом, и первая, взяв из подсобки лопату и бросив Юре китель с кобурой, стала спускаться к пуделю.

Ах, как радовался пудель! Как радовался! Он то подбегал к спускающейся в овраг Музе Карповне, то стрелой возвращался назад и начинал копать лапками мусор, то вновь бежал навстречу человеку.

– А как же угонщик? – спросил Канивец Музу Карповну, – треба арестовать, чтоб по всем правилам...! – недоумённо смотря на португею в руках у Митина.

– Это младший лейтенант Митин, капитан, – сказала, спускаясь в овраг, Муза Карповна. – Он у нас недавно работает.

Как узнал пудель, в спускающейся к нему женщине в форме, своего друга, это, наверное, так и останется собачьей тайной. Несколько рослых милиционеров, опередив Музу Карповну, прыгнули в овраг. Канивец хотел взять лопату у Городец, но та не дала.

– Поищите себе другую, капитан, – сказала она, – а лопатой я умею работать не хуже других.

Подошла машина скорой помощи. Врач, осмотрев Лёнину ногу, сказал:

– Сильный вывих, но, в любом случае, необходим рентгеновский снимок для подтверждения диагноза.

– Его можно увозить? – спросил он начальника опергруппы.

– Подождите. Будут ещё пострадавшие, – ответил усатый подполковник, – поставьте автомобиль

чуть в сторону, дайте дорогу автокрану.

К краю оврага подъехал автокран. Вскоре крюк на стальных тросах закачался над головами, откапывающих контейнер, милиционеров. Муза Карповна вытерла со лба пот, отдала лопату капитану Каневцу.

Через несколько минут шестеро крепких милиционеров раскидали, надвинутый сверху бульдозером на контейнер мусор. Показалась железная дверь контейнера. Канивец окликнул закопанных:

– Вы тилькы живы, це как? – В ответ услышал: «Воздух свежий пошёл, полегчало, а то профессор с художником совсем сникли. Хорошо, что откуда-то сбоку чуток воздух поступал, а то бы и откапывать было некого... Мы тут кое-как развязались. Врача надо. – Это был голос Пал Палыча. Кто-то ударил по замку топором. Тот звякнул и отлетел в сторону.

– Скорая - тилькы приехала. Потерпыте трошки. Крэпко вас заховалы. А норку до контейнера видно сабачонка прокопала, це воздух немного и шёл, – сказал Канивец и скомандовал откапывавшим милиционерам: – Поднатужься, мужики! – и три пары крепких рук схватили за створку дверки, но она видно покорибилась и никак не открывалась.

– Так це же нэ так надо, – проговорил капитан Канивец, отстранил рукой милиционеров, взялся за створку сам и поднатужился. Крупные капли пота

выступили у него на лице и было видно, как на висках напряглись, запульсировали вены. Противно завизжало отдираемое железо и через десяток секунд дверка, металлически охнув и выгнувшись, упала поодаль контейнера.

– Це вот так надо, – спокойно проговорил Канивец и, обращаясь к лежащим в контейнере, сказал так просто, как будто он каждый день спасает погрёбённых заживо. – Значимо живи...

– Живы,... живы! – раздалось из контейнера, – профессору и художнику плохо. Их надо вытаскивать.

Спустили носилки. Первым достали и уложили на носилки профессора, и они, передаваемые из рук в руки, поплыли над головами милиционеров и водителей автомашин. Затем точно также вытащили Крокыча, врач стал им оказывать на верху первую помощь. Костя и Антон, чумадые и взбудораженные, выбрались сами. За ними не без помощи из контейнера вылез, кряхтя и постанывая, Пал Палыч. Потом выбрался с помощью милиционеров и Никита. Выбрался-то он выбрался, но, ни идти потом, ни стоять совершенно не мог, жаловался на головную боль и головокружение. Его тут же, уложили в скорую помощь и отправили в город. "Сильное сотрясение головного мозга", сказал врач скорой помощи.

– Это его лопатой по голове ударили, – указал

причину Пал Палыч, – я видел.

– Разве только одной лопатой, – проговорил сердито врач, – на нём живого места нет... Лопатой стукнули по голове, а на теле синяк на синяке.

– Его ещё охранники на Большой Горной били, – добавил Антон.

– Теперь всё ясно, – сердито проговорил врач. – Лежите и не шевелитесь. Поехали, сказал он водителю, и скорая выехала из ворот свалки.

Вторая скорая увезла Крокыча. После наезда автомобиля у него оказалась сломана нога, ключица, а в больнице определили ещё и перелом ребра. При наезде машины, в самый последний момент, он успел заслонить собой профессора и получил тяжелейшие ушибы и травмы. Он был совсем плох, трудно дышал, но продолжал, преодолевая боль, шутить:

– Доктор, – говорил он, – прошу, вы только меня во вторую городскую больницу не везите.

– Это почему же? – со всей серьёзностью спрашивал врач.

– Так от свалки далековато...

Доктор улыбнулся и проговорил:

– Раз шутит – значит, выживет, и добавил. – Одного не пойму. Приедешь иной раз по вызову, глядишь – царапина, а стонов-то, стонов. А тут живого места нет и, на тебе, шутки-прибаутки.

Подошёл, к сидящему на куче мусора Симе, сле-

дователь и хотел вести его на допрос в автобус.

– Давай, поднимайся! Насидишься ещё. Как я понимаю, у тебя для этого дела теперь времени будет много.

– А ты, мент, не погоняй, – и Сима стал медленно подниматься.

– Пошевеливайся,... пошевеливайся, – торопил следователь.

Сима поднялся, распрямился, пошевелил сзади в наручниках кистями рук, но не успел ступить и шагу, как крупный, лохматый, неизвестный породы зверь метнулся из темноты. Раздался страшный рык. Сима упал. Юра молниеносно выхватил из кобуры пистолет Музы Карповны, снял с предохранителя. Зверь рванулся в темноту. Юра выстрелил нападавшему вслед и в стороне, куда скрылся зверь, послышался стон.

– Кто это был? Ты в кого стрелял!? – спросила Городец Юру.

– Не знаю... – сказал растерянно Юра, – большое, лохматое, не разглядел в темноте, мелькнул как молния, по всей видимости, ударил задержанного, я видел только мелькнувшую лапу и открытую пасть, он в сторону, к тем кустам прыгнул, я вслед и выстрелил, вот и всё.

– Попал?

– Не знаю,... рычало..., – пожал плечами Юра. – Непонятно как-то, товарищ майор,... кран работает,

... шум,... автоматчики, фары светят, прожектора и нападение...? – Мистика какая-то...

– Разберёмся и со зверем, и с мистикой тоже, – добавила Муза Карповна. – Поднимайте и ведите задержанного.

Один из милиционеров толкнул Симу, – Вставай,... пошли,... пронесло,... мог бы и порвать.... – Вставай, говорю... – Сима не вставал, он лежал ничком, уткнувшись лицом в мусорную кучу. Лейтенант перевернул его и отшатнулся. – Врача!.. Скорее врача! – закричал он.

Сима не шевелился, глаза его недвижно смотрели в бесконечную подсвеченную звёздами глубину пространства над мусорной свалкой. Подошёл врач, осмотрел Симу и сказал: «Труп».

– Как труп?! Почему труп?! Нападавший только сбил его с ног! Я видел... – стал запальчиво говорить Юра.

– Всё правильно, – сказал спокойно врач, – на его теле нет видимых повреждений. Он умер от разрыва сердца. В народе ещё говорят в таких случаях – от страха.

Сима лежал на куче мусора, глаза его были безжизненны, множество звёзд, недавно чёрного как сажа неба, отражались в этих уже неживых глазах, а в уголках губ сохранилась отрешённая от земной суеты улыбка. Чему улыбался этот умерший человек в последнюю секунду своей жизни? Чего не

могло вынести его сердце? Возможно, он улыбался тому, что теперь ему не надо выполнять пакостные приказы Фомы Фомича и постоянно бояться,... бояться,... бояться. А, может быть, он улыбался от того, что в это время душа его, паря над территорией свалки, радовалась, что самое большое злодеяние в жизни ему так и не довелось совершить, и она видит, что, закопанные Симой, люди живы, а значит, остаётся надежда, что это последнее преступление не будет ему вменено в грех.

Остальных пострадавших врач со скорой осматривал в Симином вагончике.

Юра Митин зашёл в вагончик, чтобы справиться о самочувствии Позолотина. Смерть Симы на Юру очень подействовала. Он сильно переживал из-за того, что не успел вовремя выстрелить, в результате чего погиб человек. В это время в вагончике доктор осматривал профессора и говорил:

– Крайнее истощение организма, аритмия и тахикардия, давление снижено, с этим не надо шутить,... надо обследоваться. Угрозы для жизни не существует, но нужна комплексная проверка и лежать, лежать, лежать.

– Была бы угроза, – сказал Вениамин Павлович, – если б не Семён Ваганович, это он от меня смерть отвёл..., да если б собачка нору к контейнеру не прокопала и воздух к нам не пошёл.

– А ну – ка, ребята, – сказал доктор Антону и Косте, – принесите воды руки сполоснуть и, взяв полотенце, вышел из вагончика.

– А Сима того,... представился, – сказал Пал Палыч профессору, – говорят от страха.

– Собачина выскочила, огромная, – начал опять уже Позолотину объяснять Юра, – я такой и не видел никогда; никто толком ничего не понял, лапы мелькнули, пасть раскрытая,.. посмотрели – мёртв, доктор говорит от страха.

– Собачина говоришь. Всё-таки он существует, – сказал Позолотин, а я, знаете ли, до сегодняшнего дня думал, что это легенда. – Профессор повеселел.

– Вы это о чём, профессор? – спросил Пал Палыч.

– Мы с вами ещё в контейнере об этом говорили, – стал пояснять Позолотин. – Я о двух зверях, которых слепил отшельник, про народную легенду рассказывал? Потом этот же зверь на печном изразце, помните?

– Конечно, помню, только я думал, что это сказка, народный вымысел, так сказать, – удивлённо сказал Пал Палыч.

– Думаю, что этот вымысел, начал обретать видимые черты. Легенды оживают... Так куда он, сударь, скрылся, – обратился профессор к Митину.

– В те кусты маханул, да зарычал, аж мурашки по коже... Я не ожидал, выстрелил наугад вслед не

прицельно. Ушёл,... только зарычал страшно. – И Юра опять, только более детально, стал объяснять присутствовавшим о произошедшем. Муза Карповна отозвала доктора в сторону и, кивнув на профессора, спросила:

– Как он?

– Был на волоске. – Ответил доктор. – Ещё минут пятнадцать, двадцать не откопали бы и всё... нехватка кислорода, плюс сердечно-лёгочная недостаточность. Сами понимаете. Сейчас повеселел. Укольчики вкололи.

Глава 59. Роковой выстрел

Кран, вытащив из оврага контейнер, стал пятиться назад. Костя и Антон никак не хотели уходить со свалки и ехать домой. Они всё твердили майору Городец о каком-то Глине и Свистоплясе, но та толком ничего не понимала и настаивал на своём. На какое-то время все забыли о профессоре, а когда спохватились, то его нигде не было.

– Он меня о звере спрашивал, – сказал Митин. Может быть он за ним пошёл, – и направился к кустам, держа наготове пистолет.

– Профессор, вы где!!? – прокричал Юра в темноту.

– Вениамин Павло-ви-ч! – прокричал учитель.
– Вениа-мин-н Пав-ло-вич! – Он шёл следом за Юрой.

В кустах с подвывом лаял пудель. Юра двигался на его голос. Он догадывался, что это лает та самая собачонка, что показывала место погребения людей. Он не мог спутать её голос ни с одним голосом четвероногих.

– Костя, Антон, – стойте, – крикнул Пал Палыч. Ребята обогнали учителя и устремились за Юрой. По кустам скользнул ослепительный луч, это капитан Канивец направил прожектор Уаза на кусты. Луч пошарил по кустам, скользнул в прогал между ними и остановился, высветив небольшую, заросшую травой, полянку.

Юра дошёл до полянки, отодвинул мешавший обзору куст, неожиданно остановился, ещё сильнее отодвинул куст, замер, и стал торопливо засовывать пистолет в кобуру. Подбежали ребята, а за ними подошли Пал Палыч и майор Городец. Среди кустов, на небольшой полянке в жёлтом пятне прожектора они увидели чудовищного зверя, перед которым стоял на коленях профессор и гладил рукой его широкий цвета бронзы лоб. Он трогал его большие желтоватые клыки, теребил уши и гриву, а рядом сидел белый пудель и, подняв мокрую мордашку к звёздам, выл.

Пал Палыч присел рядом с Позолотиным на корточки и, обняв его за плечи, тихо спросил: «Это он?»

– Да, – так же тихо ответил профессор и, вздохнув, добавил. – Вот так оживают легенды, дорогой игрушечник. На свете всё взаимосвязано. Никто не

знает, где кончается легенда, а где она берёт начало, равно как не знает, когда она оживёт. «В жизни, друг Горацио, такое бывает, что и не снилось нашим мудрецам», – произнёс он с большой скорбью. Старый профессор плакал и не скрывал своих слёз.

– Я же не хотел, – говорил, оправдываясь, Юра.
– Я же наугад стрелял, вдогон.

– А пуля попала точно в голову, – сказала Муза Карповна, указывая на тёмное пятно между ухом и глазом зверя. – Думаю, что он во время выстрела обернулся, иначе бы пуля попала ему в затылок.

– Как же так,... я едва отстреливаю норму, у меня со стрельбой не ахти, а тут? – говорил, чуть ли не плача, Юра.

– Це, такое бывае, – сказал, присев рядом, Канивец. – А у меня наоборот, всё в десятку, с какого положения нэ выстрелю, а як смотр, так мажу, всё молоко моё.

– Да нет, вот подтянуться, отжаться, пробежать, сколько угодно, а стрелять не очень... – оправдываясь продолжал говорить Митин, заглядывая в глаза обступившим их водителям автомашин и милиционерам, как бы, ища у них поддержки или оправдания.

– Пойдёмте, профессор, – сказал Пал Палыч, поднимая Позолотина.

– Да, да, нам надо ехать, – сказала майор Городец. – Оставшихся пострадавших определим в сазовскую больницу. Я созвонилась с главным врачом. В клинике, нас ждут.

– Вы езжайте, – сказал Вениамин Павлович, а я тут последнюю ночь переночую.

– Зачем? Мы вас устроим, ваши подвиги уже не к чему, – проговорила Муза Карповна.

– Это надо науке, – товарищ майор, – проговорил твёрдо Позолотин. – Мне необходимо рано утром осмотреть зверя. А к вам большая просьба – выставите около него охрану. Мало ли что,... собаки бродячие порвут...

– Да, да... вы не беспокойтесь,... мы всё сделаем, – заверила Городец и тут же подозвала к себе капитана Каневца и приказала с убитого животного не спускать глаз.

– Не волнуйтесь, товарищ майор, всё будет сделано в лучшем виде. – Ответил капитан.

Юра протянул пистолет и китель Музе Карповне. Городец взяла оружие и сказала: – Этого мерзавца мы десять лет искали, а он на свалке окопался, – и она кивнул в сторону, где лежало тело Симы. – А стрелять мы тебя, младший лейтенант, научим, – и они с Юрой пошли к вагончику.

В это время на территорию свалки въехали милицейские «Жигули». Из машины вывели в наручниках Фому Фомича и Синеволосую и повели на допрос в автобус. После них вышла и Мария Васильевна Сорокина.

– А ты чего сюда приехала? – спросила подругу Городец.

– Так мои же здесь, подопечные...

– Живые, здоровые твои подопечные, – прого-

ворила Муза Карповна. – уезжать отсюда не хотят, говорят, что здесь до утра останутся. Поговори с ними, возможно стресс так действует, они сейчас придут, в кустах зверя убитого рассматривают, – и она вкратце рассказала Марии Васильевне произошедшую историю.

– Нет, Муза Карповна, пусть ночуют здесь, – сказала, выслушав Городец, Мария Васильевна. – Новые события и обстоятельства снимут стресс лучше любого лекарства. Уложим мы их сейчас на больничную койку, ну и что? Будут лежать, нагонять на себя страхов, да содрогаться от воспоминаний и представлений возможно совсем иного исхода. Нет, пусть будут здесь, среди вооружённых мужчин. Я бы посоветовала дать им по разу выстрелить из табельного.

– Ты что говоришь?

– А то, товарищ майор, я говорю, то что надо... Клин клином вышибают... Пусть ночуют. Я с ними младшего лейтенанта оставлю, а сама поеду родителей предупрежу, чтоб не волновались.

– Что родителям скажешь?

– Придумаю чего-нибудь правдоподобное. – Знаешь, в таких случаях для родственников хорошая добрая неправда полезнее, чем вот такая ...– она не договорила, а только кивнула в сторону лежащего на краю оврага контейнера.

– Тебе виднее, подруга, это по твоей части.

– А как там директор со своей красоткой? – спросила Мария Васильевна.

– Упираются, но раскрутим. Тараканов думает, что Сима жив. Пусть думает. Он уже сейчас стал на него всё валить. Дело сделано, дальше дело техники и времени. Только меня сейчас не это интересует.

– А что тебя интересует?

– Меня интересует зверь.

– Не тот ли, что на мусорной куче лежит?

– Этот меня уже не интересует, хотя тоже человек.

– Я тебя, подруга, не узнаю, – удивилась Мария Васильевна.

– Я и сама себя не узнаю,... ночь, свалка, труп и ожившая во времени и пространстве сказка,... это не так просто переварить...

К омовской машине сходилась оперативная группа. Усатый капитан снял оцепление. Омовцы, переговариваясь и подталкивая друг друга, залезали в фургон.

– Жаль, что я не могу ходить, – сказал Пегас, – глядя в окно вагончика.

– А мне что-то и смотреть не хочется, – ответил Муха. – Он был явно не в себе и всё время молчал, да косо поглядывал на окружающих, наконец, вышел из вагончика и сел на перевёрнутое ржавое ведро.

– Ты что, не радуешься, что люди живы остались. Вон Антоха с Костяном идут целые и невредимые, – сказал Пегас.

– Так они пусть и радуются, что целые, а я-то тут

причём?

– Верно, ты тут не причём. – Проговорил Лёня, затем, опершись на здоровую ногу, вылез из машины и, взяв вместо палки оставленную кем-то лопату и опираясь на неё, поковылял навстречу идущим от кустов людям.

Костя, Антон и Юра, увидев Пегасова, остановились. Антон и Костя пока не знали как себя с ним вести. К ним подошёл Митин.

– Он, ребята, вам жизнь спас, – сказал очень тихо Юра, чтобы слышали только Антон и Костя.

Лёня, волоча ногу, подошёл к Косте и Антону и сказал:

– Расслабляться рано, игрушку надо искать.

– А это разве не игрушки? – спросил Костя и кивнул на разорванный коробок, затем наклонился и стал рассматривать рассыпанные после удара изделия, Затем сказал, улыбаясь: – Это же наши игрушки, на сушке были, Тош, ты их узнаёшь?

– Точно наши, – сказал удивлённо Антон. – Вон черепаха моя, а эту Даша делала, ту Тася... – как они здесь оказались?

– Хотя это прояснилось, – сказал Лёня, – а как они здесь оказались, надо у Вадика спросить. Расскажи нам, Вадик, как из КЮТА игрушки здесь появились? – и он повернулся в сторону Мухаева.

– Как я понимаю, ты, Леонид, к этим игрушкам не причастен? – спросил Костя.

– Нет, ребята, причастен.

– Не понял... – сказал Костя.

– Моя доля вины состоит как раз в том, что я озвучил Мухе идею подсунуть на свалку Симе куклу. Налепить игрушек и подбросить в одну из куч. Только это надо было сделать, когда рабочие при разборе мусора найдут настоящую, старинную. Я потом от этой идеи отказался, а Муха клюнул. Как мы теперь с вами понимаем, Муха, не говоря мне, стырил в клубе ваши игрушки и подкинул. Это я понял ещё раньше, что он и меня, и Симу купить решил, только сделал он это без головы. Я даже не пойму о чём ты думал, когда игрушки в мусор совал? – спросил Лёня Мухаева, – прояснил бы ситуацию? Что тебе это давало? Думаю, что ничего.

Муха вместо ответа опустил глаза и стал ковырять в носу.

– Как видите, молчанье – знак согласия..., – Лёня широко улыбнулся. – Решил всех обойти. И ведь получилось! Молодец, Муха, далеко пойдёшь, – и Лёня похлопал Вадика по плечу.

– Игрушки-то чистенькие, – сказал Костя, – тут любому понятно, что и как?

– Понятно-то понятно, только не всегда сходится, – сказал Лёня. – В практике у меня всякое было. Только не это, ребята, меня смущает – чистенькие или не чистенькие? Вместе лежат или нет? И аккуратно положены или разбросаны под всей кучей?.. Здесь другое. Оно и сейчас меня тревожит. – Лёня обвёл взглядом ребят.

– Не тяни резину, говори, – сказал Костя.

– Дело в том, что вчера, уходя по тёмну со свал-

ки, в лесу я упал в яму. Случайно это произошло или нет – сказать не могу, для самого загадка, только в этой яме коробка оказалась и не простая коробка, а тоже с игрушками. Как они туда попали не знаю. Думаю, что кто-то из рабочих припрятал, нашли и спрятали.

– Ну и что дальше?

– А дальше я подумал, что это вторая кукла.

– Как кукла? – воскликнул Муха, – ты же говорил, что фонят?

– Правильно, говорил, но на самом деле Вадик, они не фонили. Проверял я тебя, – и тут же, обращаясь к Косте и Антону, сказал: – Извините, ребята, но я подумал, что вторую куклу вы заготовили, только подкинуть не успели.

– Мы ничего не собирались подбрасывать, – спокойно сказал Костя.

– Тогда откуда она взялась? – удивился Лёня.

– Муха, сгоняй в машину, принеси, коробок, что в яме нашли. – Лёня повернулся в сторону Мухаева, но того среди них уже не было.

– Ну и способности... – удивился Антон, – среди нас стоял – и нет.

– Растаял как дым, – сказал Костя.

Как Вадик ушёл? никто не заметил. Не увидел этого, поглощённый беседой ребят, и Митин.

– А как же игрушки очутились в лесу? – спросил Антон.

– Что за коробка? – удивился Костя. – У нас кроме этих игрушек больше ничего не пропадало.

– Раз не пропадало, тогда это пока тайна, – медленно проговорил Пегасов и, посмотрев на Юру, продолжил. – Там их мы больно не рассматривали, я заглянул – игрушки, не тот момент был, чтоб изучать. А Муха на них повёлся. Я же сказал, что они фонят, вот он их хапнул и дёру.

– Жадность не порок, а болезнь... – сказал Костя.

– Возможно это случайность, – Заметил Юра, – только к делу вашего спасения она имеет тоже самое прямое отношение. Если б я его на трассе не встретил, то неизвестно бы чем дело кончилось?..

– Не он же вас остановил... – проговорил робко Антон, – а вы его остановили.

– Никто не может сейчас из нас сказать, пошёл бы Вадик тогда заявлять в милицию или нет, – заметил Юра, – до КПП ещё далеко было, всякие мысли могли прийти ему в голову.

– Почему же они к нему не пришли, когда вы остановились и дорогу ему машиной загородили? – спросил Лёня.

– Человек – загадка, – ответил Юра. – Я в его душу в тот момент не заглядывал, только это он вывел меня на Лёню, этого забывать не надо.

На это его замечание никто ничего не сказал...

После сказанного Юрой наступило тягостное молчание. Нарушил молчание Антон.

– Давайте игрушки посмотрим, что в лесу нашли.

– Они в машине, на сиденье стоят, – сказал Юра

и пошёл за игрушками, ребята пошли за ним.

Юра открыл дверцу Уазика, взял коробку, поставил на землю и раскрыл.

– Пал Палыч!! Пал Палыч!! – закричал вдруг Костя, заглянув в коробку. – Пал Палыч, где же вы!? Скорее сюда!

– Чего шумишь, – спросил, шагнув к ребятам из темноты, учитель.

– Посмотрите!

Пал Палыч посмотрел в коробку и лицо его расплылось в улыбке.

– Надо же,... не ожидал,... вот что угодно, только ни это...

Юра и Лёня смотрели на удивляющихся учителя, Костю и Антона и не понимали, в чём причина их восклицаний: «Этого не может быть!», «Вот чудеса!», «Сам бы не видел – ни за что бы не поверил!».

– Да скажите, Пал Палыч, что произошло? – попросил Юра.

– Дело в том, – начал Пал Палыч, – ровно год тому назад мы повезли вот этот самый коробок с этими игрушками на выставку, ехали общественным транспортом. Кроме этого коробка везли выставочные изделия и из других объединений, одним словом, всяких коробочек и коробок было достаточно. Так наши ребята умудрились одну из коробок оставить под сиденьем. И вот та самая игрушка теперь перед нами, целая и невредимая. Я сам укладывал изделия и скажу вам, что ни одно из

них никто даже в руки не брал. Тогда мы и в диспетчерскую звонили, и в автопарк ездили – никаких следов и вот на тебе.

Лицо Пал Палыча светилось, да и Антон с Костей были в восторге.

– Как же они оказались в лесу в яме? – спросил Антон.

– Думаю, что на этот вопрос нам сейчас никто не ответит, – сказал Юра, – так ведь, Пал Палыч?

– Да, ... загадка, – сказал учитель, рассматривая игрушки и ящик. – Понимаете, ни одной царапины ни только на игрушках, но и коробок без каких-либо серьёзных повреждений, разве что есть потёртости... Его даже дождь не намочил. Значит, очутился он в этой яме совсем недавно, возможно – сутки назад.

На шум подошли профессор и Мария Васильевна Сорокина. Пал Палыч не менее эмоционально рассказал и им о находке и о таком случайном и благополучном возвращении изделий их законным владельцам.

– Это очень даже интересно, – сказал профессор. – Ну что скажете на это, товарищ капитан, обратился он к Марии Васильевне. – Мистика, да?

– А у вас, Пал Палыч, у самого, никакая игрушка не пропала, когда к вам Мухаев наведывался? – спросил Юра.

– Да нет вроде, чтоб уж так явно. Потом знаете, мил человек, когда много лепишь, то сказать вот так сразу, что на месте, а что нет – довольно слож-

но.

– Вы же говорили, что у вас конёк исчез, – вспомнил Антон.

– Ах! Да, ... такое было. Только я в этом не очень уверен, потому как положу иногда куда-нибудь изделие и забуду... Нет, нет, ... я никого не хочу обвинять... и даже думать об этом не хочу.

– А пропавшего конька вы случайно делали не по старинной технологии, а? – спросил профессор.

– Да, по старинной, но откуда вы знаете? – опешил Пал Палыч.

– Теперь мне понятно, почему умер Сима, – сказал Юра.

Все повернулись на его голос.

– Почему? – чуть ли не хором спросили ребята.

– Всё просто, когда зверь набросился на Симу, он не собирался его убивать. Я видел, как зверь метнулся к Симе, ящик уже был разорван, игрушки рядом рассыпаны. Я не видел, как зверь схватил игрушку, но что это было именно так, я сейчас уверен. Зверю была нужна игрушка, а не Сима. И не сомневаюсь, что это была та самая игрушка, которую стянул Муха со стола у Пал Палыча.

– А зачем она была нужна зверю? Ведь он рисковал жизнью, вокруг вооружённые люди... – спросил Лёня.

– Ты прав, ... он действительно рисковал и роковой выстрел тому доказательство. Ему был нужен не Сима, а глиняная игрушка. Только это моя дедуктивная догадка.

– Я вас должен поздравить, – сказал весело Вениамин Павлович и пожал руку Пал Палычу.

– Не понял? – спросил недоумённо Пал Палыч, – объясните.

– Тут всё дело в ваших руках, Пал Палыч. Вам удалось сделать по наитию, как это не назови, настоящую старосаратовскую игрушку.

– А причём здесь зверь? Простите, не доходит, – удивлённо сказал Пал Палыч.

– Отшельник слепил не просто страшных зверей. Звери были оберегателями игрушек. Точнее, один был собиратель, проще – сыщик, задача которого была собрать изделия хороших мастеров, а другой – хранитель. То есть, его задача была хранить изделия. Как долго? – не знаю, думаю, чтобы ознакомить с ними будущих игрушечников, чтоб не пропали традиции. Здесь на поляне лежит собиратель.

- Получается, что зверь ошибся.

- Не думаю.

– А причём здесь я? – недоумённо спросил Пал Палыч.

– А притом, что игрушка вами слеплена была по всем правилам старых мастеров, что зверь принял её за одно из изделий старой игрушечницы, мамушки, потому и бросился к Симе, игрушки-то рядом с ним валялись, их никто не поднимал, не до них было. Я правильно ставлю ударение в слове «мамушка», – спросил профессор Пал Палыча.

– Да, да, правильно,... на втором слоге, – под-

твердил учитель.

– Так вот, – продолжил учёный, – Я подтверждаю догадку этого молодого человека, – он кивнул на Юру. – Именно так всё и произошло. Сима просто сидел рядом с игрушками на куче мусора, зверь и не собирался его убивать, он ему был не нужен. Ему из всего коробка нужна была одна единственная игрушка – конёк, а не все игрушки.

– Значит, зверь не отличил Пал Палычевой игрушки от мамушкиной!? – воскликнул Антон. До него это дошло немного позже, чем до остальных.

– Совершенно верно, – подтвердил профессор.

– Тогда почему он не обратил внимания на наши игрушки, которые были рассыпаны рядом? – удивлённо спросил Антон.

– Не обижайтесь, Просто вы в изготовлении ещё немного не дотянули до нужного уровня, – сказал Позолотин, и тут же добавил: Разве только чуть-чуть. Я ведь с первого взгляда, тоже не отличил, – и хитро посмотрел на Сорокину, только этого взгляда никто из ребят не заметил.

– Я не специалист, мне показались все одинаковыми, – сказала Мария Васильевна.

"Ох, уж мне эти педагоги", – подумала Городец и, спрятав улыбку, пошла к машине.

– Мария Васильевна! Едем! – сказала она громко, – пусть ночуют. Утром пораньше приедем, всё равно ничего не видно.

– А теперь все ложимся спать, – сказал профес-

сор, – утро вечера мудренее. – Как только будет светать – всё хорошенько осмотрим и обязательно найдём игрушку Пал Палыча. Зверь её, думаю, выронил во время ранения. Она где-нибудь на полянке.

Ребята собрались в отдельной комнате в вагончике. Не было только Мухи.

– Здорово всё закутилось и завязалось в единый узел, – проговорил Костя, укладываясь на топчан.

– Конец как в кино показывают, – добавил Антон.

– Никакого конца ещё нет, – проговорил Лёня, ещё неизвестно, что покажут завтрашние поиски, там вон дождик вроде накапывает.

– Нам ещё надо Свистопляса с Гуделкой найти, – проговорил Антон, но его уже никто не слышал. Ребята, полные впечатлений, уснули. Антон немного повернулся с боку на бок, вздыхая о своём друге Свистоплясе, и тоже уснул. Вскоре все дети спали, только старый учитель Пал Палыч и профессор стояли около вагончика и разговаривали. Профессор очень жалел о сгоревшей хибарке и не столько о ней, сколько о набросках к картине. Они ещё не знали, да и никто не знал, что вместе с хибаркой сгорел и доцент. Сима об этом сказать не успел, Лёня этого момента не видел, так как они с Мухой находились около ворот и только издали видели, как горит бомжацкая лачужка. Конечно, они видели доцента, но пока о нём просто никто не вспомнил. О

нём вспомнят потом на допросе Фомы Фомича.

Глава 60. Хранитель уходит

Утром, как только стало светать, приехала капитан Сорокина. Ребята, как услышали рядом с вагоном шум двигателя, сразу повскакивали и стали собираться.

– Ну, как ночевалось?! – спросила ребят громко и непринуждённо Мария Васильевна. Они приехали вместе с Музой Карповной.

– Обошлось без происшествий, – доложил Юра, – разве только...

– Что, так и не пришёл? – спросила, нахмутив брови, капитан.

– Наверное, наше общество ему не понравилось, – сказал Костя.

– Думаете, что Мухаев в город подался? – спросила Мария Васильевна Митина.

– Думаю так, – ответил Юра, – не будет же он по лесу как заяц бегать. Плутать здесь негде.

– Дома, к сожалению, он тоже не появлялся. Хорошо, младшой, будем искать. Кстати, тебя майор Городец очень хвалит за оперативность, так, Муза Карповна?

– Думаю, что протыкать тебе дырочки на погонах, младший лейтенант, – сказала в ответ Муза Карповна, – Ты опередил моих следаков. на целую жизнь.

– На шесть жизней, – поправила её Сорокина.

– Да-да, на целых шесть. Столько жизней оказалось в контейнере под землёй. Только, как ты определил, что местом расправы будет свалка? Поделись секретом.

– Отсюда очень сильно «фонило», – смутившись сказал Юра.

– А зверь ваш целый? – спросила вдруг Муза Карповна.

– Его капитан Канивец с милиционерами охраняет, – сказал Юра.

– Давайте его посмотрим при солнечном свете.

Немного погодя все вместе пошли смотреть диковинного зверя. Ребята старались забежать вперёд, но их останавливала Сорокина. Позолотин и Пал Палыч шли позади. Замыкал вереницу Лёня. Ему больно было наступать на ногу, он шёл с трудом, опираясь на черенок лопаты.

.....

Над лесом вставало солнце. Его первые лучики, опускались на макушки берёз, и каждый листочек от их прикосновения загорался особым, утренним светом и, казалось, что листочки на самой вершине дерева, приняв в свои зелёные ладошки новорождённые лучики, бережно передают их из рук в руки на нижние ветви. На земле тихо и спокойно рождался новый день.

– Не украли? – спросила Муза Карповна, стоявшего около кустов сержанта.

– Обошлось без происшествий, – отчеканил милиционер, – ночью правда ничего не видно, но ни-

каких шевелений и грызни не было, – и посторо-
нился, уступая дорогу.

– Мы перед наукой за него отвечаем, сержант, –
сказала Муза Карповна и раздвинула кусты.

– А где же труп зверя? – спросила она недо-
умённо.

– Сержант заглянул за кусты и опешил – тела
зверя на полянке не было. Взрослые и дети броси-
лись искать зверя по кустам, один профессор оста-
вался стоять на том месте, где лежало животное.
Вот он нагнулся, что-то поднял с земли и стал рас-
сматривать.

– Как же это так, – недоумевал Юра, вылезая из
кустов, – ведь здесь же лежал, не под землю же он
провалился? Таковую тушу, чтоб не оставить следов,
не унесёшь.

– Всё в порядке,... не волнуйтесь,... он здесь, –
сказал, улыбаясь, Позолотин и кивнул на найден-
ный им в траве предмет. На его ладони лежала, пе-
реливаясь в лучах, золотистая керамическая иг-
рушка. Да, это была точная копия того огромного
лохматого клыкастого зверя, который только не-
давно лежал на этой поляне.

– Вы шутите, профессор, – сказала майор Горо-
дец.

– Он не шутит, – заметил Пал Палыч.

Позолотин смотрел на игрушку и, тоже не знал
верить ли ему своим глазам. На его ладони лежала
легенда, игрушка, которую будто сделали только
вчера. И ни одной царапинки, лишь ровное ма-

ленькое отверстие между глазом и ухом едва выделялось на лохматой керамической голове и, казалось, было проделано специально для того, чтобы за него подвешивать игрушку на новогоднюю ёлку.

– Это, что, ценная вещь? – спросила недоумённо Мария Васильевна.

– Ей цены нет, – сказал Позолотин, – она бесценная. – Лицо его светилось счастьем и не было в целом свете более жизнерадостного лица, чем лицо старого профессора.

– Вот так случайность. Можно сказать, повззло, – засмеялся капитан Канивец. Он был рад, что зверь, которого ему с милиционерами поручили охранять, оказывается совсем и не пропал.

– Вы верите в случайности? – спросил Позолотин, – и, не ожидая ответа, продолжил. – Случайностей, уважаемый, на свете не бывает, есть неразгаданная или непознанная закономерность.

– Это як понимать? Что и кырпыч на голову с крыши тоже? – удивился капитан.

– И кирпич, милейший, тоже. – Отчеканил Позолотин.

– Нэпонятно как-то... – капитан Канивец в сомнении покачал головой.

– Всё имеет своё объяснение. – Продолжил профессор. – Только объяснить всё происходящее человек не в силах, вот и называет все удивительные совпадения случайностями. Десятки машин проехали мимо голосующих на обочине мальчишек, – проговорил он, – и не остановились, а вы... – Ве-

ниамин Павлович не договорил... зашнулся.

– Не случайно и вы, профессор, единственный, кто мог оценить эту находку, оказались тоже здесь, – добавил Лёня.

– Да, учитывая превратности судьбы, над этим тоже стоит задуматься, – добавил Пал Палыч.

– А чего это у него во рту? – спросил Юра, – разглядывая найденную фигурку.

– Да, во рту у него определённо что-то есть, – сказал профессор и знаком подозвал к себе учителя.

– Посмотрите ка, Пал Палыч, не ваше ли изделие держит в зубах зверь?

– Я очки обронил, – ответил учитель, – пусть кто-нибудь из ребят посмотрит.

– Так это игрушка Пал Палыча! – сказал с удивлением Антон. – Это конёк! Он так и не выпустил его из зубов.

– И конёк, тоже, как и он уменьшился в размерах и стал единым целым со зверем, – добавил профессор.

В это время к Вениамину Павловичу подошёл Лёня и, смущаясь, сказал:

– Игрушка, что была на Большой Горной, и от туда попала на свалку, сейчас здесь, на свалке.

– Откуда вы знаете, сударь? – спросил профессор.

– Я это чувствую, она где-то в овраге, оттуда сильно фонит. Раньше я на свалке этого не чувствовал, а как подержал в руках вот это, – и он кивнул на находку профессора, – то и здесь ощущение поя-

вилось.

– Что это за ощущение? – спросил Позолотин.

– Дело здесь не в игрушке, – начал Леонид, – а в «барометре».

Ребята не поняли, о каком барометре говорит Лёня, и выжидательно, с интересом на него уставились. Заинтересованно посмотрел на Пегасова и Юра. Он слушал ребят, стараясь не вмешиваться в их разговор. Зачем мешать, так больше узнаешь.

– Да не смотрите вы на меня так... – сказал дружески Лёня, – я же не о приборе каком говорю, а о способности своего организма определять, где есть антиквариат, а где его нет. Мы и в этот старый дом под черепичной крышей благодаря этому попали, фонило от него очень.

– Как фонило?.. – удивился Костя.

– Не знаю как, только там где антиквариат лежит, я чувствую, мне надо только на это настроиться...

– Оказывается, это вот о каком запахе ты сказал Мухаеву, когда вы нашли в лесу коробку с игрушками, – сказал удивлённо Антон. – А я подумал, что от коробка действительно чем-то пахло.

– Да и я тоже так же подумал, – сказал Пал Палыч.

– Ребята, давайте обследуем свалку, – предложил профессор, – давайте в цепь, Костя, что ты там рассматриваешь?

– А это не опасно? – спросила Сорокина.

– Опаснее того, что было, уже быть не может, –

ответила Муза Карповна. – Давай, Мария Васильевна, не будем мешать молодёжи, мы своё дело сделали, а они пусть своё делают.

– Я следы большие нашёл. – Закричал Костя.

Все подошли к мальчику. Около его ног на сырой земле зияли большие вмятины. Это были отпечатки лап гигантского зверя.

– Можно сказать – монстр, – заметил Позолотин.

– Этот отпечаток не закроешь ладонью. Он гораздо больше лапы любой собаки, волка и даже тигра, прямо медвежий, только медведи в наших местах не водятся, – заметил Юра.

– Интересно, – след оставлен рано утром, потому как ночью накрапывал дождь, – сказал учитель. – Убитый зверь оставить след не мог.

– И что же это значит? – спросил профессора Пал Палыч.

– А то, что пришёл ещё один зверь – хранитель... – ответил профессор. Ведь по легенде отшельник слепил из глины двух зверей.

– И как же теперь быть? – спросил Лёня.

– Нам ничего не остаётся делать, как просить хранителя оставить мамушкины игрушки на хранение нам. Только знайте – просто так он их не отдаст, – сказал Вениамин Павлович.

– А разве они у него? – У Антона от удивления вытянулось лицо.

– А ты, мил человек, думаешь он зря сюда пришёл? Если хранитель здесь, то и игрушка должна

быть где-то совсем рядом; Лёня прав, игрушка на свалке, чувство его не подводит.

– А мы не рискуем? – спросила опять Сорокина Пал Палыча. – Ведь всё-таки здесь дети.

– Это даже очень хорошо, что дети, – заметил профессор. – Без присутствия детей, думаю, хранитель ни за что не отдаст игрушку ни мне, ни вам. Ведь она, прежде всего, лепилась для них. Главная задача хранителя – передать игрушку людям в надёжные руки. Подтверждением тому, вот эти отпечатки лап.

– А вы, милейший, – обратился профессор к Лёне, – не могли бы, поточнее сказать, где она находится?

– Нет, я только чувствую, что она где-то на свалке, вроде как в овраге, куда сталкивают мусор; больше сказать ничего не могу.

– На дне оврага плита железобетонная лежит, может быть под ней? – сказал профессор. – Когда я проводил изыскательские работы, то всегда на ней раскладывал найденные предметы. Там я был всегда в полной безопасности от Симы.

– А где лежала плита? – спросил капитан Канивец.

– На сажень левее старой бочки, меня Семён Ваганович всегда с плиты при помощи верёвки снимал, как с льдины.

– Тэперь её там нэма, она лэжит гораздо ниже, – заметил Канивец. – Я утром спускался в овраг, потому, шо там ночью что-то скреблось и ширкалось,

в общем шум оттуда исходил. Бачу – плита лежит гораздо дальше, чем вы сказали, а я спускался, в аккурат, рядом с бочкой.

– Правильно, – сказал Пал Палыч, – проникнувшись духом таинственного, – хранитель званий не различает. Вряд ли ему известны были ваши намерения, капитан, и потом, весь этот вечерний шум не мог на него не подействовать, он осторожный, вот и решил спрятать игрушку понадежнее.

– Для ёго вся наша толкотня, получается, походит на подготовку к возможному посягательству на охраняемый объект, – сказал капитан Канивец.

– А причём здесь плита? – спросил Антон.

– Когда кран поднимал контейнер, плита лежала совсем рядом, – пояснил Канивец. – Мы это знаем, видели. Её никто не трогал. Бьюсь об заклад, что на арматуре плиты мы обязательно увидим отпечатки его клыков, – и первым стал спускаться под обрыв к водотёку. За ним последовали и дети.

– Без меня никак нельзя, – засуетился Вениамин Павлович, – это опасно. Я исследовал древние манускрипты и знаю, что в этих случаях надо делать...

– Вениамин Павлович, – сказал учитель, – с вашим здоровьем таких подвигов совершать нельзя.

– А я не вражескую пулёмётную точку лезу собственным телом закрывать, – обиделся профессор, – а делаю то, что и должен делать согласно своей информированности в этой области, и не спорьте со

мною, а лучше обвяжите меня верёвкой и спустите вниз.

Профессора обвязали верёвкой и спустили в овраг.

– Есть, – сказал Лёня, – вот она. – Все стали смотреть туда, куда указывал пальцем Лёня.

– Плита, – воскликнул радостно младший лейтенант Митин, он тоже спустился на дно оврага.

Торчавшая из железобетонной плиты почти в три пальца толщиной стальная арматурина, была на треть перекушена, а на других частях плиты виднелись солидные раздробленности.

– Экая силища. Он тащил эту плиту, зажав клыками арматурина, почти двадцать метров, – сказал Пал Палыч, – зачем? Считаю – нам надо проявить осторожность и отойти от этого места.

– Думаю, что игрушки под плитой, – сказал профессор, – не зря же он её перетащил. Только просто так, повторяю, зверь игрушку не отдаст.

– Надо приготовить оружие! – сказал капитан Канивец и, вытащив пистолет, встал, всматриваться во вздыбленный по краю оврага мусор, думая, что зверь притаился где-то там.

– Полноте, капитан, – сказал профессор. – В кого вы собрались стрелять? В лучшем случае это будет мираж. В худшем – вы его не увидите совсем.

– Что же делать? – спросил Пал Палыч.

– Силой тут ничего не сделаешь. Тысячу, а то и две тысячи лет тому назад люди это хорошо понимали и знали, как поступать в таких случаях.

– Так, как же? – спросил капитан.

– Думаю, нам надо уговорить зверя, чтобы он передал игрушки на хранение нам.

– А это возможно? – спросил Костя.

– Попробуем... Наверняка ему отшельником поручено хранить игрушку до прихода хозяина. Он отдаст игрушку только хозяину.

– Кто же этот хозяин? Спросил Антон с интересом.

– А ты и есть самый настоящий хозяин, – ответил профессор.

– Как – я..., – опешил Антон.

– Ты среди всех нас самый младший..., потому и хозяин.

Антон немного испугался и отступил за брата.

– Я пойду, загляну под плиту, раз Тоша трусит, – сказал Лёня, и уже было направился в овраг, но профессор схватил его за руку. – Не спеши. И вдруг, сложив руки рупором, прокричал хриплым старческим голосом:

«Хранитель! К тебе обращается профессор Позолотин. Ты слышишь меня?»

«Слышишь меня,... слышишь меня,... слышишь меня...» – отозвалось эхо.

– Да, я слышу вас, Вениамин Павлович! – раздался могучий, точно рокот морского прибоя, голос. – Я разговариваю с вами только потому, что знаю вас. Не обижайтесь,... я уважаю ваши седины, но игрушку вам отдать не могу, – я должен выполнить свой долг перед отшельником.

«Отшельником,... отшельником,... отшельником...» – раздалось по оврагу.

– Откуда голос? – спросил капитан Канивец, озираясь. – Слышится нечто гудящее, как бы со всех сторон...

– Ты веришь, хранитель, что я, профессор Позолотин, не сделаю ничего плохого изделиям мамушки? – опять прокричал профессор.

– Да, я верю тебе, профессор... – услышалось в ответ.

– А чтобы тебе не сомневаться в наших намерениях! – крикнул профессор, – давай объединим наши усилия по сохранению мамушкиного наследия! Давай передадим игрушки детям! Они предназначались им!

– Мне надо подумать.

– Мы подождём.

– Вы правы, – сказал минуты через три зверь. – Я с удовольствием отдам игрушки детям.

– Вот и договорились, идите к нам! – обрадовался профессор.

– Я не могу вам показаться. Дело в том, что я сделан отшельником много страшнее своего брата и вы, увидев меня, можете сойти с ума. После слома дома, изразец с моим изображением был вывезен на свалку и мне пришлось его по ночам искать, чтобы не нанести своим видом людям умственного ущерба. Я долго искал его и потому вы наткнулись на отпечатки моих лап. Я нашёл его. В нём заключена моя сила.

– Он у вас?

– Нет. Пока я искал мамушкины игрушки его у меня кто-то украл и мне его надо опять искать.

– Кто бы это мог быть? – спросил профессор.

– Кто бы он не был – ему уже не позавидуешь, – сказал хранитель. – Его алчность, желание, во что бы то ни стало разбогатеть – есть неизлечимая болезнь. Он заслужил сурового наказания и это наказание найдёт его... Игрушки вы увидите в нише под плитой. Я ухожу, отвернитесь, чтоб не видеть мою тень, чтоб даже от моей тени мозг ваш не пострадал.

– Отвернитесь,... смотрите в сторону контейнера... – скомандовал капитан.

Взрослые и дети разом отвернулись, а когда повернулись снова, то увидели в овраге на плите радостно прыгающего белого пуделя. Он тявкал, приседал и был очень и очень радостен. Видно, он самый первый вылез из укрытия. Пудель лизал подбравшим ребятам лица и всем видом показывал, что под плитой есть кто-то ещё.

– Вы, профессор, оставайтесь, а мы с ребятами посмотрим, – сказал Пал Палыч, тут легко куда-нибудь провалиться.

– Хорошо, хорошо, – сказал Позолотин, – я только на краешек плиты сяду, устал. – Он подошёл к плите, сел на неё и стал вытирать пот со лба.

Сюда, левее, – говорил Костя, обходя плиту.

– Здесь пещера, – звонко сказал Лёня и, посторонившись, пропустил вперёд Антона. – Иди,... иди,

Тош,... ты ведь у нас самый младший...

Пещера под плитой действительно была небольшая, этак, метра два длины.

– Антоша, посмотри, что там? – попросил Пал Палыч.

– Что-то страшновато, – признался Антон.

– Смелее, Антон, смелее, – подбодрил учитель, – чего бояться, когда тебе сам хранитель разрешил.

Антон встал на четвереньки и полез под плиту. Каково же было его удивление, когда в самом конце пещеры он увидел сбившиеся в кучу глиняные игрушки. Они пялили на Антона глаза и молчали. Впереди всех стоял Заступник с дубиной, за ним Свистопляс, он обнажил свой трезубец и готов был сражаться до конца. На Свистоплясе сидел Гуделка, за ними стояли другие игрушки. Сзади всех находились Катерина с мукомолом. Они держались за руки и, казалось, что уже никакая на свете сила не могла расцепить их пальцев.

– Как вы здесь оказались? – спросил Антон Гуделку и Свистопляса.

– Нас вытащил из автомашины доцента зверь, когда мы в неё забрались и сигналили, – сказал Гуделка.

– К сожалению, мы больше ничего не могли придумать, чтобы вас спасти, – сказал Свистопляс, – простите нас. Весь наш расчёт строился на том, что кто-то услышит сигнал автомобиля и придёт на помощь.

– Вы отчаянные, смелые ребята, – сказал Антон,

– спасибо вам – и стал вытаскивать игрушки из пещеры.

– Да их тут целая коллекция, – сказал изумлённо Пал Палыч. – Вы чего так на нас смотрите? – спросил он глиняшек. – Мы вам не враги и даже совсем наоборот.

Сбоку на плиту прошмыгнул пудель, он как бы успокаивающе, лизнул каждую игрушку и приветственно залаял. И столько в этом лае было восторга, столько любви и радости, такой радости, которой не испытывает человек. Радость пуделя была совершенной собачьей радостью.

– Я их где-то уже видел? – подумал Вениамин Павлович, взглядываясь в игрушки. – Точно, видел! Значит это был не сон,... высокий лопух,... жара,... крики Симы,... прохлада намоченного водой полотенца на лбу, а по груди ходит вот этот воинственный дядя с мечом. – Тебя зовут Заступник? – спросил Вениамин Павлович.

Заступник молчал, но профессор заметил еле заметный кивок. – А ты - Дуня? Дуня-тонкопряха? И снова увидел едва заметный кивок Дуниной головки.

– Это были они. Мать и отец, конечно, привержились профессору в бреду, а игрушки нет. Только тогда они двигались, говорили, переживали и рассуждали, а теперь нет. Это оттого, что вокруг много народа, и они не должны выказывать всех своих умений, потому как эти умения могут быть открыты только детям.

– Жаль, что сгорела моя рукопись, – сказал профессор. Вот из неё недостающая глава, – и он показал на игрушки. – Но эта недостающая глава, глядящая на нас десятком пар немигающих глазок, гораздо важнее всей моей книги. Что, в конце концов, дороже – исписанная бумага при живом авторе или то, о чём в ней было написано, думаю, что последнее гораздо важнее.

Когда вылезли из оврага, то увидели у вагончика скорую помощь. Муза Карповна и Мария Васильевна были неумолимы. Они всех посадили в машину скорой помощи и отправили в больницу, разумеется, кроме Юры. Не было с ними только Мухаева. Его искали целый день, но безрезультатно. А через неделю в местной газете появилась заметка. В ней говорилось, что в психиатрическую больницу был доставлен мальчик, по возрасту восьмиклассник. Его нашли в лесу недалеко от свалки. Он не знал, как его зовут, откуда он родом и рассуждением был похож на трёхлетнего ребёнка. Когда его нашли, то он прижимал к себе какую-то керамическую пластину типа изразца. Изразец был сильно побит. По оставшимся следам от отбившейся лепнины было понятно, что на изразце было изображено какое-то животное. Далее в газете сообщалось, что мальчика осматривал светила психиатрии профессор Богословский. Он сказал, что от большого внутреннего напряжения, возможно, от испуга, биологическая защитная система ребёнка

дала сбой, отбросив его в развитии назад лет на десять. Он так же заверил родителей, что при надлежащем уходе всё восстановится, только в школу ему придётся снова идти в первый класс, потому как полностью восстановить приобретённые знания, особенно полученные в школе, невозможно. На вопрос «Как скоро он пойдёт в школу?» профессор от ответа уклонился.

Глава 61. У мамушки

Никита и Крокыч пролежали в больнице всех дольше. Первым выписали Пал Палыча с Лёней и только через два месяца Никиту и Крокыча. Как только выписка из больницы состоялась Пал Палыч, Никита, Костя, Антон и Лёня вместе с игрушками поехали на кладбище. Из них только Никита знал, где похоронена Елена Никаноровна. Они немало походили по кладбищу, пока нашли могилку мамушки. Во время поиска Никита несколько раз возвращался к воротам и начинал поиски снова.

– Всё из головы выскочило, говорил он. – Вроде здесь должна быть, а нет. Да и вообще был пустырь, а её могилка, в аккурат, с самого края...

– Ты не торопись, – говорил успокаивающе Крокыч. Он опирался на палочку и стоял на одном месте. Ему ещё трудно было ходить, но он упрямился и просил врачей выписать его пораньше.

Наконец, с третьего захода Никита радостно крикнул:

– Вот она, родимая! Была одна, а теперь, вон сколько рядом с ней поселилось.

Могилка заросла травой. Земля на ней осела и крест покосился. Ребята быстро принялись за дело. Они повыдергали сорную траву, посадили заранее купленную цветочную рассаду, Никита лопатой оправил могилку и выровнял крест. Пал Палыч вытащил из сумки что-то завёрнутое в бумагу, а когда развернул и приладил изделие к кресту, все ахнули: на керамической табличке, что привернул Пал Палыч было написано: «Здесь покоится игрушечница Елена Никаноровна». Катерина, Дуня, Смуглянка и Белянка насобирали полевых цветов и украсили ими холмик. В кругу самых близких друзей игрушки опять говорили и были настоящими живыми игрушками, как их и создала великая мастерица. На сделанной Никитой новой скамеечке сидел Василий и, склонившись над гармошкой, выводил необыкновенную мелодию, в которой была то бесконечная грусть, то эта грусть сменялась необыкновенной радостью, то вдруг музыка становилась задумчивой, и каждый из присутствующих в ней находил своё, отвечающее его думам, настроению и сердечному восприятию. Все стояли полукругом около могилки, и когда наступило время уходить, вдруг Глиня и Свистопляс разом шагнули за импровизированную оградку и встали около креста.

– Вы это чего? – спросил их Василий.

– Наше место теперь здесь, – ответил Гуделка. – Детство закончилось.

– Так мы решили, – сказал Свистопляс, – мамушка похоронена так, что мимо её могилки идёт много народа, люди будут на нас смотреть и улыбаться, у них будет легче на душе из-за потери близких.

– Прошло то время, когда мы с Свистоплясом хотели переделать мир при помощи экспроприации, – сказал Гуделка. – Теперь мы знаем, что наши действия были неправильные и рождали они в душах озлобление. Сейчас мы решили идти другим путём – будем пробуждать в людях совесть и сочувствие, а вместе это называется любовью. Они будут смотреть на нас, а мы будем их успокаивать, возвращать, хоть на какое-то время, в детство. Люди вернутся памятью в прошлое, вспомнят себя хорошими и добрыми и им захочется стать такими же, какими они были прежде, души их оттаят и они снова будут любимыми.

– Такая наша теперешняя миссия, подтвердил кентавр. – Пусть люди даже в этом скорбном для них месте, где похоронены их близкие, помнят, что любовь сильнее всех на свете, она сильнее смерти, и наше здесь присутствие укрепит их дух.

– А, что, – сказал Пал Палыч, – задача игрушки в веках была не только развлекать и поучать детей, но и очищать души взрослых от всякой скверны; думаю, что наши друзья выбрали тяжёлый и благородный труд – труд служения.

– Я бы так не смогла, – сказала Катерина и приложила платочек к глазам.

– Целыми днями стоять на кладбище,... и даже ночью,... страхи... – проговорила Дуняша и прижалась ещё сильнее к Василию, – ужас какой...

Василий обнял Дуню к себе и сказал, глядя на могильный крест:

– Я, мамуша, так люблю Дуню, что никогда её от себя не отпущу и она меня тоже любит... – и, посмотрев пристально в глаза Дуне, спросил: – правда, Дуняш?!

Вместо ответа Дуня засмуцалась и спрятала лицо за лацкан Васиного пиджака, а потом выглянула из-под него и сказала:

– Я помню твои слова, мамуша. Ты говорила: «Жди, Дуня. Как жизнь Васю обожжёт, так он другой станет». Вот я и дождалась.

– Мы все прошли через испытания и все стали немного другими, – подчеркнул Заступник. – Думаю, что теперь из нас никто не согласится ехать в чужие земли; нам надо свою землю обустроить. – А Гриша добавил:

– Я там был, ребята, и скажу по совести: «Хорошо там, где нас нет».

Вдруг раздался шелест крыльев. Все повернулись на звук и увидели как к кладбищу, низко над землёй, почти задевая крыльями кустарники, крестясь то на один бок, то на другой летит ворона. Вот она сделала над могилками полукруг и неловко села на соседнюю с могилкой мамушки ограду. И все увидели, насколько она была безобразна. Лысый наполовину череп отливал грязной синетой и фио-

летовыми заплешинами, и на этом черепе, не мигая, смотрел бельмовый белый глаз, крутой горб возвышался на её спине, кривые цепкие когти впились в оградку и ворона, балансируя на верхней перекладине, открыла широко клюв и выдохнула из себя жуткие заутробные звуки: «Кра- хе-хе!.. радуется,.. не долго вам осталось радоваться...»

– Пошла, подлая, – проговорил Заступник и замахнулся на горбатую ворону дубиной.

– Не так, остановил его Крокыч и выступил вперёд. Катерина испуганно схватила за рукав пиджака Григория, ведь он уже один раз от неё пострадал.

– Эту дрянь ни один меч не берёт. – Сказал художник. – Против них есть только одно средство и он, сложив три перста, на расстоянии несколько раз перекрестил ворону. Та при этом, как-то скособочилась, с ненавистью посмотрела на Семёна Вагановича, завалилась на бок и упала с оградки на землю, затем вскочила на ноги и ещё сильнее сторбясь и помогая себе крыльями, зателепалась по проходу между могилками, за ней, злобно лая, устремился пудель.

– Здорово это у вас получилось, – сказал Заступник.

– Эта дрянь только креста животворящего и боится, – ответил Крокыч, а мукомол крепко прижал к себе Катерину.

Они возвращались от мамушки и думали об одном, что вот они прошли через страшные и опасные

испытания и остались живы и что они и дальше должны служить людям и истине, каждый в своём деле: ребята будут осваивать школьную грамоту и одновременно с Пал Палычем станут учиться лепить Саратовскую глиняную игрушку, а профессор будет читать лекции студентам. Пока профессор лежал в больнице ему и художнику выделили временное жильё. После выписки из больницы Вениамина Павловича снова стал работать на своей родной кафедре.

С кладбища они уходили немного расстроенными, жаль было оставлять Гуделку и Свистопляса, но что поделаешь, это их выбор, они мужественные и смелые ребята, а остальным игрушкам думать надо было о своём новом жизненном устройстве, тем более, что мамушкиного, то есть, их дома с черепичной крышей, больше не существовало.

– А у нас с Дуняшей скоро свадьба, – сказал Василий, – мы приглашаем вас всех.

– И мы тоже вас приглашаем, но на свою, – добавила Катерина и благодарно посмотрела на мужчомула.

– Только вот где её играть, мы не знаем, – добавила Дуня.

– У меня есть идея, – сказал до этого молчавший Лёня, – давайте устроим в нашей студии в «Спутнике» уголок игрушки, но не так, как в музее, а чтобы дети приходили и могли играть, сколько им захочется, там и свадьбы сыграем.

– Я – за, – поддержал его Костя и толкнул лок-

тем брата.

– Хорошая идея, – похвалил Лёню Антон и украдкой посмотрел на Пал Палыча.

– За нами дело не станет, только без согласия глиняшек нельзя, – сказал Пал Палыч.

– Мы согласны,... мы согласны, – наперебой сказали игрушки.

– Это выход из положения, – обрадовано проговорил Василий.

– А ты чего молчишь, – спросил Антон Заступника.

– Моё дело святое, я должен отечество от супостатов оберегать, – сказал Заступник.

– И учить детей быть сильными, смелыми, любить свою Родину, – добавила Катерина, – потому, тоже с нами...

– Куда же я от вас, – проговорил весело Заступник и глаза его радостно блеснули из-под больших кустистых бровей.

– Мы будем заботиться о тебе, – сказал Костя.

– Народ, который не заботится о своих защитниках, о своей армии, вынужден потом кормить чужую армию, – блеснул познаниями Лёня. Конечно, он же почти отличник и много чего знает. Эти слова особенно подбодрили Заступника, и он сказал Лёне:

– Ты, Леонид, учись, тебе ведь этнография по душе. – Лёня кивнул. – Я много чего помню из истории края, обязательно расскажу. А потом мы сходим к Свистоплясу, и он тебе такое расскажет о

жизни и быте древних славян, что и не снилось никому. Он ведь реальный представитель того мира.

И вдруг они разом остановились, до них донеслись гудящие звуки. Сначала отдельные, потом они слились в одну неповторимую мелодию.

– Это – Гуделка, – сказала радостно Дуня, – вы слышите!? – это Гуделка прощальную насвистывает!

– Не насвистывает, а нагудывает, – поправил её Пустолай.

– Такого слова "нагудывает" нет, – заметил Мурлотик.

– Давайте хоть здесь не спорить, – проговорили в один голос овечка Смуглянка и козочка Белянка.

– Хорошо играет, шельма, – сказал Никита и смахнул с глаз слезу. Причём слово "шельма" он произнёс так вдохновенно, что в его устах оно стало высшей похвалой, в общем, так, как и всегда.

– А вы что будете делать, – спросил Никиту Пал Палыч.

– Буду хлопотать о музее и о ночлежке, – ответил дворник, – не знаю как кому, а мне стыдно жить в обществе, где у одних хоромы, а другим негде голову преклонить, даже у пичужки есть гнездо... – и вдруг весело сказал: – А пойдёмте ко мне, в мою комнатку, вспомняем мамушку, я ведь там схоронил в сарае мамушкины приспособления, возьмёте их в клуб, а?

– А у меня есть оттуда крупорушка, – добавил Лёня.

И все вместе они направились в комнату к Никите.

Не успели они пройти и сотни метров, как сзади раздался прозвучал автомобильный клаксон. Автомашине уступили место, сойдя на обочину, но та и не думала их обгонять. Все повернулись – на дороге позади них стоял милицейский Уазик. В боковое окно смотрел Ваню. Он улыбался.

– Я ще знал, шо вы на кладбище поихалы, а найти не могу. Дывлюсь, дывлюсь, туды-сюды, а вас нэма, – проговорил, высунувшись из автомобиля, капитан Канивец. – Сидайтэ, трошки подвезём.

– Так нас много... – сказал Пал Палыч.

– Садитесь, садитесь, – проговорил лейтенант Митин, – без меня как раз уместитесь.

– А как же вы? – спросил Пал Палыч.

– Я доберусь... У меня здесь дела.

Капитан Канивец стал рассаживать друзей. Пал Палыч, Крокыч и профессор сели на заднее сиденье, а ребята с пуделем разместились на приставных.

– Все уселысь? – спросил капитан? – Тогда поихалы.

Только поехать сразу не пришлось. Ваню выглянул в окно, открыл дверцу, вылез и стал, глядя на переднее колесо, чесать затылок.

– Шо? Опять? – проговорил с тревогой в голосе капитан Канивец. – Шо затылок скрябаешь?

– Опять... – сказал сержант, пожал плечами и, достав из-под сиденья ключи, стал отвинчивать за-

пасное колесо.

– Трошки подождыте, неувязочка вышла, – проговорил Канивец и вылез из кабины: «Ну шо ты на это колесо дывышься, як на красну дэвчыну? – слышался его голос, – ставь, давай, люды ждут».

– Так домкрата нет, товарищ капитан.

– Я тэби скоро со своей зарплаты куплю этот несчастный домкрат, – проговорил сердито Канивец и, обращаясь к пассажирам, договорил с улыбкой. – Небольшая замыночка, сейчас поидым, – и, взявшись за передний бампер, проговорил: – ставь, давай, растяпа.

– Подождыте, мы выйдем из машины, – сказал Пал Палыч, первым догадавшись, что проколото колесо и капитан решил приподнять передний мост.

– Та куда вы выйдытэ, сидыте, потом опять расаживаться, только врэмя терять, – проговорил капитан. – Мне не тяжело.

– Нет-нет, мы всё-таки выйдем, – запротестовал Пал Палыч. – Так нельзя.

Через минуту все вышли из машины и собрались на одной стороне дороги, ожидая, когда водитель с капитаном заменят колесо.

В природе было всё тихо и ясно. Проворный, ласковый, словно игручий котёнок, тёплый ветерок набегал из овражка, шевелил зелёную травку, взбирался на высокие сухие прошлогодние бустылы, и, обхватив розовыми подушечками лапок коричне-

вые метёлки бустылов, раскачивался и от восторга попискивал.

– Посмотрите, как красиво! – сказал, стараясь перебороть внутреннее волнение, Лёня. – Все посмотрели на Пегасова, а затем в ту сторону, куда он показывал: с крутого и высокого правого берега, на реку и на Заволжье открывался удивительнейший вид. Бесконечная в своём разливе река, бесконечная заволжская даль и бесконечно-высокое голубое небо пьянили и ласкали взор. Могучая красота. Неизъяснимы её выражения. Неисчислимо её богатство. Озирая чудо, так и просятся из души сильные и красивые выражения. Да и как всё это выразишь?! Да, и с чем всё это сравнишь?! Нельзя выразить... Не с чем сравнить... Только глубокий вздох и приятное ноющее ощущение в сердце, опустошённого муками созерцания, возвещает о божественности увиденного. Великая река! Неотмирная красота! Царственен её ток при необозримой ширине, что даже само небо, при всей своей необъятности, утонуло в её глубинах, и нет её величию и просторам конца и края, и нет такой реки и такого моря, чтобы могли с ней сравниться. «Э-ге-ге-э-э-э!-!-!...», – крикнет очарованный странник, глядя в бескрайние дали и, улыбаясь, присядет на пригорок, потому как, не тотчас отзовется эхом его голос, ибо не скоро достигнет звук другого берега и, отразившись, вернется назад. И только, изрядно придремав на солнцепёке, услышит странник ответное: «Э-ге-ге-э-э-э!-!-!...». Но, и это не всё. Ещё больше уди-

вится он, когда, много позже, второе «Э-ге-ге-э-э-э!-!-!...». низринется на него из лазурной дали. «Как!?!», «Откуда!?!» спросит себя, озадаченный услышанным, человек, и не найдёт ответа; и невдомёк ему, что долетел звук степными просторами Заволжья до седых уральских хребтов, взбудоражив своим появлением державные отроги гор, отразился и возвратился назад. «Э-ГЕ-ГЕ-Э-э-э!!-!!-!!...», радостно возвестил он о себе, после чего, взмахнув серебристыми крылами, взлетел к облакам; да что там к облакам – к самому солнцу, оглашая весь звёздный мир об увиденном на земле чуде – прекрасной и непостижимой стране с названием – Россия!.. Услышав сильно запоздалое эхо, почешет странник затылок, окинет взором берег и реку и ужаснётся, да и есть чему ужасаться: собери со всего света и от всех народов самых талантливых музыкантов – и у них не достанет нот, чтобы выразить звуками эту непостижимую красоту; собери всех талантливейших художников земли – и они не смогут отразить всего увиденного в красках, потому как не достанет у них на палитре необходимых тонов; и, собравшись, лучшие певцы мира не смогут воспеть красоту этой земли, потому как оборвутся в высочайшем напряжении голоса, так и не взяв нужной высоты и не явив нужного тембра..., потому как велик простор, велика страна и велик живущий в ней народ...

К Грише подошла Катерина и взяла за руку. В ответ мукомол крепко сжал её пальцы, на его глазах

выступили слёзы. Сколько лет, изнемогая в каторжных норах, он мечтал прийти вот так на берег родной реки и сказать тихо и просто: «Здравствуй, мамушка,... я вернулся», ибо только он один из всех присутствующих знал, что такое чужбина и знал настоящую цену Родине.

– Пал Палыч! Может вы нам что-то скажете? – попросил Антоша.

– Давайте лучше помолчим, – предложил Костя. – Красивее того, что мы видим, всё равно словами не скажешь, а хуже говорить, я думаю, не стоит. – Все с ним согласились и стали смотреть на реку.

– Белый теплоход, – удивлённо и тихо сказала Дуня. – Белый-белый на синей воде. – Она с умилением взглядывала, то на теплоход, то на лица друзей, как бы говоря: «Вы, что,... разве не видите!? Вот же он; плывёт; белый-белый.» – Его и мамушка видит, только душой, правда? – Дуне очень-очень хотелось, чтобы пароход видела обязательно и мамушка, а не только они. Никто из присутствующих этому не возразил, потому что сказка у каждого в душе обязательно должна быть досказана до конца, ибо не может душа существовать без сказки, как бы не звучали в жизни, иной раз, совсем не сказочные мотивы.

Через десять минут повреждённое колесо было заменено. Взрослые и дети стали вновь занимать свои места. Капитан сел на переднее сиденье. Он и на этот раз отлично исполнил обязанности домкрата, сержант стал укладывать под своё сиденье инст-

румент, но баллонный ключ почему-то не лез.

– Дай сюды, – проговорил капитан. Он взял ключ из рук водителя и стал его заталкивать под своё сиденье. И вдруг глаза капитана неимоверно округлились.

– А это шо такэ?– проговорил он вытаскивая из под сиденья домкрат. Глаза его округлились. – Это шо такэ?! Я тобэ, Вано, спрашиваю...

– Дом-кра-т, –... проговорил испуганно и немного заикаясь, водитель.

– Ты это шо же, мудрушки со мной решил мудроваты?!

– Так его же доставать надо, при-спо-саб-ливать, – дрожащим голосом проговорил Вано, видимо от испуга не совсем понимая, что в данную минуту ему безопаснее было помолчать, уповая на провиденье, а не вот так. – Вы же сами говорили, что быстро надо, а быстрее вас, Фёдор Иваныч, ничего нет и быть не может по определению.

– Благодарю бога, Вано, что у нас пассажиры, – проговорил капитан. Он ещё что-то хотел сказать, но не успел, сзади раздался дружный хохот. Смеялись все, но залиvistее всех смеялся Никита. Он буквально лёг на спинку переднего сиденья и не мог остановиться. Засмеялся и капитан Канивец. Он смеялся и приговаривал:

– Вот пацанва пошла... А! Мэнэ – капитана Каневца, как малое дитя... – и он нарочно замахнулся на Ваню, как бы желая дать ему подзатыльник. – Так бы и трэснул по макушке. Дождэшься у мэнэ.

Один пацан уже дождался. Где он тэпэрь? Во, правильно – ручки крал-крал – тэпэрь, на верёвочке сыдыт, и ты достукаешься.

– На этой что ли? – спросил Ваня и достал из-под сиденья огрызок верёвочки, на которую капитан, изловив рыжую собачонку, привязал её к своему стулу.

Капитан взял огрызок верёвки и, показывая его сидящим сзади, сказал весело:

– Вот пацанва четвероногая, вот пацанва,... все самопискы перетаскала... Ужо я до вас добэрусь до обоих... – Машина тронулась.

Юра посмотрел вслед «Уазику», вернулся к кладбищу и сел на небольшую кладбищенскую скамейку. Перед ним раскинулась Волга, рядом росли деревья. «Хорошее место», подумал Юра, затем перевёл взгляд на крест, увидел у креста стоящие игрушки, а на кресте прочитал надпись: «Здесь покоится игрушечница Елена Никаноровна». Юра улыбнулся и подумал: «Жаль, что фотографии нет», а, впрочем, стоять вот так игрушкам под дождём и снегом не дело, надо обязательно сделать стеклянный пенал для игрушек и большую скамейку, потому как многие захотят посидеть у этой могилки, посмотреть на игрушки и вспомнить пережитое, а такие воспоминания не бывают короткими. Только где взять на это обустройство денег? И тут Юру осенило:

– Это идея, – сказал он, – и похвалил себя за

смекалку, – пойду-ка я к начальнику автобазы, что находится на ВСО, к Хурунжему. Думаю, согласится помочь, деньги ведь не великие, а причина есть, его ж машины вывезли игрушку на свалку, – и он, покинув кладбище, весело зашагал на автобусную станцию.

Только Юра ушёл, как к могилке подошёл высокий мужчина в клетчатом пиджаке и сел на ту самую скамейку, на которой сидел Юра. Это был Батист. Глиня и Свистопляс, увидев его, переглянулись и крепко взяли друг друга за руки.

– Вот где я вас находить, – проговорил француз.
– Что опешали?

Конечно, Глиня и Свистопляс очень испугались, но продолжали стоять, стараясь не подать вида, что им страшно.

– Нет, – сказал Глиня, – мы вас не боимся.

– Не боимся, – В тон другу проговорил Свистопляс.

– Это вы молодец, что не боитесь. Потому и не боитесь, потому что не знаете, кто я?

– Почему же не знаем? Знаем. – Твёрдо произнёс Глиня. – Наслышаны... Нам о вас Василий-гармонист рассказал. Вы предприниматель из Франции, ищете старинную саратовскую игрушку. Не так ли? Вы в этом преуспели. С чем вас и поздравляем. Мы и есть старинная саратовская глиняная игрушка. Теперь, как мы понимаем, вы нас засунете в карман или положите в портфель?

– Ни то и не другой. – Проговорил Батист дру-

желюбно. – Вы не знай настоящий французский интеллигент. Вот он перед вами. Я совершенно не кусаться и не класть никого в карман. Я не хотел сюда ходить, но мне надо было проверить гипотеза. Меня покорять ваш героизм. Меня стёреть в пыль ваша жертвенность. Жертвенность не бывает без любовь. Это очень корошо. Жертвенность ради ближних обезоруживать и брать в плен. Я ваш пленник, господа. Если в России такой игрушка, то тогда, какая же в ней народ?! – закончил говорить Батист. Он был очень взволнован. Руки у француза подрагивали, а стеклянный глаз было не отличить от настоящего. Оба глаза были ярко голубыми.

– Значит, вы нас не тронете?! – удивлённо и обрадованно спросил Свистопляс.

– Нет, я не трогать, я вас охранять. Я не говорить этому борову, Бакстеру, где вы есть? Он страшный человек.

Глина и Свистопляс несказанно обрадовались.

Батист уходил с кладбища в приподнятом настроении. Он нашёл игрушку. Он её всё-таки нашёл. Где этот несчастный чиновник, несчастного тайного департамента? Где он!? К чёрту департамент, к чёрту эту контору, – пролетало у него в голове. Из меня хотели сделать убийцу. Нако вот, выкусите тайные и не тайные... – Так он дошёл до автобусной остановки и сел на скамейку. На остановке не было ни одного человека. И вдруг Батист почувствовал себя плохо. «Воздуху. Надо больше воздуха» – по-

думал он и стал судорожно расстёгивать верхнюю пуговицу рубашки. Наконец пуговица оторвалась и покатилась под ноги. Только от этого не стало дышать лучше. И тут Батист понял. « Проклятый диабет, – подумал он. – Надо положить в рот кусочек сахара». Он стал рыться в кармане, с трудом извлёк кусочек сахара и хотел положить его в рот, но рука не донесла сахар до губ. Спасительный кусочек выскользнул из пальцев и упал на землю. Подать ему этот беленький кусочек было некому. На остановке не было ни души.

Но вот послышалось гудение легкового автомобиля. Автомобиль остановился напротив полужащего на скамейке предпринимателя. В автомобиле опустилось тонированное стекло. За стеклом показалось квадратное лицо человека с тяжёлым носом и такой же тяжёлой челюстью. Человек с первого взгляда оценил обстановку. Он знал, что Батист болен диабетом. Не ускользнул от его взора и белый кусочек сахара на земле. Автомобиль постоял минуты две-три. Тонированное стекло дверки кабины поднялось, скрыв за собой совершенно спокойное лицо Бакстера, автомобиль фыркнул и покатил дальше. Батист проводил его потухающим взором. В той стороне, куда уехала машина, к автобусной остановке неторопясь, по обочине дороги, двигались две фигурки. Это дачники

.....

В комнатке Никиты было тесновато, но никто на это не жаловался. Попили чай, вспомнили про-

спешее и собирались уже уходить, жалея о книге и картине, раздался стук в дверь.

– Не заперто, – сказал Никита.

Вошёл Валет. Он бережно положил на стол что-то завёрнутое в газету.

– Что это? – спросил Никита.

Вместо ответа Валет пожал плечами и ничего не сказал.

– Ну, раз ко мне принёс, значит мне и смотреть, – сказал Никита и с этими словами развернул свёрток. В свёртке оказалась чистенькая, листочек к листочку Позолотинская рукопись. Профессор взял рукопись трясущимися руками и спросил:

– Как?.. Как?.. Каким образом? – и прижал исписанные листы к груди.

Оказывается, Валет спал в день трагедии недалеко от свалки, услышав из диалога Забродина и профессора слова о рукописи и зная, где она находится, он, опередив доцента, взял её из хибарки, потому как понял, что эту улику доцент ни за что не оставит, заодно захватил и рулончик с набросками к картине Крокыча, правда, наезда автомобиля на Крокыча и Позолотина он не видел, не видел он и гибели доцента, потому как сразу покинул свалку.

Ах, как были рады Крокыч и Позолотин. Слёзы выступили у них на глазах. Крокыч же радовался как ребёнок и обещал немедленно начать рисовать. Оказывается, Валет взял те самые эскизы и наброски, накануне собранные Крокычем в отдельный рулон, ведь он о них знал и этот рулон видел.

– Жаль, что только книгу напечатать не на что, – сокрушался Никита, виноват я, братцы,... – но он не успел договорить, как в комнату вошёл, держась за косяк однокорпусник Илюха. Он от слабости плохо стоял на ногах, но глаза его горели каким-то таинственным искрящимся светом. По этим глазам было видно, как трудно дался ему этот приход и даже не физически. Илюха упал перед всеми на колени, достал ту самую сумку, которую, когда-то положил под голову Никита под вишней и, обнимая ноги присутствующих, говорил:

– Бейте меня!... Не жалейте... Жить, братцы, тошно!... Преступник я!... Это я сумку из под головы у Никиты вытащил. Выследил я тебя Валет. Знал, что ты деньги понесёшь, вот и выследил. Думал на эти деньги к врачам хорошим обращусь, думал выличиться. Я не просто украл,... я честным человеком загородился... Нет мне пощады-ы!..

– Нет, ты не мерзкий, а настоящий, – сказал Никита, поднимая за плечи Илюху с пола.

– Никита... Ты знаешь... – продолжал Илюха. – Заела меня совесть. Жисть не мила.

Братцы! Что же я с собой наделал!!! Клоп я вонючий, жаба пузырчатая. Я же жить теперь не могу. Думал, всё обойдётся. А оно не обходится. В петлю меня гонит, в омут головой. Только и нашёл в себе силы к вам прийти. Повинюсь, думаю напоследок, потому, как не жду и не ищу прощения. Зачем мне ваше прощение, когда я сам себя простить не могу.

Я же совесть в других пробуждал, за закон стоял, можно сказать жизни добровольно лишился, а сам не устоял... И как не устоял? – гнусно и мерзко, искушение верх взяло, победило,... раздавило, расплющило как клопа. Я же, Никита, не тебя, я бога предал.

– Дайте ему воды, – сказал Крокыч, – видите как надсадился.

Дали воды. Ковшик с водой стучал о Илюхины зубы, вода разливалась. Наконец он сделал несколько судорожных глотков и разом обмякнув, повис у Никиты на руках. Никита посадил Илюху на кровать и прислонил спиной к стене. Илюха, откинув голову, тяжело дышал. Затем дыхание его начало ровнеть, блуждающий взгляд стал терять свою неопределённость. По нему было видно, что он ещё полностью не пришёл в здоровое состояние, но уже стал понемногу себя осознавать.

– Что это с ним? – спросила испуганно Дуня. – Я прямо-таки боюсь. Может быть, ему какую-нибудь таблетку дать?

– А вот бояться, моя милая, уже никого не надо, – проговорил Никита. – Когда погранный совесть в человеке начинает за себя бороться, то человек за просто на себя может руки наложить. Хорошо он до нас сумел дойти, а то бы и не дошёл. Покаяние – для него была самая главная таблетка. Он её выпил; больше ему ничего не требуется.

И действительно. Немного погодя Илюха пол-

ностью пришёл в себя и был необыкновенно тих и покоен.

Велик русский человек! Велика вера, данная ему Богом! И, чтобы вместить эту веру и эту любовь, даны ему Творцом безмерная душа и безмерное сердце. Нет такого сердца ни у одного народа под луною и нет более такой космической души во вселенной, что принадлежит русскому человеку. Э-ге-гей!!! Русич!!! Тебе ли унывать?! Тебе ли горевать?! Не ты ли хранитель небесной славы, не о тебе ли заповедано небесным силам, и не ты ли костью в горе стоишь у всех мудрствующих, лукавых и ненавидящих тебя, за твоё долготерпение и правду?! Не твои ли православные храмы поддерживают куполами небеса и не тебе ли промыслительно даны великие пространства земли, чтобы, храня святое, ты ни в чём не нуждался и был милосерд. Грандиозна твоя задача, велик крест, который ты несёшь, безмерна скорбь твоих матерей и жён от потери мужей и сыновей на полях сражений и разодрался бы на части небосвод, и расселись бы горы, и высохли реки, и зарыдали камни, и не было бы больше печали под луною, аж до центра земли, если бы ты был повержен. Знает о том породившая тебя Земля, знают о том Небеса. Божий человек, Божий народ! Народ – крестоносец, народ – победитель, народ – страсто-терпец. Как не любить твоё могучее дыхание и твою твёрдую поступь! Как не восхищаться твоей удалью, как не умиляться твоими песнями и сказками, а ещё более, как не удивляться твоему простодушию и

твоей детской наивности, когда злоба и ненависть окружают тебя. Ком подступает к горлу, когда видишь, как со злобным оскалом вонзают в твою спину предательский нож те, кого ты спасал не жалея собственного живота. Радуйся, миротворец, радуйся, надежда мира, ликуй, счастливейший из счастливых, велика твоя награда на небесах, велик тебе почёт среди населяющих землю, но и велика твоя ответственность на этой земле. Ты духом – царственный небожитель – и не от мира сего твои стремления и надежды, твои поступки и твои желания. И, если бы не требовались небесам ангелы, и не было на то Божьей воли, то не сгиб бы на земле ни один русский человек.

– Вот и хорошо, – говорил Никита, – вот и хорошо. – Глаза его светились необыкновенной радостью. – Пропал человек и нашёлся,... умер и ожил,... упал и восстал, был просто знакомец, а стал родной брат,... вот так оно происходит. Похоронил... Можно сказать – заживо закопал себя на наших глазах и в нашем присутствии,... разве это не чудо?! И зовут его не Илюха, а Илья – богатырь земли русской. На наших глазах совершил великий подвиг, который не каждому под силу под этим небом.

А насчёт этого, – и Никита кивнул на сумку с деньгами, – забудь. После того, что произошло, – я тебе верю даже больше чем себе.

– И без обиды!? – спросил, поднимая глаза, Илья.

- Это ты о чём? – сердито спросил Никита.
- Да, ... я....
- А ничего, Илья, и не было, правда, Валь? – перебил его дворник.
- Конечно ничего не было, – ответил Валет.
- А вот чего было, так это спасение рукописи и рисунков, тебе низайший поклон, – и Никита в пояс поклонился на какое-то время потерявшему дар речи Валету.
- Качай их, – сказал Крокыч, и несколько пар рук подняли и подбросили бесконечно счастливого Валета, а затем и Илью к потолку.

Послесловие

После всех рассказанных событий игрушка переехала на постоянное место жительства в кабинет керамики на улицу имени Марины Расковой 9; Пал Палыч вышел на пенсию, но продолжает работать и вести с детьми занятия; Никита ударился в политику и баллотируется в депутаты. Главный его лозунг «ЧЕСТНОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ТВЁРДОСТЬ», или короче «ЧЕСТЬ». Видно он решил писать и проводить в жизнь справедливые Никитины законы. Живёт он в той же комнатёнке. В переднем углу он повесил ту самую иконку, перед которой молилась Елена Никаноровна, а чуть ниже приклеил к стене маленький листок из ученической тетради, что нашёл на месте сломанного дома. На этом листочке неровным детским почерком было выведено

синим фломастером «Справедливость, Справедливость, Разумность, Сплочённость, Сознательность», причём буква «С» во втором слове была прорвана, видимо писалась с большим усердием. Лёня поступил учиться в Саратовский университет. После всех событий у Кости был стресс и один год ему в школе пришлось пропустить по болезни, теперь догоняет; а пока он лежал в больнице и был дома, то у него созрела мысль стать писателем или журналистом, чтобы рассказывать людям о народных промыслах России. Антон целыми днями пропадает в клубе "Спутник". Уголок традиционной Саратовской игрушки полностью в его ведении. Недавно он занял первое место на областной выставке МЧС, посвящённой пожарной тематике. На выставку он представил интересную работу: Антон слепил из глины горящий дом, на трубу дома прилепил отчаянно мяукающего перепуганного кота. С трубы игрушечного горящего дома игрушки-пожарные снимают мяукающего бедолагу. Антон уверен, что пойдёт учиться на игрушечника и организует свою мастерскую по её производству, только где на игрушечников учат – он не знает. Крокыч с Валентином устроились на свалку сторожами. Крокыч живёт вместе с пуделем в вагончике, где жил Сима, и ни за что не хочет оттуда переезжать, пока не закончит работу над картиной. Вагончик он называет не иначе как художественной мастерской.

А профессор? – Профессор сейчас на симпозиуме в Стокгольме. Говорят, что он скоро станет ака-

демиком. Муза Карповна Городец стала подполковником, её перевели работать в область, а капитан, Мария Васильевна Сорокина, получила звание майора. Юре было досрочно присвоено звание лейтенанта. Он всё так же ходит на троллейбусную остановку и покупает у бабульки семечки, и обязательно попробует не слишком ли солоноваты, потому как его воробьи солёные не клюют. Как его не уговаривала Муза Карповна перейти в её отдел, он не согласился, будучи твёрдо уверен, что его дело – педагогика. И ещё он очень подружился с капитаном Каневцом, который учит его при помощи гантелей и гирь загонять в мышцы силу. Шофёр Уазика Ваню или Ваня ездит теперь с домкратом, только редко его вынимает и всё также зовёт на помощь капитана Каневца, так быстрее. Паук Федя и Воробей Крошкин не стали менять место жительства и обосновались в старом сарае. Крошкин, как только увидел в сарае паучка, громко, радостно и удивлённо прочирикал: «Федя! А я думал, что тебя съели!» – и тут же заверил друга, что не покинет мамушкиного сарая никогда, потому как покидать родное пепелище у воробьёв не в характере, где бы у них какая и хорошая жизнь ни была. Воробей он по натуре домосед.

Пруд, где катались на плотах ребята, находится на том же месте, где и был, и вода в нём не убывает, и круглые дощатые барабаны из-под кабеля всё так же плавают меж его берегов. А, впрочем, вот и эти самые плоты. Из-за камышовых зарослей выплы-

вают два круглых плотика, на каждом по загорелому мальчишке в трусиках с длинными палками в руках. Они усердно отталкиваются от дна и правят к мосткам.

– Юра! Митя! – доносится с седьмого этажа рядом стоящей девятиэтажки – где вы!!?

– Мы здесь! – крикнул малец с первого плотика.

– Обедать, живо! – донеслось с балкона.

Я постоял, посмотрел, как голоногие мальчишки причаливают к берегу, и улыбнулся, вспомнив совсем недавнее и нечто подобное.

Апрель 2011 год.

Содержание

Глава 43. Дом на Лермонтовой (продолжение главы).....	3
Глава 44. Василий играет.....	16
Глава 45. Пленники.....	25
Глава 46. Глиня совершает подвиг.....	48
Глава 47. Профессору плохо.....	74
Глава 48. Пегас действует.....	90
Глава 49. На задней подвеске.....	97
Глава 50. Знакомые запахи.....	98
Глава 51. Неожиданная встреча.....	127
Глава 52. Страх.....	139
Глава 53. Юра арестован	146
Глава 54. Пожар.....	157
Глава 55. Отрезвление.....	168
Глава 56. Драконы и Иванушки.....	175
Глава 57. Выбор.....	177
Глава 58. Заживо погребённые.....	191
Глава 59. Роковой выстрел	207
Глава 60. Хранитель уходит	223
Глава 61. У мамушки.....	239
Послесловие.....	262

Литературно-художественное и краеведческое издание

Пётр Петрович Африкантов

Сказки о Саратове

роман

«СТАРЫЙ ДОМ ПОД ЧЕРЕПИЧНОЙ КРЫШЕЙ»

Книга седьмая

Книга издана в авторской редакции.
Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод
«Римкер».

-mail : p.africkantov@yandex.ru

Восьмая книга серии будет посвящена практике изготовления изделий из глины. В неё войдут разделы: «Декорирование Саратовской глиняной игрушки», «Лепка керамической скульптуры», «Изготовление горшков из кирпичных глин», «Технология обжига».